

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

А. М. Ермаков

**ЯРОСЛАВСКАЯ ВОЕННАЯ АВИАЦИОННАЯ
ШКОЛА СТРЕЛКОВ-БОМБАРДИРОВ**

Монография

Ярославль

2022

УДК 908(407+571)
ББК 39.5
Е 72

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ЯГПУ им. К.Д. Ушинского

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории
Российской академии наук» *Б. Н. Ковалев*,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей
отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова» *А. В. Урядова*

Ермаков, А. М.

Е 72 Ярославская военная авиационная школа стрелков-
бомбардиров : монография / А. М. Ермаков. – Ярославль :
РИО ЯГПУ, 2022. – 291 с.
ISBN 978-5-00089-594-8

В монографии рассматривается история Ярославской военной авиационной школы стрелков-бомбардиров (1941-1942), рассказывается об участии ее курсантов и офицеров в крупнейших сражениях Великой Отечественной войны, о трагедии военнопленных и поисках пропавших без вести, а также о жизни ветеранов-явашевцев после войны. Значительное внимание уделяется судьбам конкретных людей на фоне истории нашей страны. В научный оборот включено большое количество архивных документов и материалов, хранящихся в семьях бывших курсантов и офицеров ЯВАШ.

Книга адресована исследователям и всем, кто интересуется историей Великой Отечественной войны, отечественной военной авиации, военного образования, а также историей Ярославского края.

УДК 908(407+571)
ББК 39.5

ISBN 978-5-00089-594-8

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2022
© Ермаков А. М., 2022

ВВЕДЕНИЕ

Ярославская военная авиационная школа стрелков-бомбардиров (далее ЯВАШСБ) была одной из 12 школ стрелков-бомбардиров, существовавших в 1941 г. В течение всей войны действовали 2-я Чкаловская, Харьковская, Челябинская и Ташкентская школы, а Грозненская, Канская, Краснодарская, Кременчугская, Мелитопольская, Олсуфьевская, Павлоградская и Ярославская школы были закрыты в 1941-1942 гг. Эти расформированные школы успели выпустить 2 746 стрелков-бомбардиров из общего количества подготовленных за войну 17 059 человек¹. Выпускники ЯВАШ, обучение которых завершилось в феврале-марте 1942 г., в эту цифру не входят. По воспоминаниям курсанта А. В. Федорова, в их красноармейских книжках вместо военно-учетной специальности (ВУС) 69 (воздушный стрелок-бомбардир) была указана ВУС 1 (стрелок). По предположению российского исследователя В. В. Абрамова, ЯВАШ не входила постоянно в состав наркомата обороны СССР, а была в ведении Осоавиахима, игравшего значительную роль в подготовке летных кадров².

Накануне Великой Отечественной войны ЯВАШ была одним из трех военных учебных заведений в Ярославле наряду с кавалерийской школой и интендантским училищем. Ее курсанты и офицеры в форме ВВС надолго запомнились горожанам. Многие воспитанники авиашколы считали недолгое время своего обучения самым лучшим этапом, «голубой полосой» своей жизни.

Появление этой книги было бы невозможным без помощи родственников явашевцев, коллег-исследователей, работников сферы образования и всех тех неравнодушных и хранящих па-

¹ Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в цифрах. Москва, 1962 // <http://militera.lib.ru/h/sovaviation/index.html>. (Дата обращения: 22.10.2022).

² Абрамов В. В. Аджимушкой 1942. Симферополь: Изд-во ООО «Антиква», 2020. С. 298.

мять о героях Великой Отечественной войны людей, которые рассказывали о своих близких и передали в распоряжение автора копии уникальных документов, воспоминаний, писем, фотографий. Хотелось бы отметить: дочь курсанта Федора Дмитриевича Егорова – Елену Федоровну Черкасскую, внука курсанта Ивана Николаевича Знаменского – Андрея Борисовича Знаменского, внуку курсанта Ивана Николаевича Минина – Наталию Захарову, дочь курсанта Сергея Николаевича Сельдина – Надежду Сергеевну Надеждину, внучатую племянницу курсанта Георгия Фердинандовича Стриевского – Александру Сергеевну Смирнову. Щедро поделилась материалами о явашевцах преподаватель истории и краевед поселка Чердаклы Ульяновской области Татьяна Ивановна Бурлакова. Фонды музея средней школы №53 г. Ярославля сохранила заместитель директора Елена Витальевна Козлова. Директор историко-краеведческого музея Глажевской средней общеобразовательной школы Ленинградской области Валентина Николаевна Иванова сохраняет и развивает экспозицию о ЯВАШ, созданную С. Н. Сельдининым. Воспоминания курсанта Василия Архиповича Лысенко переданы автору кандидатом технических наук Александром Владимировичем Кукалевым.

Предлагаемая вниманию читателя книга призвана способствовать сохранению памяти о Великой Отечественной войне, дальнейшему изучению истории военных учебных заведений Ярославской области, истории российских военно-воздушных сил, отметивших в этом году свое 110-летие.

Книга состоит из двух частей. Первая представляет собой научное исследование истории ЯВАШ, участия ее курсантов и офицеров в Великой Отечественной войне и их послевоенных судеб в контексте истории советских Вооруженных Сил и нашей страны. Во второй части опубликованы воспоминания курсантов-явашевцев, хранящиеся в их семьях, школьных музеях и Государственном архиве Ярославской области.

ЧАСТЬ 1.

ЯРОСЛАВСКАЯ АВИАШКОЛА: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

Скупые строки: ЯВАШ в исторической литературе и источниках

Не будет преувеличением сказать, что история ярославской авиашколы до сих пор не привлекала внимания исследователей. Редкие сведения о ней характеризуются неполнотой и неточностью. Так, в статье сотрудника Института военной истории Г. И. Нехонова, опубликованной в Большой советской энциклопедии, ЯВАШ названа «Ярославским авиа-техническим училищем», которого в действительности никогда не существовало³. Этот же текст был воспроизведен в Советской военной энциклопедии⁴. В одном из ярославских юбилейных изданий дается недостоверная справочная информация, в соответствии с которой в апреле-мае 1942 г. «курсанты Ярославской военной авиационной школы стрелков бомбардиров принимали участие в Керченской операции, обороне Турецкого вала», причем из 1 500 курсантов в живых, как утверждают авторы, осталось 35 человек. Курсанты, сообщает читателям, «воевали на Крымском, Северо-Кавказском, Сталинградском, Донском фронтах, в Аджимушкайских каменоломнях»⁵.

Научные исследования истории ЯВАШ проводились только двумя историками, причем для обоих из них ярославская авиашкола, ее курсанты и офицеры не находились в центре внимания. Впервые на след ярославских курсантов-авиаторов в начале 1970-х гг. вышел военный историк Всеволод Валентинович Абрамов, который изучал оборону Аджимушкайских каменоломен в 1942 г. Он осуществил поиск документов ЯВАШ в Центральном архиве министерства обороны СССР, установил имена многих курсантов-участников Керченской операции, поддерживал с

³ Нехонов Г. И. Аджимушкай // БСЭ. Т. 1. 3-е изд. Москва, 1970. С. 227.

⁴ Нехонов Г. И. Аджимушкай // СВЭ. Т. 1. Москва, 1976. С. 112-113.

⁵ А впереди была Победа... : сборник по материалам обл. конкурса. Ярославль, 2010. С. 205.

ними контакты, собирал и использовал в работе их воспоминания. Научные публикации В. В. Абрамова отличаются тщательно проверенным фактическим материалом, взвешенными умозаключениями и выводами⁶. Уникальные документы и фотоматериалы о пребывании курсантов и офицеров ЯВАШ в поселке Чердаклы Куйбышевской области нашла и включила в научный оборот Татьяна Ивановна Бурлакова, которая изучает историю 65-й окружной школы младших авиационных специалистов (ОШМАС) и судьбы ее выпускников⁷.

Скудость историографии объясняется, в первую очередь, небольшой источниковой базой. Документы ЯВАШ на хранение в Центральный архив министерства обороны (ЦАМО) не поступили⁸. В 1974 г. В. В. Абрамову удалось обнаружить в этом архиве только денежные ведомости за январь-февраль 1942 г. В них содержатся фамилии и иногда инициалы курсантов. В нашем распоряжении находятся список 2 отряда 2 учебной авиаэскадрильи (113 фамилий), которые В. В. Абрамов в апреле 1975 г. переслал ветерану-явашевцу Б. П. Захарову⁹, и список 1 отряда 1 эскадрильи (131 фамилия), отправленный бывшим курсантом Н. Н. Веселковым ярославскому исследователю Р. В. Балашову в феврале 1991 г.¹⁰. Кроме того, в корпус официальных документов, использованных для подготовки книги,

⁶ См.: Абрамов В. В. Героическая оборона Аджимушкайских каменоломен. Москва, 1983; Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. Москва, 2006; Абрамов В. В. Аджимушкай 1942. 2-е изд. Симферополь, 2020.

⁷ Бурлакова Т. И. Невоспетые герои воздушных боев. Судьбы курсантов 65-й ОШМАС (место дислокации – село Чердаклы Куйбышевской области). Ульяновск, 2020.

⁸ ЦАМО. Оп. 479154. Д. 2. Л. 130. См. также: Абрамов В. В. Неизвестные становятся известными // Вокруг света. 1975. №4. С. 17.

⁹ Письмо В. В. Абрамова Б. П. Захарову, 29 апреля 1975 г. // Личный архив автора.

¹⁰ Письмо Н. Н. Веселкова Р. В. Балашову, 23 февраля 1991 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 56-57-об.

входят оцифрованные и обнародованные документы ЦАМО: журналы регистрации призывников, которые велись военкоматами; списки личного состава маршевых рот; приказы о награждении военнослужащих; наградные листы; донесения воинских частей о потерях; справки из госпиталей; анкеты по розыску пропавших без вести; переписка родственников курсантов с военными инстанциями; учетные карточки военнопленных¹¹.

Большую роль в исследовании темы сыграли источники личного происхождения – воспоминания и письма. В. В. Абрамов опубликовал воспоминания курсанта Николая Дмитриевича Немцова, написанные в 1974 г. Немцов готовил этот текст для Музея обороны Аджимушкайских каменоломен, поэтому рассказ начинается с прибытия курсантов на Керченский полуостров в первых числах мая и заканчивается пленением Немцова 18 или 26 июля 1942 г.¹². Эти воспоминания оказали сильное влияние на память других ярославских курсантов-участников боев за каменоломни. В своих записях для аджимушкайского музея они или прямо ссылались на них, или пересказывали события явно с учетом написанного Немцовым, повторяли уже приведенные им факты и его ошибки¹³.

В 1986 г. написал первый вариант воспоминаний Алексей Варламович Федоров. В марте 1991 г. он подготовил вторую редакцию своего текста, которая охватывает время от призыва в Красную Армию в январе 1941 г. до прибытия в шталаг VIII А Гёрлиц в конце августа 1943 г. Именно эта редакция была ис-

¹¹ Эти документы находятся в свободном доступе на сайтах «Память народа», «Подвиг народа» и «Мемориал», поэтому в настоящей работе ссылки на них не делались.

¹² Воспоминания Немцова Н. Д. // Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 289-330.

¹³ См., напр., письмо ярославского курсанта, участника обороны Аджимушкайских каменоломен Петра Ивановича Попова. ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 12-об-13-об.

пользована в настоящей работе¹⁴. В начале 2007 г. А. В. Федоров закончил работу над новым текстом, хронологически доверенным до его демобилизации в апреле 1947 г. Он опирался не только на собственную память, но и консультировался с несколькими явашевцами, а также получил от них фотоснимки. Рукопись книги под названием «Мы выстояли» объемом 138 страниц с 15 фотографиями была распечатана в нескольких экземплярах, был выполнен и ее компьютерный набор. А. В. Федоров несколько экземпляров книги «роздал здесь (в городе Боровичи Новгородской области. – А. Е.) своим друзьям, отдал одну в городскую библиотеку»¹⁵. Однако в библиотеке Боровичей эта рукопись не сохранилась.

Сергей Николаевич Сельдинин оставил воспоминания в нескольких газетных публикациях и в шестистраничной рукописи, отправленной в январе 1986 г. группе «Поиск» из школы 53 г. Ярославля¹⁶. По просьбе ярославского исследователя Р. В. Балашова в 1990 г. написал воспоминания Сергей Викторович Белостоков¹⁷. Иван Николаевич Знаменский описал свою жизнь с детства до поступления в военное авиационное училище в Краснодаре¹⁸. Вениамин Семенович Климов оставил подробный рассказ о бое на Турецком валу (был расположен в 30 км западнее Керчи, его не следует путать с Турецким валом на Перекопском перешейке) в письме Р. В. Балашову, которое датировано

¹⁴ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

¹⁵ Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину, 14 февраля 2007 г. // Личный архив автора.

¹⁶ Письмо С. Н. Сельдинина группе «Поиск», январь 1986 г. // Личный архив автора.

¹⁷ Письма С. В. Белостокова Р. В. Балашову // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 5-45.

¹⁸ Воспоминания Ивана Николаевича Знаменского // Личный архив автора.

ется 1989-1991 гг.¹⁹. Василий Архипович Лысенко в рукописи 2002 г. рассказывает о бое, который курсанты приняли 4 июля 1942 г. в Воронежской области²⁰. Краткие биографические сведения о себе с указаниями на все перемещения ЯВАШ и ее курсантов подготовил Федор Дмитриевич Егоров²¹. Кроме того, сохранились автобиографические записи А. С. Гомыльева²² и Н. А. Ефимова, отправленные ими в группу «Поиск» ярославской школы №53²³. В Мемориальном музее военного и трудового подвига 1941-1945 гг. г. Саранска хранятся воспоминания офицера 606 легкомобардировочного авиационного полка Кузьмы Степановича Абрамова, в котором служили многие офицеры, сержанты и курсанты ЯВАШ. Текст был написан в апреле 1991 г. для поисковой группы школы №5 г. Ишима Тюменской области²⁴.

Благодаря этим свидетельствам удалось установить многие факты и имена, реконструировать события. Однако даже после тщательной сверки всех имеющихся текстов и сопоставления их с другими источниками остается немало вопросов, так как через 30, 45 и тем более через 60 лет после войны ветераны могли по-разному вспоминать об одном и том же, путать последовательность событий и имена. Приведем несколько примеров.

¹⁹ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову, без даты // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 77-78.

²⁰ Лысенко В. А. Мои мысли при жизни и на финише моих лет // Личный архив автора.

²¹ Краткие биографические сведения. Егоров Федор Дмитриевич // Личный архив автора.

²² Автобиография А. С. Гомыльева, 8 мая 1986 г. // Личный архив автора.

²³ Письмо Н. А. Ефимова в школу №53 г. Ярославля, 21 января 1988 г. // Личный архив автора.

²⁴ Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Абрамова Кузьмы Степановича о службе в 606 штурмовом авиационном полку // Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941-1945 гг. ОФ 1473-10. - Л. 1-12.

С. Н. Сельдинин пишет, что на его глазах во время переправы через Керченский пролив в мае 1942 г. утонул курсант Владимир Березин. На Таманском берегу Сельдинин был в составе группы курсантов из шести человек, в эту группу входил и С. В. Белостоков. А он сообщает, что Березин остался жив: «19 мая к нам примкнул наш курсант Березин в морской форме. Он попал к морякам в Камыш-Буруне, которые остались взрывать склады боеприпасов, а после вместе с ними прибыл в Тамань»²⁵. Белостоков рассказывает, как шестеро курсантов, в том числе Березин и Сельдинин, вместе искали себе новую воинскую часть и в итоге попали служить в зенитную артиллерию²⁶. Кардинально отличаются и нарративы Сельдинина и Белостокова об участии 77 отдельной зенитной артиллерийской батареи в Сталинградском сражении в июле 1942 г., хотя оба ветерана неоднократно встречались, переписывались и наверняка вместе вспоминали об этом периоде.

В. С. Климов сообщил об одном эпизоде, который произошел на первой встрече ветеранов-явашевцев в 1975 г. в Ленинграде: «Новичихин рассказал, что под Керчью он перевязал тяжело раненного нашего курсанта. Фамилию не помнит. Посадил на лошадь и отправил в тыл. Сам же, прыгая в траншею, был прошит очередь. Захаров спрашивает: “А курсанта не помнишь, которого отправил в тыл?” Говорит: “Нет, не помню”. И тут Захаров закатал рукав и показал шрамы вместо бицепса на левой руке»²⁷.

Н. Д. Немцов рассказывает о курсанте Володе Волошенюке, погибшем в Аджимушкайских каменоломнях. В действительности Волошенюка звали Анатолием Ефимовичем. В письме

²⁵ Письмо С. Н. Сельдинина группе «Поиск», январь 1986 г.

²⁶ Письма С. В. Белостокова Р. В. Балашову, 27 мая – 15 июня 1990 г. и 22 ноября – 18 декабря 1990 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 27, 30-об.

²⁷ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову, 11 декабря 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 75-об.

1975 г. Немцов сообщил керченским музейным работникам: «В своих воспоминаниях я писал, что он Володя. Но в 74 г. военный историк Абрамов, будучи в Москве в архиве МО, нашел платежную ведомость на курсантов нашей эскадрильи, где записан Волощенко с инициалами А. Е. О чем он мне и написал. Я вспомнил, что действительно Анатолий, о чем подтверждает сестра Волощенко, которая в апреле написала мне письмо с просьбой рассказать о ее брате. Как ни досадно, это я перепутал имя, в чем и каюсь»²⁸.

Ссылаясь на рассказ Волощенко, Немцов пишет, что часть курсантов 1 эскадрильи, «на два дня позже прибывшая в Керчь, была направлена на передовую, но по пути, ночью, в районе села Марфовка, напоролась на немецкий десант и была уничтожена, так как никто не имел оружия»²⁹. В действительности курсанты были вооружены и стойко сражались.

Важную информацию о событиях, а также о чувствах и настроениях курсантов содержат их письма военных родственникам и друзьям. Одни из этих писем опубликованы их родственниками в сети Интернет на сайте «Бессмертный полк» и иных сайтах, другие хранятся в архиве Восточно-Крымского историко-культурного музея-заповедника. В 1990 г. копии с них были сделаны экскурсоводом музея обороны Аджимушкских каменоломен Людмилой Петровной Шереметьевой и отосланы Р. В. Балашову³⁰. Представление о послевоенной, «ветеранской» жизни и судьбах явашевцев позволила составить обширная личная переписка, которую вел в 1980 – 1990-х гг. С. Н. Сельдинин, а также письма бывших курсантов в ярославскую школу №53.

²⁸ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 22-об.

²⁹ См.: Абрамов В. В. Аджимушкой 1942. С. 290, 348.

³⁰ См.: Письма экскурсовода музея «Обороны Аджимушкских каменоломен» Л. П. Шереметьевой с биографическими сведениями о выпускниках Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШ) - участниках обороны Крыма в 1941-1942 гг. (19 апр 1989 - 20 сент 1995) // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 1-98.

Большим подспорьем стали советские и российские газеты и журналы. Сведения об офицерах ЯВАШ, служивших в 606 легкособомбардировочном авиаполку, можно найти в газете народного комиссариата обороны СССР «Сталинский сокол» за 1941 г. Наконец, уникальные факты встречаются в послевоенных публикациях центральной, областной, районной и ведомственной периодической печати, написанных в результате встреч журналистов с ветеранами ЯВАШ.

Изучение всего комплекса источников позволяет определить основные вехи истории ЯВАШ и выяснить, как складывались судьбы ее курсантов и офицеров во время и после войны. Имеющиеся материалы дают возможность изучить повседневную жизнь и быт явашевцев в авиашколе и на фронте, их идеалы, убеждения и настроения, показать специфику обучения военной профессии стрелка-бомбардира, сделать выводы о боевом приращении выпускников и офицеров школы.

«Сталинский сокол! Вот это фортуна»: ярославские курсанты осваивают воинскую профессию

Ярославская военно-авиационная школа стрелков-бомбардиров начала свою деятельность в декабре 1940 г., а кандидаты на зачисление стали прибывать в Ярославль в первых числах января 1941 г. Курсанты были расквартированы на ул. Московской, как пишет В. С. Климов, «в бывшем кадетском корпусе с колоннами»³¹ (*Сейчас это – одно из зданий Института ПВО по адресу Московский проспект, д. 28 – А. Е.*). Обучение производилось в новом, 1939 года постройки, здании на улице Емельяна Ярославского, д. 62. (*С 1948 г. здесь располагалась школа №53, в 2018 г. здание было снесено, сама же улица сейчас называется Большая Федоровская – А. Е.*). В августе 1941 г. во время летной практики курсанты были расквартиро-

³¹ Письмо В.С. Климова Р. В. Балашову, 21 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 69.

ваны в помещениях вокруг церкви Спаса на Торгу (тогда приспособленной под клуб) на окраине города Ростова Великого рядом с кремлем. Приказом наркома обороны №049 от 5 февраля 1941 г. ЯВАШ была переведена на штат № 20/22-Б, а по приказу №0017 от 3 марта 1941 г. в связи с переформированием Краснодарской ВАШСБ одна из шести ее учебных эскадрилий переведена в Ярославль на штат №20/22 литеры «А». Комначсостав, сверхсрочники, курсанты, младшие командиры и красноармейцы покинули г. Краснодар 7 мая 1941 г. В августе 1941 г. состав курсантов был пополнен еще раз за счет проходивших срочную службу красноармейцев, имевших среднее образование.

Для набора курсантов в ЯВАШ была спущена разрядка в военкоматы нескольких областей и, как запомнили многие, объявлен комсомольский набор. А. С. Гомыляев вспоминает, что был призван в армию «по специальному комсомольскому набору»³². А. А. Казанцев пишет, что оставил Ленинградский горный институт, следуя лозунгу того времени «Комсомольцы – на самолет!»³³. В. С. Климов рассказывает, что старшеклассники и студенты техникумов действовали «по призыву комсомола дать стране 15 000 летчиков»³⁴. Возможно, здесь имеется в виду опубликованный 9 декабря 1936 г. в «Комсомольской правде» призыв подготовить 150 тысяч летчиков и соответствующее количество технического персонала³⁵. Н. Д. Немцов пишет: «Мы все, курсанты, были комсомольцами»³⁶. Во всяком случае, подавляющее большинство курсантов действительно состояло в

³² Автобиография А. С. Гомыляева, 8 мая 1986 г.

³³ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 8.

³⁴ Письмо В.С. Климова, начало 1980-х гг. // Личный архив автора.

³⁵ Коккинаки В. Должны и будем летать // Комсомольская правда. 1936. 9 декабря. С. 1.

³⁶ Воспоминания Немцова Н. Д. // Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 324.

ВЛКСМ, а некоторые уже являлись кандидатами в члены ВКП(б).

В начале декабря к работе с учащимися 10 классов и выпускных курсов техникумов приступили районные военные комиссариаты. По воспоминаниям А. В. Федорова, ему предлагали пойти учиться в Ярославскую авиашколу и в Боровичском, и в Опеченском РВК Ленинградской области. Большинство старшеклассников на следующий день после прихода в школу офицера приносили в военкомат заявление. А. В. Федоров и С. Н. Сельдинин пишут о множестве желающих и тщательном отборе претендентов в военкоматах. После строгой медицинской комиссии в Боровичском РВК осталось только 18 кандидатов, а после мандатной – 12. Отсев продолжился в Ярославле: тщательно проверяли зрение, вчитывались в характеристики с места учебы и от комсомольской организации. С. Н. Сельдинин рассказывал, что «экзамены за десятилетку мы сдали государственной комиссии, потом проверяли зрение, координацию движений – крутили на центрифуге и вообще любой вопрос могли задать, чтобы стало понятно, не из робкого ли мы десятка. Приемная комиссия состояла из десяти человек, среди них и высшее начальство, генерал, присутствовал»³⁷. Три человека были немедленно отправлены домой за самовольную отлучку.

Дзержинский РВК г. Ленинграда в январе 1941 г. направил в ЯВАШ 46 человек. Их поименная проверка на сайтах «Память народа», «Мемориал», «Бессмертный полк», в списках защитников Аджимушкайских каменоломен, воспоминаниях и научной литературе показала, что в школу поступили не менее 15 из них. Октябрьский РВК г. Ленинграда командировал в г. Ярославль 27 призывников, из которых удалось идентифицировать как курсантов 11 человек. В именном списке призывников, направленных в ЯВАШ Куйбышевским РВК г. Ленинграда, находится 19 человек. Шесть фамилий в списке зачеркнуты с пометами

³⁷ Юпатова Т. Два окна дорогу освещают // Киришский факел. 2005. 22 февраля. С. 3.

«отказано» и «отсев», а из оставшихся 13 сопоставление документов позволяет назвать трех курсантов.

В ЯВАШ поступили, главным образом, призывники 1920-1923 гг. рождения. Некоторые, не достигшие к моменту зачисления в январе 1941 г. восемнадцати лет, были приняты «в порядке исключения». Самыми молодыми из курсантов, чьи личности в настоящий момент установлены, были В. С. Климов (родился 26 января 1923 г.), А. В. Федоров (22 февраля 1923 г.), А. А. Дубков (22 марта 1923 г.) и В. М. Васильев (23 апреля 1923 г.). Старших по возрасту курсантов было больше среди краснодарцев, так как многие из них были призваны в РККА весной-летом 1940 г. и уже потом переведены в авиашколу. Например, в 1919 г. родился П. А. Антропов, который «уже успел повоевать на реке Халхин-Гол в Монголии, Финляндии»³⁸, участвовал в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии. Курсант К. М. Карамышев родился в 1915 г., имел звание старшего сержанта, за участие в советско-финляндской войне был награжден орденом Ленина. Курсант Ф. Д. Егоров был призван 30-й Кубанский казачий полк в 1939 г. и в числе четырех выпускников-отличников полковой школы младших командиров направлен в Краснодарскую авиашколу. Участвовать в советско-финляндской войне ему не пришлось только потому, что 12 марта 1941 г. после подписания мирного договора с Финляндией, воинский эшелон под Ленинградом развернули в обратном направлении³⁹.

Среди курсантов преобладали выпускники средних школ, студенты техникумов и институтов. Встречались и такие, кто уже получил высшее образование. Однако для поступления в авиашколу было достаточно закончить 8 классов, как А. С. Гомыляев. А, по мнению В. С. Климова, большой отсев по состоянию здоровья «решил нашу судьбу при сдаче вступитель-

³⁸ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 349.

³⁹ Ковалева Т. Позывной «ЕГО» // Областная газета. 2008. 30 января. С. 6.

ных экзаменов за 10 классов. Большинство из нас образования 10 классов не имели. Кто приехал с техникума, со 2-го, 3-го курсов, с 9-го класса. Сочинения писали на вольные темы. Я писал о том, как ездили в г. Луга с отцом яблоки продавать, а на обратном пути нас встретили бандиты... Математику решали чуть ли не коллективно. Подготовка наша желала быть лучшей»⁴⁰. Впрочем, В. С. Климов, закончивший военную карьеру полковником, всегда невысоко отзывался о своем образовании: «Образование не ахти. 10 классов вечерней, военное училище, пединститут заочно. Десяток разных курсов усовершенствования и переподготовки»⁴¹.

Особенно много в Ярославской авиашколе оказалось уроженцев Ленинграда и Ленинградской области. Вторую учебную эскадрилью в школе называли «ленинградской», вспоминали А. В. Федоров, Б. П. Захаров и другие. А курсант В. С. Климов писал, что и в 1-й эскадрилье ленинградцев было немало. Многие курсанты были родом из Вологодской, Калининской области и только что образованной Карело-Финской ССР, встречались уроженцы Ярославской области и Донбасса. Прибывшие в Ярославль курсанты Краснодарской ВАШСБ призывались из разных областей Белоруссии, Украины, Алтайского, Краснодарского и Орджоникидзевского (с 1943 г. – Ставропольского) края.

Несомненно, для многих курсантов обучение в ЯВАШ означало осуществление давней мечты. А. В. Федоров вспоминает, как «на крыльях летел в казарму», узнав о зачислении⁴². С. Н. Сельдинин рассказывал, что его кумирами были Чкалов, Байдуков и Беляков⁴³. Курсант Д. В. Кудрявцев еще до объявле-

⁴⁰ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову, 21 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 69.

⁴¹ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову, 17 февраля 1990 г. // // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 80-об.

⁴² Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

⁴³ Письмо С. Н. Сельдинина группе «Поиск», 23 февраля 1988 г. // Личный архив автора.

ния набора в ЯВАШ обращался к командованию РККА с просьбой о зачислении в летное училище. И. Н. Знаменский восторгался: «Сталинский сокол! Вот это фортуна. Наконец-то она повернулась ко мне лицом»⁴⁴. Гордость, смешанная с кокетством, прослеживается в письме И. П. Лукьяненко, адресованном близкой знакомой его друга: «Если что интересует, то пишите. Я охотно отвечу, хотя жизнь летчиков никогда девушек не интересуется». О первых днях после поступления А. В. Федоров пишет: «По улицам Ярославля, печатая шаг по асфальту в армейских кирзовых сапогах, шли будущие летчики. Сколько гордости, сколько счастья!»⁴⁵ В. С. Климов рассказывает, что в первые дни по прибытии в Ярославль «специализация школы для нас была не совсем ясна. Поговаривали, что будет авиатехническая школа. После сдачи экзаменов нас построили и объявили, что школа летно-подъемная, будет готовить стрелков-бомбардиров, т. е. летчиков-наблюдателей или, как называли раньше (и позднее) штурманов. Кто не желает учиться и быть летчиком, может выйти из строя и уехать домой. Строй не тронулся с места»⁴⁶.

Ярославские курсанты были убеждены, что по окончании школы им будут присвоены офицерские звания. Об этом свидетельствуют как высокий образовательный статус и партийность отобранных юношей, так и разочарование, которое они испытали после присвоения звания сержантов. «На выпускном вечере нам вместо лейтенантов присвоили звания сержантов (нарком обороны решил, что летный состав в нашей авиации, как и в немецкой, должен быть сержантским», – пишет С. Н. Сельдинин⁴⁷. Как несправедливость воспринял это и

⁴⁴ Воспоминания Ивана Николаевича Знаменского // Личный архив автора.

⁴⁵ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

⁴⁶ Письмо В.С. Климова Р. В. Балашову, 21 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 69.

⁴⁷ Сельдинин С. Н. Уж минуло 60 лет, но память все хранит... // Киришский факул. 2001. 24 июля. С. 5.

Ф. Д. Егоров: «Выпустили нас. Ждём приказ о присвоении звания лейтенанта. А наркомом обороны был в ту пору Тимошенко. Он решил провести реконструкцию по части удешевления армии. Из военных училищ стали выпускать не офицеров, а сержантов. Так я второй раз стал сержантом»⁴⁸.

По словам А. В. Федорова, об окончании школы и присвоении звания курсанты узнали в запасном полку в апреле 1942 г.: «На второй день после прибытия нам объявили, что мы считаемся окончившими авиашколу и всем нам присвоено воинское звание “сержант”». В немецких лагерях военнопленных одни курсанты-явашевцы были зарегистрированы как солдаты (Б. К. Бураков), другие – как младшие сержанты (П. П. Пугачев), сержанты (Е. А. Китин), а в учетных карточках военнопленных А. С. Гомыляева и А. Ф. Степанюка указано «младший лейтенант». Мать пропавшего без вести курсанта Н. И. Лезгина считала, что ее сын был офицером. Курсант А. Л. Нагорный, переведенный, как и Лезгин, в Ярославль из Краснодарской ВАШСБ, в письме сообщил отцу, что стал младшим лейтенантом. Е. А. Шопша был освобожден из румынского лагеря военнопленных 25 августа 1944 г. и заявил, что имеет звание младший лейтенант. Так же поступил и его товарищ по лагерю П. Л. Власов, которого отправили в должности офицера-рядового в штурмовой батальон 1055 стрелкового полка. Шопша закончил войну младшим лейтенантами авиации, а Власов – с тем же званием в пехоте. Младшим лейтенантом, штурманом и выпускником Краснодарской военной авиационной школы называл себя и освобожденный в апреле 1945 г. из немецкого плена И. Я. Безверхий.

Не только курсанты, но и офицеры ВВС РККА в то время не были информированы о секретном приказе наркома обороны

⁴⁸ Ф. Д. Егоров во время срочной службы закончил полковую школу младших командиров с присвоением звания отделённого командира, что соответствовало званию сержанта. См.: Ковалева Т. Позывной «ЕГО». С. 6.

№0362 от 22 декабря 1940 г. «Об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии». Этот документ отменял предыдущий приказ НКО №0147 от 1938 г., в соответствии с которым «всем курсантам, оканчивающим летно-технические школы, присваиваются при выпуске звания среднего начальствующего состава: младшего лейтенанта, младшего воентехника, лейтенанта и воентехника 2-го ранга». Теперь же предписывалось «курсантов военно-авиационных училищ летчиков-наблюдателей и школ стрелков-бомбардиров после окончания ими годичного срока обучения выпускать стрелками-бомбардирам и с присвоением им военного звания “сержант”», причем этот порядок распространялся уже на выпускников декабря 1940 г.⁴⁹

Однако практика показала, что нововведения Тимошенко не отвечали интересам укрепления ВВС, и они были отменены приказом наркома обороны И. В. Сталина «Об изменении порядка присвоения воинских званий курсантам, оканчивающим летные школы, и категории некоторых должностей в частях боевой авиации и военно-учебных заведениях ВВС Красной Армии» от 6 января 1943 г. В соответствии с ним стрелки-бомбардиры вернулись из категории младшего начсостава в категорию среднего начсостава⁵⁰.

В соответствии с приказом №0362, в школах стрелков-бомбардиров был предусмотрен одногодичный курс обучения, который для явашевцев истекал в январе 1942 г. Маршал авиации С. А. Красовский, который с марта 1940 по февраль 1941 г. возглавлял Краснодарское авиационное училище, а до июня 1941 г. являлся помощником командующего ВВС Северо-

⁴⁹ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2-1). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937 - 21 июня 1941 г. Москва : Терра, 1994. С. 203.

⁵⁰ Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13(2-3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943-1945 гг. Москва : Терра, 1997. С. 18.

Кавказского военного округа по военно-учебным заведениям, по-видимому, вспоминая о времени до издания секретного приказа Тимошенко, свидетельствует, что обучение в военных авиационных школах продолжалось два года⁵¹. Вероятно, о двухгодичном сроке были при поступлении информированы и ярославские курсанты. С. Н. Сельдинин пишет, что курс обучения был двухгодичным и его сокращение с двух лет до полутора после нападения Германии на СССР поначалу даже обрадовало юношей, которым хотелось скорее попасть на фронт⁵². И. Н. Знаменский, призванный в октябре 1941 г. в Краснодарскую ВАШСБ, так запомнил то, что было сказано свежеепеченным курсантам: «Срок обучения два года; воинское звание – младший лейтенант. Специальность – летчик наблюдатель, по нашему – штурман»⁵³.

При отсутствии официальных документов сложно установить численность курсантов и офицеров ЯВАШ. В литературе встречается ничем не подтвержденная цифра в 1 500 курсантов⁵⁴. Наши подсчеты дают иной результат. Классное отделение (учебная группа) состояло примерно из 30 курсантов. Каждые 5 учебных отделений объединялись в отряд, а два отряда составляли эскадрилью. В январе 1941 г. было сформировано две эскадрильи, первой командовал капитан П. П. Зеленцов, второй – капитан А. В. Калинин⁵⁵. Согласно денежным ведомостям, во 2-м отряде 2-й эскадрильи числилось 113 человек⁵⁶, разделенных на 4 учебных группы. Следовательно, на момент формирования

⁵¹ Красовский С. А. Жизнь в авиации. 2-е изд., испр. и доп. Москва, 1968. С. 113-114.

⁵² Сельдинин С. Н. Уж минуло 60 лет, но память все хранит.

⁵³ Воспоминания Ивана Николаевича Знаменского // Личный архив автора.

⁵⁴ А впереди была Победа. С. 205.

⁵⁵ Письмо С.В. Белостокова Р. В. Балашову, 10 февраля 1990 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 6-об.

⁵⁶ Письмо В. В. Абрамова Б. П. Захарову, 29 апреля 1975 г. // Личный архив автора.

в школе обучалось около 500 человек⁵⁷. Этот подсчет подтверждается и оценкой бывшего курсанта В. С. Куклева, который пишет о 400-450 своих товарищах⁵⁸. Когда в мае 1941 г. в г. Ярославль была переведена одна эскадрилья из г. Краснодара (в ЯВАШ ей был присвоен номер 3), количество курсантов достигло примерно 1 000 человек. Известно, что эта эскадрилья была сформирована по другому штату и что в ее 3-м отряде числилось 127 человек⁵⁹. Краснодарский курсант Б. В. Чернухо указан в списке убитых в ЯВАШ за номером 402⁶⁰.

Учеба явашевцев началась 16 января 1941 г.⁶¹. В воспоминаниях бывших курсантов отмечается, что она была интенсивной и занимала львиную долю времени. Занятия проводились в течение двух часов и до шести часов после завтрака. В первом полугодии курсанты прошли теоретический курс предлётной подготовки. Они изучали тактику, связь (азбука Морзе, устройство и настройка передающих и принимающих радиостанций), стрелковое дело (теория и практика: устройство, сборка и разборка карабина и пулемета ШКАС), бомбометание, устройство и взрывную силу авиабомб, теорию полетов, штурманское дело. «Преподаватели были очень грамотные, и слушать их лекции было интересно», – пишет С. Г. Куклев⁶². По воспоминаниям А. В. Федорова, в одной из комнат был оборудован «бачлер» – «учебный кабинет с кабинами под потолком и огромным, во весь пол, полотном из парусины с нарисованным на нем видом

⁵⁷ По воспоминаниям Б. П. Захарова, в каждой эскадрилье было по три отряда, в каждом по 115-120 человек. В этом случае в ЯВАШ обучалось до 700 курсантов. См. письмо Б. П. Захарова Балашову 22 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 59.

⁵⁸ Письмо В. С. Куклева Р. В. Балашову, 26 марта 1991 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 94.

⁵⁹ Абрамов В. В. Неизвестные становятся известными. С. 17.

⁶⁰ ЦАМО. Оп. 479154. Д. 2. Л. 133.

⁶¹ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 8.

⁶² Письмо С. Г. Куклева Р. В. Балашову, 30 июня 1991 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 100.

местности. Забираясь в кабину (это была копия самолетной кабины), наблюдали за движущимся внизу полотном и <...> стреляли, бомбили определенные пункты»⁶³. «Учились с душой, с желанием. В выходные дни самостоятельно строились в колонну и шли в учебный корпус с песнями», – вспоминал В. С. Климов⁶⁴.

С мая 1941 г. курсанты выполняли учебные полеты на самолетах-бипланах – У-2 и уже устаревших самолетах-разведчиках Р-5. Использовались аэродромы под Ростовом Великим и на окраине Ярославля близ Московского шоссе, тогда в 5-6 км от города. Один полет был совершен группой курсантов в составе 25 человек на самолете ТБ-3. Учились стрелять из пулемета ШКАС по воздушным (по брезентовому конусу) и наземным целям, бомбить наземные цели. А. В. Федоров совершил 19 вылетов и имел 22 часа налета, в то время как полный курс предусматривал 40-50 часов. Курсанты совершали и прыжки с парашютом.

В городе Ярославле курсанты появлялись только строем, по пути из училища в учебный корпус или на аэродром и обратно. Увольнения они получили только один раз, после участия в первомайском параде, а потом карантин опять возобновлялся⁶⁵. Парад некоторым курсантам запомнился как подготовкой, которая длилась целую неделю, так и выдачей парадной формы: полушерстяных гимнастеров защитного цвета с эмблемой ВВС РККА на левом рукаве и диагональных шерстяных шаровар синего цвета⁶⁶. «1-го мая 1941 г. участвовали в параде на центральной площади Ярославля. Восхищался строевой выправкой

⁶³ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

⁶⁴ Письмо В.С. Климова Р. В. Балашову, 21 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 69-об.

⁶⁵ Письмо Б. П. Захарова Р. В. Балашову 22 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 60.

⁶⁶ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

курсантов Интендантского училища. В их действиях, исполнении команды “на руку” был артистизм высшего класса. Мы, конечно, значительно слабее. Но в целом прошли хорошо», – вспоминал В. С. Климов⁶⁷. Областная пресса оставила курсантов-авиаторов без внимания, отдельно отметив лишь прохождение перед трибуной подразделений военного училища⁶⁸.

Воспоминания курсантов о продуктивном рационе не совпадают. С. Н. Сельдинин упоминает хлеб, яйца и какао⁶⁹. А. В. Федоров считает питание достаточным, но вспоминает о так называемых «сухих днях», которые устраивались по пятницам: на завтрак выдавали пшеничную кашу из концентратов, кусок селедки, сухари и чай, на обед – гороховый суп-пюре, пшеничную кашу, кисель из концентрата и сухари. Ужин «состоял из страшной твердости копченой колбасы, селедки и чая. Нам объяснили, что таким путем происходит закалка бойцов, чтобы они в боевых условиях смогли приготовить себе обед из концентратов»⁷⁰. «Сухие дни» в это время были введены и в других авиационных школах. Они запомнились, например, курсанту Олсуфьевской ВАШСБ О. В. Лазареву: «В школе проводились тренировки и по линии питания. Вначале один, а затем и два раза в неделю мы довольствовались сухим пайком, состоявшим в основном из сухарей. В него также входила селедка, немного сахара и постное жидкое безвкусное пюре, называемое нами баландой»⁷¹.

Ярославские курсанты быстро приспособились к «сухим дням», откладывая про запас хлеб. По курсантскому пайку полагалось 800 граммов хлеба в день (250, 350 и 300 граммов на зав-

⁶⁷ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову 21 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 69-об.

⁶⁸ Первомайский парад и демонстрация в Ярославле // Северный рабочий. 1941. 4 мая. С. 3.

⁶⁹ Юпатова Т. Два окна дорогу освещают. С. 3.

⁷⁰ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

⁷¹ Лазарев О. В. «Летающий танк». 100 боевых вылетов на ИЛ-2. Москва : Яуза, Эксмо, 2013. С. 21.

трак, обед и ужин), но реальное потребление составляло 600-650 граммов. Только с началом войны выдача хлеба была нормирована. На курсантские деньги в ларьке Военторга, расположенном на территории школы, можно было покупать табак или продукты⁷². При случае покупки совершались и у местных жителей. Наивным кажется письмо родителям курсанта А. Н. Чернышова, родившегося в Сталинградской области и учившегося в Астраханском рыбном институте, о пребывании в Ростове Великом в августе 1941 г.: «У жителей покупали огурцы, молоко, а больше там и нечего купить. Овощей и фруктов никаких нет, да и не бывает. Дней через 20 поедем опять туда, может быть тогда будут арбузы, ведь этого ничего нет в Ярославле»⁷³. Находясь на полном государственном обеспечении, курсанты не испытывали недостатка в деньгах. Из выдававшихся ежемесячно 70 рублей 12-15 рублей они сдавали на заем, от 3 до 11 рублей – в фонд обороны, а оставшимися средствами могли распоряжаться. Младшие командиры тоже из числа курсантов получали от 80 до 150 рублей⁷⁴.

Как и многие советские люди, ярославские курсанты не питали иллюзий насчет дальнейшего развития советско-германских отношений. 21 июня 1941 г. И. П. Лукьяненко сообщил домой в г. Сурож Брянской области: «О себе писать? Но о себе писать нечего. Все по-старому, без особых перемен. Учусь, чтобы, если потребуется, громить врага (а это потребуется), то громить его. Миша (*друг автора письма. – А. Е.*) на земле, а я с воздуха. Чтобы защитить ваш мирный труд, ваше благополучие». После речи И. В. Сталина 3 июля 1941 г. некоторые подали рапорта с просьбой отправить на фронт, но получили отказ. Их настроения передает письмо А. Н. Чернышова другу, датированное 19-м июля 1941 г.: «Коля, что касается нас, то мы про-

⁷² Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

⁷³ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 18.

⁷⁴ Письмо Б. П. Захарова Р. В. Балашову 20 января 1991 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 67.

должаем и в военной обстановке учиться по-старому. Сидеть нам здесь уже надоело, надоело быть тыловыми крысами. Представь себе, Коля, какое настроение среди курсантов сейчас – они готовы идти в бой и любому только предложи, радости не обещаться. Ну, ничего, Коля, совсем немного осталось ждать, считанные деньки. Вот и у меня болит сердце. Ведь я не хуже других и мне хочется туда, где мы сейчас нужнее»⁷⁵. Желая попасть в действующую армию, курсанты старались уберечь от войны родных и близких. 12 августа 1941 г. И. Г. Завещевский писал своим родственникам в Ленинград: «Насчет того, что Сима хочет пойти на фронт медсестрой, то я это не особенно советую, лучше работай дома в тылу».

В первые недели войны руководство страны берегло будущие военные кадры и с отправкой их на фронт не спешило. Пока помощь явашевцев военным усилиям страны сводилась к тому, что им была поручена охрана моста через реку Которосль, железнодорожного моста через Волгу, складов на территории Ярославского кремля⁷⁶. «С 2 октября начинаются экзамены. К ноябрю м-цу закончатся и в ноябре придется окончить школу, а дальше куда направят <...> может сразу на фронт», – писал родственникам 5 июля 1941 г. курсант Н. А. Овчаров. Однако от намерения сделать ускоренный выпуск военное командование отказалось. В середине октября 1941 г. ЯВАШ переехала в поселок Чердаклы Куйбышевской (с 1943 г. – Ульяновской) области. В Чердаклах разместились и семьи некоторых офицеров в том числе тех, кто был на фронте. Офицеры школы квартировали в домах жителей поселка, а курсантов разместили в здании недостроенной школы, в бараках на территории спиртзавода, а некоторых – в частном секторе⁷⁷. «Наскоро были установлены одинарные рамы в окнах, внутри построены трехэтажные деревян-

⁷⁵ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 18-об.

⁷⁶ Письмо Б. П. Захарова Р. В. Балашову 22 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 59.

⁷⁷ Бурлакова Т. И. Указ. соч. С. 13.

ные нары, на которых нас и разместили. На нарах вплотную были уложены тюфяки, нам выданы одеяла, подушки, простыни и наволочки. Условия размещения были тяжелые: спали мы вплотную друг к другу, почти не раздеваясь. Укрывались с головой не только одеялами, но и своими шинелями. За ночь от дыхания шинель примерзала к стеклам рамы, и утром приходилось вылезать из-под одеяла у края нар возле ног. Ртом отогревали шинель, чтобы оторвать ее от стекла, не разбив его», – вспоминал А. В. Федоров о новом обустройстве быта в здании недостроенной школы⁷⁸. Спартанские бытовые условия имели следствием педикулез и отдельные случаи заболевания тифом⁷⁹.

На новом месте занятия продолжились. Они проводились на первом этаже школы в спальнях помещений, аэродром расположили на льду замерзшего озера Яик, колеса на самолетах заменили лыжами. Курсантам выдали меховые шлемы и унты, а лица смазывали гусиным жиром, чтобы избежать обморожений⁸⁰. Некоторым курсантам в Чердаклах удалось совершить только по одному полету, другим не довелось подняться в воздух ни разу. По-видимому, здесь же были проведены выпускные экзамены. А. П. Родионов писал родственникам в январе 1942 г.: «Испытания сдал на хорошо и отлично, но звания еще не присвоили. Ждем приказ. Скоро должен быть, но пока неизвестно когда будет». «Приказ о присвоении званий был направлен в Приволжский военный округ, но он был, видимо, не подписан из-за недостатка в нашей армии бомбардировщиков», – предполагает В. В. Абрамов⁸¹.

В Чердаклах курсанты помогали колхозникам – косили пшеницу, вмержшую в снег. За это им выдавали по 500 граммов

⁷⁸ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

⁷⁹ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову 21 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. С. 72.

⁸⁰ Юпатов Т. Два окна дорогу освещают. С. 3.

⁸¹ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 288.

хлеба в день. «Это была хорошая прибавка к нашему курсантскому пайку, – пишет А. В. Федоров, – питанием в Чердаклах обстояло хуже. Хлеб выдавали по старой норме - 800 граммов на день, но с приварком дело обстояло иначе. Из-за отдаленности от ж. д. станции и больших заносов кормили нас однообразно. Привезут на прицепе гусеничного трактора со станции партию гороха и дают целую неделю на завтрак, обед и ужин горох в разных вариантах. Другую неделю вместо гороха – чечевица и опять – повторение ее»⁸².

Продолжая учиться, курсанты мечтали об отправке на фронт. В январе 1942 г. Н. А. Овчаров писал родственникам в Курскую область, только что освобожденную от оккупантов: «Я положу все свои молодые силы, чтобы уничтожить больше этих людоедов. Отомстить. Я отомщу за все. Отомщу!»

Командный и начальствующий состав школы на фронтах войны

Командный и начальствующий состав ЯВАШ включал командиров, политработников, офицеров интендантской, технической и медицинской службы. Автором установлены фамилии 94 офицеров, о многих из них собраны подробные биографические сведения. 59 из них относились к командному составу, 35 – к начальствующему: военно-техническому (19), военно-хозяйственному и административному (13), военно-политическому (2) и военно-медицинскому (1).

Значительную роль в подготовке курсантов играли пилоты-инструкторы – чаще всего это были ровесники курсантов, младшие лейтенанты, недавние выпускники военных школ (Борисоглебской, Ворошиловградской, Молотовской) и училищ (Харьковского, Сталинградского, Чугуевского). На должности инструкторов назначались лучшие выпускники военных учебных

⁸² Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

заведений. В курсантской характеристике пилота-инструктора лейтенанта Я. С. Забрамного было записано: «Дисциплинирован отлично. Летает отлично. Летать любит. Политическое развитие отличное. Идеологически устойчив. Работает аккуратно. В общественной жизни принимает активное участие». Пилот-инструктор младший лейтенант М. И. Бескостюк незадолго до командирования в Ярославль был предан суду военного трибунала «за недисциплинированность и невыполнение приказов по борьбе с аварийностью, за воздушное хулиганство, аварию самолета». Неизвестно, что в действительности совершил молодой офицер, но назначение на должность инструктора после выдвижения тяжких обвинений заставляет усомниться в их обоснованности. По воспоминаниям О. В. Лазарева, который в 1940-1942 гг. был курсантом Олсуфьевской ВАШСБ, любая инициатива, направленная на достижение лучших результатов, могла закончиться обвинениями и трибуналом⁸³.

В учетные документы офицеров постарше занесены сугубо положительные характеристики. Например, в карточке преподавателя тактики ВВС и общей тактики капитана Г. А. Мазикова, выпускника военной академии им. М. В. Фрунзе, говорилось: «Предан партии и социалистической родине. Морально устойчив. Хранить военную тайну может. В работе проявляет инициативу. Энергичен, дисциплинирован и выдержан. Необходимо проявить большую активность в политической работе». Некоторые офицеры-явашевцы были награждены медалью «XX лет РККА», а старший техник-лейтенант В. П. Мотузенко был в числе первых, кого наградили новым знаком «Отличник РККА». Одним приказом с ним этим знаком был награжден генерал Д. М. Карбышев.

Среди офицеров школы имелись командиры и наставники с боевым опытом: капитан П. П. Зеленцов и старший лейтенант А. В. Лебедев были ветеранами советско-финляндской войны,

⁸³ См.: Лазарев О. В. Указ. соч.

интендант 2 ранга Я. М. Митляров сражался с японцами на КВЖД в 1929 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г., военинженер 3 ранга И. А. Кабане, подполковник С. К. Геслер, полковники Н. С. Виноградов и Ф. Д. Шустер были участниками гражданской войны.

Многие офицеры были переведены в Ярославль из Краснодарской ВАШСБ и прибыли к новому месту службы незадолго до нападения Германии на Советский Союз. Так, В. П. Мотузенко, назначенного в ЯВАШ техником по электрооборудованию, начало войны застало на железнодорожной станции Рязань. До Ярославля Мотузенко и его семья добрались только 25 июня 1941 г.

Были среди офицеров ЯВАШ и те, кто пострадал от сталинских репрессий. В июле 1938 г. был арестован и в марте 1939 г. реабилитирован майор А. В. Калнин, латыш по национальности. До ареста он был командиром авиаотряда, а в Ярославле занял должность командира 2-го отряда 2-й авиаэскадрильи. Впоследствии А. В. Калнин сражался в бомбардировочной и штурмовой авиации, служил в Ульяновской военной авиационной школе пилотов и 1-м Чкаловском военном авиаучилище, был награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени и медалями.

Следует отметить и сержантский состав ЯВАШ. Сержантами-выпускниками военных авиационных школ и училищ была замещена часть должностей пилотов-инструкторов. Выпускник Краснодарского военного авиационного училища сержант К. Е. Игумнов служил в ЯВАШ с мая 1941 г., когда школа пополнилась курсантами из Краснодара. Он не вернулся из своего первого боевого вылета 7 октября 1941 г. Пилот-инструктор сержант Я. И. Савенков в 1940 г. окончил Батайскую военную авиационную школу пилотов им. А. Серова, в марте 1941 г. был направлен в Ярославль, с октября 1941 г. находился на фронте, был награжден медалью «За боевые заслуги». 5 июля 1942 г. Я. И. Савенков, которому уже было присвоено первое офицерское звание младшего лейтенанта, не вернулся с боевого зада-

ния. Ту же Батайскую ВАШП в 1941 г. окончил сержант С. Л. Родинка (1916-1977). После службы в ЯВАШ он стал пилотом штурмовой авиации, закончил войну Героем Советского Союза, майором, командиром эскадрильи⁸⁴. Сержанты служили в ЯВАШ не только пилотами, но и авиационными механиками. Выпускник Яновской военной школы авиационных механиков И. К. Молчанов после роспуска ЯВАШ сражался в составе 95 гвардейского штурмового авиаполка, был награжден медалью «За боевые заслуги» и орденом Красной Звезды, закончил войну гвардии старшим сержантом. Младший сержант Н. И. Панченко с мая 1942 г. воевал в составе 12 гвардейского авиационного Гатчинского полка дальнего действия в должности механика по радиооборудованию, был награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, закончил войну гвардии старшиной. Г. Т. Лёвин (1917-2008) был направлен в ЯВАШ после окончания 2-й Вольской военной авиационной школы механиков. В октябре 1942 г. он стал курсантом военной школы пилотов, с мая 1943 г. воевал в 565 штурмовом авиаполку, встретил окончание войны капитаном, командиром эскадрильи. В августе 1945 г. Г. Т. Лёвину было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны он продолжил службу в армии и вышел в отставку в 1959 г. в звании полковника⁸⁵.

В первые недели войны отправка офицеров ЯВАШ в действующую армию не имела массового характера. Пилот-инструктор лейтенант М. И. Бескостюк был направлен в 200 отдельную авиаэскадрилью связи 21 армии, 29 сентября 1941 г. попал в окружение, а потом в плен. М. И. Бескостюк умер 22 января 1942 г. в шталаге №329 в Виннице. С июля 1941 г. служил начальником штаба 136 штурмовой авиационной дивизии, потом – штаба 10 штурмового авиационного корпуса пол-

⁸⁴ Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь: В 2 т. Т. 2. Москва : Воениздат, 1988. С. 361.

⁸⁵ Там же. Т. 1. С. 856-857.

ковник Ф. Д. Шустер, до того занимавший должность начальника ЯВАШ. За годы войны он был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Александра Невского, орденом Ленина, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Белграда» (все – 1945). В 1953 г. Федор Дмитриевич вышел в запас.

В первых числах октября 1941 г. для обороны Москвы был сформирован 606 легкомобардировочный авиационный полк, вошедший в состав 77 смешанной авиадивизии. Основой личного состава полка стали офицеры, сержанты и курсанты из ЯВАШ, поэтому в документах военных лет его часто называют ярославским. Командовал полком бывший начальник Ярославской школы стрелков-бомбардиров полковник С. Н. Виноградов, военным комиссаром был назначен явашевец, старший политрук С. Н. Панков. Полковник Виноградов пришел в ЯВАШ 11 июля 1941 г., заменив сначала помощника начальника, а потом и начальника школы. В Красной Армии он служил с декабря 1918 г. и уже успел принять участие в Великой Отечественной войне как командир 209 ближнебомбардировочного авиаполка⁸⁶. Отважный и способный военачальник, С. Н. Виноградов во время битвы за Москву лично совершил 60 боевых вылетов⁸⁷. Он прошел всю войну, с июня 1942 г. был заместителем командира и командиром дивизии. С. Н. Виноградов награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденом Кутузова II степени, орденом Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа», «За освобождение Праги», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Оте-

⁸⁶ Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь. Т. 2. Москва : Кучково поле, 2014. С. 455-457.

⁸⁷ Воспоминания К. С. Абрамова // Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941-1945 гг. ОФ 1473-10. Л. 3.

чественной войне 1941-1945 гг.», двумя медалями «За отвагу». В июне 1946 г. полковник Виноградов был уволен в запас.

Документы дают основание утверждать, что в 606 полк было зачислено из ЯВАШ не менее 40 офицеров – пилотов, штурманов, технических специалистов, политработников, штабных и административных работников – а также не менее 7 лучших курсантов авиашколы. Возможно, количество принятых в полк курсантов было больше. С. Г. Куклев пишет, что ими можно было укомплектовать 2-3 эскадрильи⁸⁸. В годы войны штатное расписание эскадрильи менялось, она могла составлять от 9 до 15 самолетов. Именно офицеры, сержанты и курсанты ЯВАШ образовали костяк кадрового состава и сдерживали врага на подступах к Москве в октябре 1941 г. 22 октября в полк прибыли летчики и военные техники из 64 авиаэскадрильи Приволжского военного округа и 105 корпусной авиаэскадрильи Забайкальского военного округа, 1 ноября – пилоты из 21 корпусной авиаэскадрильи Западного военного округа.

Некоторые косвенные данные свидетельствуют, что ярославские летчики предполагали скорое возвращение в авиашколу и считали себя временно командированными в полк. Лейтенант К. С. Литвинюк и капитан Ф. И. Хворостяный отправили свои семьи в поселок Чердаклы, куда ЯВАШ переехала в октябре 1941 г. В учетных документах многих офицеров содержится запись «Список ЯрВАШ 010803 3/1 1942», а в приказе об исключении из списков лейтенанта К. И. Шумилова, пропавшего без вести в декабре 1943 г., сказано: «Оставлен в распоряжении начальника Ярославской авиационной школы стрелков-бомбардиров».

Ярославская авиашкола отдала в 606 полк один самолет ТБ-3, три самолета У-2 и три самолета Р-5. На момент начала

⁸⁸ Письмо С. Г. Куклева Р. В. Балашову, 30 июня ноября 1991 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 101.

боевых действий полк располагал 105 самолетами⁸⁹. В полку отсутствовали оборудование и полевые приспособления для эксплуатации самолетов Р-5 (на вооружении было 20 таких машин), но офицер-явашевец военный инженер 2 ранга В. А. Дубенский «в течение кратчайшего времени личным трудом и прямым руководством авиамеханиками четко организовал подготовку материальной части, проявив при этом огромное творчество и изобретательство». Менее чем за три месяца самолеты Р-5 совершили 907 ночных боевых вылетов. За эту боевую работу Дубенский был награжден Орденом Красной Звезды.

Ярославские летчики и боевые машины прибыли на аэродром Власьево в Московской области 7 октября 1941 г. и сразу же вступили в бой. В этот день самолет Р-5 младшего лейтенанта И. С. Денисова и стрелка-бомбардира старшего сержанта Ю. И. Наумова был атакован тремя немецкими самолетами Хеншель-126. Денисов совершил воздушный таран, в результате которого самолет врага был уничтожен. Советская боевая машина тоже потерпела катастрофу. Наумов погиб, а Денисов выбросился на парашюте на территории противника. Через 6 суток он вышел в распоряжение советских войск и вывел из окружения четырех красноармейцев. За этот подвиг Денисов был награжден орденом Красного Знамени. Его военная судьба оказалась недолгой – И. С. Денисов не вернулся с боевого задания 17 октября 1941 г.

Советские летчики не имели боевого опыта, а их военная техника по своим характеристикам уступала самолетам люфтваффе. Ярославцы понесли тяжелые потери: с 7 октября по 19 ноября 1941 г. не вернулись с боевого задания 15 пилотов и штурманов, в том числе 4 курсанта. Погибали не все пропавшие без вести. Например, курсант Т. И. Кислов, самолет которого был сбит 19 октября 1941 г., оказался в лагере военнопленных в Рославле Смоленской области. Его дальнейшая судьба неизвестна.

⁸⁹ Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Абрамова Кузьмы Степановича. Л. 3.

Несмотря на превосходство германской авиации, явашевцы совершали точные бомбометания, уничтожая немецкую живую силу и технику. Множество боевых вылетов было выполнено ими в ночное время и в сложных метеоусловиях. Старший лейтенант Г. И. Кондратенко, приехавший в ноябре 1941 г. с фронта в ЯВАШ, рассказал, что «вначале воевали недостаточно эффективно. Были приучены бомбить с высоты от 1 000 до 3 000 м. Но с такой высоты низкая точность попадания. Тогда стали бомбить с бреющего полета – 25-50 м. Результаты такой бомбежки стали отличными»⁹⁰.

За подвиги, совершенные в битве за Москву, были награждены орденами Красного Знамени полковник Н. С. Виноградов, майор А. Е. Бушинский, капитан А. П. Абрамов, капитан Г. С. Ратушный, старший лейтенант Д. Ф. Васецкий, старший лейтенант А. В. Лебедев, лейтенант А. И. Крайний, младший лейтенант И. С. Денисов, младший лейтенант Г. К. Стафеев. Ордена Красной Звезды были удостоены старший лейтенант Ф. Ф. Пономарев, лейтенант А. С. Мудрый, военный инженер 2 ранга В. А. Дубенский, медали «За отвагу» – младший лейтенант П. Н. Старков, курсанты Т. И. Кислов и В. Н. Ростовцев, медали «За боевые заслуги» – военный техник 2 ранга И. С. Сухов и курсант М. Ф. Разумный. В 1944 г. за участие в боевых действиях 606 легкомобардировочного полка был награжден орденом Отечественной войны II степени начальник химической службы и начальник авиаразведки полка капитан А. Н. Суховиенко. В 1944-1945 гг. 11 явашевцам были вручены медали «За оборону Москвы».

Об участии ярославского полка в обороне Москвы дважды писала газета народного комиссариата обороны СССР «Сталинский сокол». «Группы бомбардировщиков тт. Таволасова и Виноградова, пользуясь данными разведки, внезапными налетами в ночь с 8 на 9 октября “закупорили” обнаруженный фашистский

⁹⁰ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову 21 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 72.

аэродром, не дав взлететь истребителям противника, чем обезопасили действия нашей авиации в этом районе. В эту же ночь были подвергнуты интенсивной бомбардировке места скопления танков и заправочные станции противника», – говорилось в материале от 15 октября 1941 г. Среди «сталинских соколов, защищающих жизненные центры нашей любимой родины» был отмечен летчик 606 авиаполка А. П. Абрамов⁹¹. Через месяц газета сообщала, что «13 летчиков-ночников подали заявления о приеме кандидатами в члены ВКП(б) перед выполнением ответственного задания. Задание было ими выполнено отлично. Все они приняты в партию»⁹². Из бывших явашевцев в газете названы А. П. Абрамов, Ф. Ф. Пономарев, Г. С. Ратушный, Г. К. Стафеев, принятые в партию, и воентехник 1 ранга В. Г. Торбик, ставший кандидатом в члены ВКП(б).

С 7 октября по 11 ноября 1941 г. полк наносил ночные удары по мостам и переправам через реки Угра, Ока и Протва. Летчики уничтожали танковые, артиллерийские и пехотные части, вели воздушную разведку для установления интенсивности подвоза войск и техники противника по шоссе, железным и грунтовыми дорогам, устанавливали сосредоточение войск противника, сбрасывали листовки. Полк нанес ночной бомбардировочный удар по аэродрому Баево. Только за один месяц советские пилоты произвели более 800 ночных и дневных боевых вылетов, сбросили 7 000 бомб разного калибра, 600 зажигательных бомб и 900 тысяч листовок. В результате этих ударов было уничтожено и повреждено 38 танков, до 90 автомашин с боеприпасами и живой силой, 3 батареи зенитной артиллерии, 2 самолета, 7 железнодорожных составов, разрушено 4 моста, 9 переправ, выведен из строя штаб крупного вражеского соединения⁹³.

⁹¹ Никитин Н. Упорные бои // Сталинский сокол. 1941. 15 октября. С. 2.

⁹² Сталинские соколы вступают в партию // Сталинский сокол. 1941. 23 ноября. С. 3.

⁹³ Федоров А. Г. Авиация в битве под Москвой. 2-е изд. Москва : Наука, 1975. С. 126-127.

Полк участвовал в обороне Москвы до 22 декабря 1941 г. За это время было произведено 1 580 боевых вылетов с целью нанесения бомбовых ударов и сбора разведанных. По воспоминаниям ветерана полка К. С. Абрамова, «ввиду того, что полк воевал отлично, личный состав состоял из бывшей авиационной школы, командование доверило личному составу применение нового вида оружия “огненный дождь” (*фосфорные бомбы*. – А. Е.), которое дало большой эффект при разгроме гитлеровских фашистов под Москвой»⁹⁴.

Аэродром полка находился в 10-15 км от линии фронта и постоянно подвергался опасности обнаружения. Для сохранения личного состава и техники полковник Виноградов приказал соорудить ложный аэродром на расстоянии 2 км от настоящего. На ложном аэродроме были построены макеты самолетов, автомашин, тракторов. Во время налетов немецких самолетов на нем создавалась видимость паники, макеты передвигались с помощью тросов, что создавало видимость движения техники. Случалось, что за сутки ложный аэродром подвергался бомбардировке трижды⁹⁵.

В конце декабря 1941 г. легкобомбардировочный полк был отправлен на переформирование. Пилоты и военные техники быстро освоили поступившие на вооружение самолеты Ил-2, полк стал называться 606 штурмовым авиаполком. Уже в марте 1942 г. в составе 1 запасной авиабригады Приволжского военного округа он был отправлен на Западный фронт, где принял участие в операции по выходу из окружения кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова и Ржевской операции. С 28 июля 1942 г. полк находился в составе 214 штурмовой авиадивизии (ШАД) 1-й воздушной армии Западного фронта. Вспоминая сражения этого периода, К. С. Абрамов называет среди тех, кто имел «исключительно большие заслуги перед родиной», своего

⁹⁴ Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Абрамова Кузьмы Степановича. Л. 3.

⁹⁵ Там же. Л. 3-4.

однофамильца капитана А. П. Абрамова. Он совершил 173 боевых вылета, в том числе 96 во время обороны Москвы. Отличился Абрамов и в августе-сентябре 1942 г., когда немецкие войска пытались форсировать реку Жиздра. «Погода для авиации была неблагоприятная, дожди, сильные туманы, самолеты Ил-2 поднимались с аэродрома, из-за сильного тумана, отсутствия видимости не могли собраться в строй над аэродромом, были вынуждены групповые вылеты прекратить. Это тянулось десятки дней. Тогда Алексей Павлович Абрамов один на грозном штурмовике Ил-2 бреющими полетами над рекой Жиздра производил до пяти боевых вылетов в день и уничтожил более десяти мостов через реку Жиздра, в результате чего фашистам реку Жиздра форсировать не удалось, наступление фашистских войск было сорвано»⁹⁶.

До конца августа 1942 г. в боях погибло 10 бывших офицеров-явашевцев. 22 августа 1942 г. 8 самолетов полка совершили боевые вылеты, после которых вернулись на аэродром у д. Полошково Козельского района Калужской области только 5 машин. Один из самолетов посадил смертельно раненный в живот лейтенант В. Т. Отрадных. Пилот скончался от ран, а на его самолете Ил-2 была сделана надпись: «За Отраднава» и в воздух на нем поднимались другие летчики 606 полка. В тот же день, 22 августа 1942 г., не вернулся с боевого задания старший лейтенант А. И. Крайний. В 1957 г. жители села Ровно Тульской области извлекли из земли остов его самолета, а 4 года спустя в яме, оставшейся после падения самолета, были найдены орден Красного Знамени и значок «Отличник РККА», принадлежавшие А. И. Крайнему⁹⁷. С 31 июля 1942 г. считался погибшим командир эскадрильи старший лейтенант А. С. Мудрый. В действительности пилот сражался с врагом в партизанском отряде, которым командовал старший лейтенант Красной Армии Орешкин. А. С. Мудрый погиб 15 апреля 1943 г.

⁹⁶ Там же. Л. 4-5.

⁹⁷ Коммунар. 1961. 14 июля.

Полк нес потери и по другим причинам. В конце сентября 1942 г. в Тутаевском районе Ярославской области был осужден по статье 58-10 ч. 2 (лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества) полковой механик по радио старший техник-лейтенант Н. К. Клюквин, вероятно, приехавший в отпуск домой. Дальнейшая судьба Клюквина неизвестна. Главным управлением кадров Советской Армии он был оформлен пропавшим без вести только в январе 1951 г., а в июне 2001 г. – реабилитирован. Когда 2 ноября 1942 г. после больших потерь 606 штурмовой авиаполк был выведен в тыл на доукомплектование, ярославцев в нем оставалось совсем немного – одни погибли, другие были переведены на новые места службы. Как установлено в ходе исследования, из 47 ярославских офицеров и курсантов, вступивших в бой 7 октября 1941 г. в составе 606 полка, встретили Победу 16 человек.

После отправки под Москву 606 авиаполка в ЯВАШ остались, главным образом, офицеры интендантской, технической и медицинской служб. Большая часть офицеров из этой группы попала на фронт в мае 1942 г. сразу после расформирования школы. Другие сначала получили назначения в тыловые учреждения, штабы и военные училища. В действующей армии они оказались в 1943 и 1944 гг. или не оказались вовсе. Погибли в 1942-1944 гг. командир мотострелкового батальона майор П. К. Елизаров, командир стрелкового батальона капитан Ф. Н. Корниевский, командир стрелковой роты лейтенант Г. А. Обрезков, старший инструктор штурмового отдела ВВС Приволжского военного округа майор В. Р. Кострица, командир штурмовой эскадрильи старший лейтенант И. И. Куракин, пилот корректировочной эскадрильи лейтенант А. А. Петелин, пилот штурмового авиаполка младший лейтенант И. Ф. Степанов, фельдшер танкового полка техник-интендант 2 ранга В. С. Радионов. Военинженер 3 ранга Г. Д. Рыжик пропал без вести, летчик 606 штурмового авиаполка капитан А. П. Абрамов и старший техник-лейтенант Э. Б. Беноист пережили плен и

освобождение. Пилот-инструктор ЯВАШ младший лейтенант В. С. Родин вернулся в авиацию после того, как получил тяжелое ранение в штрафном батальоне в районе Демянска (Западный фронт) и закончил войну лейтенантом.

Случалось, что родственники офицеров находились в неведении об их судьбе. 9 ноября 1941 г. погиб летчик 606 полка лейтенант Я. С. Забрамный, а два месяца спустя отдел кадров ЯВАШ все еще вел переписку с Чердаклинским военкоматом о том, кто сообщит известие семье погибшего⁹⁸. Жена капитана Лебедева, переведенного из 606 полка в 3 отдельный разведывательный авиаполк, 22 апреля 1942 г. получила от начальника штаба Панкратова такое уведомление: «Тов. Лебедева, возвращаю Вам письма Вашего мужа капитана Лебедева Анатолия Владимировича. Дело в том, что капитан Лебедев 6 марта 1942 г. не возвратился с боевого задания и с этого момента от него никаких известий нет. Где он? Может быть он погиб в неравном воздушном бою, может быть был сбит зенитчиками противника. А может быть он еще жив. Но все это только предположения. Во всяком случае мы считаем, что если Ваш муж погиб, то он погиб смертью героя».

Документы показывают, что 49 офицеров ЯВАШ пережили Великую Отечественную войну. По меньшей мере, двое, старший лейтенант интендантской службы Н. И. Агафонов и инженер-капитал А. И. Попыталов, участвовали в войне с Японией. Треть из офицеров-явашевцев демобилизовалась в 1945-1948 гг., еще 9 уволились со службы до середины 1950-х гг., а 10 попали под хрущевские сокращения конца 1950-х – начала 1960-х гг. Большинство из них далеко не достигли пенсионного возраста и должны были искать место в гражданском секторе. Например, старший техник-лейтенант В. П. Мотузенко в 1947-1950 гг. работал старшим мастером на краснодарском заводе №685 (позднее – завод измерительных приборов, ЗИП). В 1950 г. его снова

⁹⁸ См.: Бурлакова Т. И. Указ. соч. С. 14.

призвали служить в армию и отправили в авиаполк, расположенный в станице Слепцовской. В 1951-1961 гг. В. П. Мотузенко служил в составе Группы советских войск в Германии (ГСВГ). После демобилизации работал на краснодарском телевидении и в комитете защиты мира фоторепортером.

Среди бывших офицеров-явашевцев – 12 подполковников и 6 полковников, а Г. С. Ратушный стал генерал-лейтенантом авиации. В 1968-1974 гг. он занимал должность начальника штаба – первого заместителя командующего 8-й отдельной армии ПВО. В 1985-1986 гг. три бывших офицера ЯВАШ были награждены орденом Отечественной войны I степени, шесть человек – орденом Отечественной войны II степени.

Таким образом, офицеры ЯВАШ находились на фронтах с первых дней Великой Отечественной войны. Особенно заметен их вклад в оборону Москвы в октябре-декабре 1941 г. Летчики, штурманы, политработники, командиры стрелковых подразделений, специалисты технической, интендантской и медицинской служб проявили себя как патриоты своей Родины, верные присяге и чувству долга. Об их героизме и самопожертвовании свидетельствуют многочисленные боевые награды. Каждый второй из офицеров Ярославской авиашколы отдал жизнь за победу над фашизмом.

Курсанты ЯВАШ в боях 1942 г. на Юго-Западном и Крымском фронтах

В то время как с октября 1941 г. небольшая часть курсантов находилась на фронте, остальные продолжали обучение. Так как в начале 1942 г. самолетов в Красной армии не хватало, то многие подготовленные в военных учебных заведениях стрелки-бомбардиры и другие авиационные специалисты оказались невостребованными. В феврале 1942 г. ЯВАШ была расформирована, а ее материальная база использована для открытой в Чердаклах 65 школы младших авиационных специалистов

(ШМАС)⁹⁹. В конце февраля – начале марта 1942 г. группа ярославских курсантов была передана во 2-ю Чкаловскую ВАШСБ (в 1957 г. Чкалов был переименован в Оренбург). По одним сведениям, это была вся 1-я эскадрилья, укомплектованная в основном курсантами старших возрастов и зачисленными в ЯВАШ из воинских частей – около 400 человек¹⁰⁰, другие говорят о том, что в Чкалов поехали всего около 60 курсантов¹⁰¹.

Около 1 000 курсантов прибыли в г. Грозный, в Грозненскую ВАШСБ. «Нас разместили в четырехэтажном здании бывшей школы, – вспоминал А. В. Федоров о пребывании в Грозном. – Здесь в городе существовала такая же одногодичная авиашкола. Курсанты ее, как и мы, фактически сидели без дела “безлошадниками” и ждали вызова в боевые части. Еще в начальный период войны немцы уничтожили очень много наших самолетов и материальной части в авиачастях не хватало. Наша промышленность еще только налаживала производство самолетов на востоке. Таким образом к 1 000 “безлошадников” в Грозненской школе прибавилось столько же ярославцев»¹⁰².

В Грозном в действующие авиационные части были направлены 50-60 ярославских курсантов. Один из них – Василий Алексеевич Крупнов. Он сражался в составе Донского, Северо-Кавказского, Западного, 3-го Белорусского, 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «За оборону Сталинграда», «За оборону Кавказа», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После войны служил в бомбардировочной авиации в Гудермесе и Грозном. В 1949 г.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

¹⁰¹ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову, 10 октября 1992 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. С. 90.

¹⁰² Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

закончил Высшие летно-тактические курсы ВВС. Вышел в отставку гвардии подполковником, умер в 1980 г.

Но для большинства курсантов самолетов не нашлось. На аэродроме в районе Старых Промыслов на самолетах они Р-5 отработывали элементы учебной программы, хотя полетов не совершали. По воспоминаниям С. Н. Сельдинина, курсанты 2 эскадрильи выполняли боевые вылеты на самолетах ДБ (дальний бомбардировщик) и СБ (скоростной бомбардировщик) в качестве штурманов. Бомбили они не только немецкие позиции. «Когда два района, населенных чеченцами, восстали против советской власти, – рассказывал С. Н. Сельдинин, – мы их подвергли бомбардировке, а Грозненское пехотное училище сделало там “зачистки”. У мятежных чеченцев были взводы и роты, вооруженные немецким оружием. Среди их командиров также были выпускники пехотного училища»¹⁰³.

А. В. Федоров запомнил, как в начале апреля 1942 г. курсантов ЯВАШ «построили во дворе казармы. Начальник школы (им был уже комбриг Федоров) выступил перед нами, рассказал о трудном положении на фронте и предложил, кто добровольно желает поехать на фронт, сделать десять шагов вперед. Абсолютно все курсанты выполнили команду. Через день нас погрузили в эшелон и направили на ст. Прохладная в запасной полк»¹⁰⁴. На второй день после прибытия курсантам объявили, что они считаются окончившими авиашколу с присвоением звания «сержант». Вместо износившихся кирзовых сапог им выдали добротные ботинки с обмотками, новые шинели, гимнастерки и брюки. По воспоминаниям А. В. Федорова, с петлиц было приказано снять «птички» – авиационные эмблемы и прикрепить по два треугольника согласно званию.

Отправка курсантов военных училищ на фронт практиковалась едва ли не с первых дней Великой Отечественной войны.

¹⁰³ Сельдинин С. Н. Уж минуло 60 лет, но память все хранит. С. 5.

¹⁰⁴ Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

Благодаря кинематографу, СМИ и научным исследованиям в нашей стране хорошо известны подвиг подольских курсантов¹⁰⁵, участие кремлевских курсантов в битве за Москву¹⁰⁶, бои курсантов Ленинградского пехотного командного училища на Лужском рубеже¹⁰⁷. 14 октября 1941 г. был издан приказ наркома обороны о формировании 50 отдельных стрелковых бригад, личный состав которых, в том числе включал 40 тысяч курсантов военных училищ. Практика использования курсантов как бойцов-пехотинцев была продолжена в 1942 г. Среди них были и курсанты Ярославской военной авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШСБ).

4 мая 1942 г. 100-110 ярославских курсантов 3-го отряда 2-й эскадрильи прибыли из Прохладной на станцию Дундуковская Краснодарского края. Им предстояло пополнить 18 и 19 истребительные противотанковые артиллерийские бригады (ИПТАБР). Имея звания сержантов, явашевцы были назначены командирами отделений противотанковых ружей (*далее ПТР*). На следующий день после прибытия с бывшими курсантами, не имевшими пехотной подготовки, начались занятия. «Мы выходили на окраину станицы и тренировались в быстром отрытии окопа, огневой позиции для ПТР. Глубина его доходила до груди. Подготовив окоп, учились делать перебежки и <...> снова новый окоп. Каждый день совершали длительные марши со всей боевой выкладкой и вооружением. Эти марши были не менее 20-30 км. Занимались так, что гимнастерка на спине никогда не просыхала, а через неделю покрылась белой солью», – вспоминал А. В. Федоров. Курсантов учили пользоваться противопехотными

¹⁰⁵ См.: Панков Д. В. Подвиг подольских курсантов / Д. В. Панков, Д. Д. Панков. 3-е изд. доп. Москва, 1986; Панков Д. Д. Подольские курсанты в битве за Москву. Москва, 2008.

¹⁰⁶ Аквилянов Ю. А. «В первых же боях полк... показал, что способен на многое». Кремлёвские курсанты в битве под Москвой (октябрь-декабрь 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 2018. №6. С. 42-46.

¹⁰⁷ Слесарчук А. А. Архив уполномочен... Курсанты ЛПКУ. Лужский рубеж. Санкт-Петербург : Ника, 2019.

и противотанковыми гранатами, стрелять из ПТР по движущимся макетам танков¹⁰⁸. 18 и 19 бригады входили в состав 9-й армии Юго-Западного (с 12 июля – Южного) фронта. С конца мая 1942 г. они участвовали в боях, а 14-16 июля в районе г. Миллерово Ростовской области вся армия попала в окружение. Пытаясь выйти к своим, А. В. Федоров, Е. А. Китин, Б. К. Бураков и Н. Смирнов из 18 бригады попали в плен. Это случилось 17 июля 1942 г. недалеко от хутора Колодезный Ростовской области¹⁰⁹. Вероятно, другие явашевцы из 18 и 19 бригад тоже оказались в плену или погибли.

Большинство же бывших курсантов – 714 человек – 15 апреля 1942 г. были переданы в распоряжение 24 запасной стрелковой бригады с сопроводительными документами Грозненской ВАШ. Н. А. Овчаров, находившийся среди этих курсантов, 3 мая сообщил домой, что «отправился из г. Прохладного на фронт <...> Школу я окончил. Присвоено звание (сержант). Машин нет, и поэтому идем не по специальности на фронт. В общем не поймешь чего делается. Нужно, значит идем. Наше дело защищать Родину»¹¹⁰.

Вдогонку за ярославскими курсантами командование бригады была отправлена депеша начальника отдела кадров Грозненской ВАШ майора Воробьева о том, что семь человек «подлежат изъятию по национальным признакам». Документы одного из них, еврея с польскими корнями Г. Ф. Стриевского, позволяют предположить, что эти курсанты все же были зачислены в 24 бригаду. Позднее Г. Ф. Стриевский стал офицером технической службы в зенитно-артиллерийском полку, служил офицером в Войске Польском, а из Советской Армии ушел в запас подполковником. Другой «подлежавший изъятию» курсант,

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ Письмо Н. А. Овчарова, 03 мая 1942. URL: <https://прохоровское-поле.рф/aktsii-muzeya-zapovednika/2-sljajder/uncategorised/562-9-maya.html>. (Дата обращения: 21.06.2022).

Э. Ф. Спайль, закончил войну старшим сержантом в 308 Латышской СД. Сержантом 317 СД встретил Победу еще один курсант из списка майора Воробьева – Д. В. Шарко. Как сложилась судьба еще четверых названных в депеше курсантов, выяснить не удалось.

Формировочный лагерь 24 бригады находился в г. Тихорецк Краснодарского края. По воспоминаниям С. Н. Сельдина, «стали нас обучать истребителями танков. Научили индивидуально окапываться на танкопроходимых местах. Выкапывали окопы в полный рост, диаметром не больше метра, с крепкими краями. В окопе делали нишу для противотанковых гранат и бутылок с зажигательной смесью, на дне окопа ставили винтовку, земляную лесенку для удобства метания гранат и бутылок в танк»¹¹¹. Потом курсантам выдали новое обмундирование и распределили по маршевым ротам. Явашевцы составляли большинство личного состава 1, 3 и 4 маршевых рот 372 запасного стрелкового полка (*далее ЗСП*). Они внесены в списки со званием «курсант» и воинской учетной специальностью (*далее ВУС*) 69 – стрелок-бомбардир, а к списку 4 роты была приложена записка с пояснением «пилоты». Предположительно, 23 ярославских курсанта оказались в маршевой роте 3 стрелкового батальона при 9-й стрелковой роте 372 ЗСП. По спискам они проходят как рядовые с ВУС 1 – стрелок, что чрезвычайно затрудняет их идентификацию. В 4 маршевую роту кроме ярославцев были включены 25 курсантов Армавирской военной авиационной школы пилотов с ВУС 72 – пилот. Из документов следует, что 1 маршевая рота была сформирована 20 апреля, а 3 рота – 23 апреля 1942 г. Маршевые роты были переброшены по железной дороге на Таманский полуостров в район г. Темрюк. Отсюда на баржах их перевезли в Крым, на Керченский полуостров. Одна их часть попала в резерв главного командования Крымского фронта и 26-27 апреля была размещена в Аджимушкайских камен-

¹¹¹ Сельдин С. Н. Уж минуло 60 лет, но память все хранит. С. 5.

ломнях. Другая часть 7 мая 1942 г. вступила в бой с немцами на Турецком валу около села Марфовка. В. В. Абрамов установил, что основная группа курсантов вступила в бой 12-13 мая¹¹². В соответствии с наградными документами курсанта И. Т. Войцеха, имела место рукопашная схватка. «Многие погибли, а оставшиеся в живых дрались с лихостью авиаторов», – вспоминал С. Н. Сельдинин¹¹³. В. С. Климов рассказывает, что «на Турецком валу западнее Керчи мы встретили врага. Наше подразделение было атаковано тремя цепями фашистов. Стрелки мы были хорошие, положив гитлеровцев в 100-150 м от нашего рубежа, и расстреливали на выбор. Но вот подошли фашистские танки и стали методически вести огонь по нашим окопам. Мы начали нести потери»¹¹⁴.

Из донесений о потерях и пропавших без вести, а также из учетных карточек военнопленных следует, что в мае 1942 г. часть ярославских курсантов сражалась на Керченском полуострове в составе 372 запасного стрелкового полка 24 бригады, а также 417 и 530 стрелковых полков 156 СД вместе с курсантами Армавирской военной авиационной школы пилотов и, возможно, Грозненской ВАШСБ. В. В. Абрамов пишет о том, что боевыми товарищами ярославцев были 446 курсантов-авиаторов из Армавира и курсанты из Краснодара¹¹⁵. Сложности выяснения судеб отдельных бойцов вызваны не только отсутствием документов, но и тем, что в донесениях 156 СД о потерях ярославские курсанты названы грозненскими. В документах 417 СП сообщается о гибели 6 курсантов Армавирской ВАШП и 15 Грозненской ВАШСБ за период с 4 по 14 мая 1942 г., но нет ни одного погибшего из ЯВАШ. Сопоставление этих донесений с анке-

¹¹² Абрамов В. В. Аджимушкой 1942. С. 298.

¹¹³ Анкета С.Н. Сельдинина для участников Великой Отечественной войны, Керченский историко-археологический музей // Личный архив автора.

¹¹⁴ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 42.

¹¹⁵ Абрамов В. В. Аджимушкой 1942. С. 298.

тами пропавших без вести и журналами военкоматов о командировании призывников в военные учебные заведения позволяет утверждать, что по меньшей мере 4 погибших из 15 – И. З. Березняк, Л. М. Гальперин, И. П. Лященко и Б. Ф. Феопентов - были курсантами ЯВАШ.

Позднее некоторые участники боев на Крымском фронте были награждены. Так, в 1946 г. были удостоены медалей «За боевые заслуги». М. П. Волков и И. Н. Знаменский. Волков вынес с поля боя заместителя командира полка по строевой части, а Знаменский уничтожил пулеметное гнездо и двух немецких офицеров. С. Н. Сельдинин вернулся из разведки, приведя пленного, и в 1945 г. был награжден Орденом Красной Звезды. Тогда же, в 1945 г., был награжден медалью «За отвагу» В. С. Гришин, который 14 мая 1942 г. в районе Камыш-Буруна уничтожил пулеметную точку немцев. И. Т. Войцех в рукопашном бою спас жизнь командиру взвода, через несколько дней уничтожил пулемет противника, что позволило советским бойцам выйти из окружения. В 1951 г. за этот подвиг Войцех был награжден Орденом Славы III степени.

Явашевцы были участниками героической обороны Аджимушкайских каменоломен 16 мая – 30 октября 1942 г. «В начале мая 1942 г. наш пулеметный взвод под командованием мл. лейтенанта Петрова занимал оборону на окраине Аджимушкай, – вспоминет П. И. Попов. – Но под огнем вражеских танков мы стали отходить к переправе. На пути к переправе нас встретил офицер в чине полковника, который обратился к нам со словами, что по приказу командования мы остаемся для обороны Аджимушкай. Это был Ягунов. Наш взвод в потоке отступающих войск повернули через завод Войкова в каменоломни. В каменоломнях было сформировано три батальона. Командиром был Ягунов, заместителем – подполковник Бурмин»¹¹⁶. Курсанты сражались в центральных каменоломнях в составе подземно-

¹¹⁶ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 12-об-13.

го гарнизона под командованием полковника П. М. Ягунова и несли все тяготы сопротивления: вели бои, выдерживали газовые атаки, терпели жажду и голод. Е. Б. Горчаков, А. И. Хрупов, И. З. Ищенко ухаживали за ранеными в подземном госпитале¹¹⁷.

«Курсанты неплохо знали военное дело, были дисциплинированы, исключительно дружны между собой. Вот поэтому-то командование подземного гарнизона и доверяло курсантам сложные и ответственные задания, с которыми они, как правило, успешно справлялись», – пишет В. В. Абрамов¹¹⁸. С 9 по 13 мая минометный и пулеметный взводы, сформированные из явашевцев, состояли в батальоне охраны штаба Крымского фронта. Они получили приказ переправляться на кавказский берег пролива и прибыли к месту переправы в поселок Опасное. Став свидетелями хаоса на берегу и массовой гибели советских солдат из-за налетов немецкой авиации, курсанты решили вернуться в каменоломни. 15 мая 1942 г. они вошли в первое боевое столкновение с немецкими автоматчиками на окраине Аджимушкай¹¹⁹.

По сведениям мемориального комплекса «Аджимушкайские каменоломни» и военно-археологических экспедиций «Аджимушкай», среди защитников каменоломен был 61 ярославский курсант. Точные биографические данные одних известны, от других остались только фамилии. Автору настоящей работы удалось установить имена, отчества, даты рождения и судьбы некоторых из них, а также добавить в список фамилии еще 5 человек: троих из публикации В. В. Абрамова в журнале «Вокруг света» за 1974 год, одного – из монографии В. В. Абрамова «Аджимушкай». Наконец, один освобожденный из плена явашевец (курсант И. Я. Безверхий), указал в документах, что был взят в плен 24 мая 1942 г. «в Керчи в каменоломнях». Из участников этих боев выжили в Великой Отечественной войне не менее 16 ярославских курсантов. Другие погибли в ходе обороны, не

¹¹⁷ Абрамов В. В. Аджимушкай 1942. С. 154.

¹¹⁸ Абрамов В. В. Пропавшие без вести? // Вокруг света. 1972. №2. С. 6.

¹¹⁹ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 291-292.

вернулись из плена или пропали без вести. Немало и тех, о ком не сохранилось никаких сведений.

Части ярославских курсантов удалось переправиться через Керченский пролив на таманский берег. Внук Павла Иосифовича Немцева (Немцова) рассказывает: «Он вспоминал, как спешили они к переправе. Не дошли метров двести, когда налетели немецкие самолеты и потопили все баржи и катера. От тысяч людей – детей, женщин, стариков, военных, раненых, за несколько минут остались на воде лишь шапки и вещи. Ничего более ужасного на этой войне он не видел. Для переправы использовались даже камеры от колес “Катюш”. Сами орудия, ненужные из-за отсутствия снарядов, уничтожались. Деду удалось переплыть пролив в лодке, держась за переполненный людьми катер рукой»¹²⁰. Бывший курсант Н. А. Ефимов уложил эти воспоминания в одну строку: «18 мая 1942 г. кое-как переправились через Керченский пролив 4 км 800 м»¹²¹. Курсант А. И. Попов был ранен на Турецком валу, сумел добраться до медпункта и после перевязки ожидал отправки на другой берег пролива в Керчи. «Там мы, раненые, в ожидании эвакуации лежали на молу, а примерно в 500 м от нас на горе Митридат шел ожесточенный бой. Один из вражеских снарядов разорвался в гуще раненых. Было много жертв, а я получил еще и контузию. Наконец подошел катер: я не мог двигаться, а моряки не могли терять ни одной минуты. Они не стали меня нести, а просто бросили с мола на катер. Благодаря им и врачам, которые руку мне сохранили, вот видите, работаю»¹²².

Ф. Д. Егоров, переведенный в ЯВАШ из Краснодара, в интервью 2008 года рассказал: «Мы с морячками вместе, как мог-

¹²⁰ Бесмертный полк. Немцев Павел Иосифович. <https://www.moypolk.ru/soldier/nemcev-pavel-iosifovich>. (Дата обращения: 22.06.2022).

¹²¹ Письмо Н. А. Ефимова в школу №53, 21 января 1988 г. // Личный архив автора.

¹²² Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 43.

ли, сдерживали противника на подступах к Камышбурунской военно-морской крепости. Обеспечивали эвакуацию наших войск, сколько успели. У моряков все время строчил пулемет, у нас были винтовки. И вот наступил час, когда морячки в свою шлюпку сели, а мы вчетвером остались на берегу. Благо рядом было много нарезанных телеграфных столбов и проводов до чёрта. Мы собрали бревен 15-20, связали проводами. И на этих бревнах сдуру-то оттолкнулись от берега, и в пролив. На выходе из этой бухточки нас подобрал последний пароход с эвакуированными. Так мы оказались в Тамани»¹²³. «В числе курсантов-ярославцев только ленинградцев было около 120 человек, осталось в живых не более 20», – пишет В. В. Абрамов¹²⁴. По утверждению С. Н. Сельдина, переправились через Керченский пролив и приняли участие в дальнейших боях 29 явашевцев¹²⁵.

Современные возможности поиска позволили установить, что выживших и благополучно достигших таманского берега среди курсантов из 2-й, «ленинградской» эскадрильи, было больше. Среди них было много раненных, так как именно их эвакуировали из Керчи в первую очередь. Те, кто получил серьезные ранения, остались инвалидами. П. И. Сяткин, данные о котором в архиве министерства обороны отсутствуют, был тяжело ранен 12 мая 1942 г. и «вывезен в Ставропольский госпиталь <... > Выздоровел, а больше уже не пошел, т. к. стал инвалидом войны до сегодняшнего дня»¹²⁶. В. С. Носкович, из «ленинградских» курсантов, был тяжело ранен в левое бедро, после лечения получил инвалидность III группы, так как «парализована стопа и укорочено бедро». В. С. Гришин 14 мая был тяжело

¹²³ Ковалева Т. Позывной «ЕГО». С. 6.

¹²⁴ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 43.

¹²⁵ Письмо С. Н. Сельдина группе «Поиск», январь 1986 г. // Личный архив автора. В других текстах С.Н. Сельдина середины 1980-х гг. встречается цифра 30 и высказывание «не более трех десятков».

¹²⁶ Письмо П. И. Сяткина С. В. Белостокову, 3 февраля 1979 г. // Личный архив автора.

ранен осколком мины в левое предплечье с повреждением локтевого и среднего нервов. В строй он больше не возвратился. В тот же день получили ранения Б. П. Захаров и А. С. Новичихин¹²⁷. Х. П. Христофоров был ранен в районе поселка Аджимушкой 15 мая и эвакуирован на Таманский полуостров 20 мая 1942 г. Захаров, Новичихин и Христофоров после выздоровления были направлены в различные войсковые части и находились в действующей армии до конца войны.

Дать новую оценку масштабам жертв и потерь позволяют списки личного состава некоторых подразделений 372 запасного стрелкового полка, куда были зачислены ярославские курсанты, главным образом, переведенные из Краснодарской ВАШСБ: 1-й, 3-й и 4-й маршевых рот 2-го учебного батальона, а также маршевой роты 3-го учебного батальона. В списках первых трех подразделений находится 342 курсанта с ВУС-69 (стрелок-бомбардир). В последнем подразделении курсанты-авиаторы записаны с ВУС-1 (стрелок) и названы рядовыми, но их можно идентифицировать по уровню образования (не ниже 10 классов) и году рождения (не старше 1916, чаще 1919-1923). По этим признакам было выявлено 23 человека. Официальные документы и источники личного происхождения показывают, что 86 военнослужащих из 365 являлись ярославскими курсантами. Совпадение мест и времени призыва позволяет утверждать, что остальные 279 также учились в ЯВАШ.

В результате поименной проверки установлено, что о 77 курсантах из маршевых рот нет никакой информации, числились 77 пропавшими без вести, 30 попали в плен, 6 погибли, 26 продолжили сражаться в Аджимушкойских каменоломнях. Переправились на Кавказ 148 человек, в том числе 20 раненных. Трое раненных курсантов – Г. З. Баранов, И. Т. Войцех, И. Н. Знаменский – после лечения были демобилизованы. Из защитников каменоломен попали в плен 8 курсантов, некоторым

¹²⁷ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову, 11 декабря 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 75об.

удалось вырваться из окружения и пересечь пролив, а остальные погибли или пропали без вести. Таким образом, в плену оказалось 38 курсантов из четырех маршевых рот. Из них были освобождены или совершили успешные побеги 30 человек, умерли в плену трое, судьба пятерых неизвестна.

После керченской катастрофы пути явашевцев разошлись. Возможно, кого-то из них командиры направили командирами в Грозненскую авиашколу или же они вернулись в нее по собственной инициативе. С. Л. Белостоков рассказывает, что в мае 1942 г. на таманском берегу военнослужащие из разных подразделений сами искали для себя новые места службы¹²⁸. Сохранился датированный 14 июля 1942 г. приказ командующего ВВС Северокавказского военного округа, адресованный начальнику Грозненской ВАШСБ: «Бывших курсантов ЯВАШ, ранее отправленных в 24 запасную стрелковую бригаду, в школу не принимать».

Сделать некоторые обобщения позволяет изучение судеб курсантов из списков маршевых рот. После эвакуации с Керченского полуострова 52 человека сражались в пехотных частях рядовыми стрелками, сержантами – командирами отделений, а 14 человек стали офицерами, чаще всего они в звании младших лейтенантов командовали взводами. В артиллерии служили 16 бывших курсантов, 9 из них были офицерами. Девять были связистами (радиотелеграфистами или начальниками радиостанций в разных родах войск), трое явашевцев воевали в зенитной артиллерии, еще трое попали в танковые войска. Один из них, младший лейтенант, был командиром танка Т-34, а другой, тоже в звании младшего лейтенанта, командовал взводом танков Mk III «Валентайн», поставлявшимися по ленд-лизу из Великобритании.

Больше всего, 56 человек, смогли продолжить войну в авиации, хотя попасть в ВВС было непросто. Например,

¹²⁸ Письмо С. В. Белостокова Р. В. Балашову, 22 ноября – 18 декабря 1990 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 30-об.

А. А. Казанцев, которому удалось 19-20 мая 1942 г. перебраться через Керченский пролив на Тамань, до августа 1943 г. сражался в 5-й гвардейской танковой бригаде и только потом был откомандирован в Ставрополь, где располагался 6-й отдельный учебно-тренировочный авиаполк 4-й воздушной армии. Казанцев вспоминал, что «в Ставрополе было много ярославцев. Сержантами ходили»¹²⁹. В ВВС бывшие ярославские курсанты служили стрелками-бомбардирами, воздушными стрелками-радистами, штурманами в бомбардировочной и штурмовой авиации, диспетчерами и радиомеханиками в истребительной авиации, командирами отделений в батальонах аэродромного обслуживания. Этим должностям в ВВС РККА соответствовали звания сержантов и старшин. Офицерами стали 19 явашевцев, которые воевали штурманами экипажей и звеньев, летчиками-наблюдателями на самолетах Ил-2, Р-5, Пе-2, У-2. Двенадцать из них решили связать свою судьбу с армией и остались на службе после окончания войны.

После эвакуации с Керченского полуострова значительная часть курсантов стала участниками Сталинградской битвы и битвы за Кавказ, другие оказались на разных фронтах войны. Несколько явашевцев были зачислены в 77 отдельную зенитную артиллерийскую батарею (ОЗАБ), которая охраняла штаб 138 СД, которой командовал будущий герой Сталинградской битвы полковник И. И. Людников. Дивизия отступала через Сальские степи к Сталинграду. В междуречье Северного Донца и Волги батарея сражалась с немецкими танками, потеряла все орудия и большинство бойцов. «В Сталинград нас входило 17 человек», – пишет С. И. Сельдинин¹³⁰. Здесь дивизия была пополнена и снова вступила в бой. В конце августа 1942 г.

¹²⁹ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 8.

¹³⁰ С рассказом С. И. Сельдинина совершенно не совпадают воспоминания С. В. Белостокова, служившего в той же 77 ОЗАБ. См.: Письмо С. В. Белостокова Р. В. Балашову, 22 ноября – 18 декабря 1990 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 31-33.

77 ОЗАБ была отправлена под Москву на переформирование. Шестерых явашевцев послали на курсы младших лейтенантов Московского военного округа. Двое, Белостоков и Николай Смирнов, узнав, что курсы пехотные, сбежали с курсов и вернулись в расположение батареи. Остальные, четверо бывших курсантов, через 3 месяца получили офицерские звания и были командированы на Донской фронт.

Курсанты А. Ф. Прусс и В. В. Зыков стали радиотелеграфистами 91-го отдельного полка связи 62-й армии. За бои в Сталинграде в октябре 1942 г. Прусс был награжден медалями «За отвагу» и «За оборону Сталинграда», а Зыков – медалью «За боевые заслуги». Орденом Красной звезды и медалью «За оборону Сталинграда» были отмечены подвига Ф. Д. Егорова, который служил начальником радиостанции 138 (70 гвардейской) стрелковой дивизии и обеспечивал бесперебойную связь «острова Людникова» с левым берегом¹³¹.

Курсант Е. И. Ушацкий после эвакуации из Керчи получил назначение в 32 гвардейскую стрелковую дивизию, защищавшую Кавказ. 26 августа 1942 г. был ранен, после госпиталя «некоторое время учился в Грозненском нефтяном институте и, как только здоровье позволило, через Орджоникидзевский военкомат г. Грозного добровольно был направлен в Серпуховскую авиашколу и затем на фронт»¹³². До конца войны Е. И. Ушацкий служил стрелком-радистом в 119 гвардейском авиаполку пикирующих бомбардировщиков.

Постепенно возвращались в строй те, кто получил ранения под Керчью. П. И. Немцев после выздоровления в августе 1942 г. был направлен в 347 СД на Северо-Кавказский фронт, с августа 1943 по июль 1944 г. обучался в военном инженерном училище в Новосибирске. По окончании училища Павел Иоси-

¹³¹ Гриф А. Подвиг Сталинграда в наших сердцах // Радио. 1982. №11. С. 15.

¹³² Письмо Е. И. Ушацкого группе «Поиск», 1985 год // Личный архив автора; Письмо Е. И. Ушацкого С. Калинину, 3 декабря 1987 г. // Личный архив автора.

фович служил инженером полка в 1 Польском танковом корпусе. Он закончил войну близ Берлина в звании подпоручика Народного Войска Польского¹³³. Курсант Б. П. Захаров после ранения провел в госпиталях полгода, потом сражался в пехоте на 1-м Белорусском фронте. Весь 1944 г. учился в Ульяновском танковом училище, с января по апрель 1945 г. Борис Павлович вновь находился по апрель 1945 на фронте, 19 апреля 1945 г. был ранен под Берлином¹³⁴.

О том, на каких фронтах сражались явашевцы и в каких сражениях они участвовали, позволяют судить наградные документы. Медалями «За оборону Сталинграда» были награждены 6 бывших курсантов, «За оборону Кавказа» – 16, «За освобождение Белграда» – 2, «За освобождение Варшавы» – 2, «За освобождение Праги» – 3, «За взятие Будапешта» – 4, «За взятие Вены» – 5, «За взятие Кенигсберга» – 5, «За взятие Берлина» – 7. Два бывших курсанта были награждены медалью «За победу над Японией». Массовый характер имели награждения за героизм и мужество, проявленные в боях. Медали «За боевые заслуги» получили 38 человек, 37 было награждено медалью «За отвагу». Орден Красной Звезды был вручен 64 явашевцам, орден Отечественной войны II степени – 21, орден Отечественной войны I степени – 6, орден Красного Знамени – 8, Орден Славы III степени – 7, Орден Славы II степени – 1, орден Ленина – 1. Медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» были награждены 42 человека.

В 1942-1945 гг. пропали без вести, не вернулись с боевого задания, погибли в боях, умерли от ран более 40 курсантов из списков маршевых рот, то есть, главным образом, переведенных в Ярославль из Краснодарской ВАШ. Несколько человек были

¹³³ Бесмертный полк. Немцев Павел Иосифович. <https://www.moypolk.ru/soldier/nemcev-pavel-iosifovich>. (Дата обращения: 22.06.2022).

¹³⁴ Письмо Б.П.С. Захарова Р. В. Балашову 22 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 61.

комиссованы после тяжелых ранений. Судьбы курсантов-«ленинградцев», сражавшихся под Керчью, оказалось возможно лишь проиллюстрировать отдельными примерами.

Ярославские выпускники 2-й Чкаловской ВАШСБ

Документов и свидетельств о ярославских курсантах, направленных во 2-ю Чкаловскую ВАШ СБ, сохранилось крайне мало. Еще в 1992 г. «ярославский след» в Оренбурге безуспешно пытался обнаружить Р. В. Балашов, обратившись к заведующему музеем Оренбургского высшего военного авиационного училища летчиков (ВВАУЛ) В. И. Лежнину. Тогда никаких сведений о ярославцах найти не удалось¹³⁵. В недавней научной статье по истории 2-й Чкаловской ВАШ не упомянуты ни курсанты из Ярославля, ни 233 батальон, в котором сражалась часть из них¹³⁶.

Однако нам удалось установить некоторые имена, боевой и жизненный путь нескольких воспитанников ЯВАШ, направленных в Чкалов. Один из них, С. Г. Куклев, рассказал, что «в Чкалове 2 ЧВАШ находилась на берегу реки Урал у парка им В. Чкалова. Какая улица, не помню. Здание школы и казармы были в одном месте. Школа была вся кирпичная, многоэтажная, хорошо оборудованная для обучения, как технически, так и наглядными пособиями»¹³⁷. Однако не всем приехавшим в Чкалов ярославцам довелось закончить эту школу. По свидетельству С. Г. Куклева, «половина курсантов отправлена на фронт под Воронеж. Хорошо помню: выстроили всех и зачитали фамилии,

¹³⁵ Письмо В.И. Лежнина Р. В. Балашову 19 сентября 1992 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. С. 109.

¹³⁶ Фёдорова А. В. 2-е Чкаловское военное авиационное училище в годы Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2022. №1. С. 57-62.

¹³⁷ Письмо С. Г. Куклева Р. В. Балашову 30 июня 1991 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 100об.

кому отправляться на фронт в наземные войска»¹³⁸. Возможно, это происходило 10 мая 1942 г. Эта дата содержится в документах Ю. М. Кыштымова, призванного в ЯВАШ из Ленинграда и переведенного в Чкалов. Он был отправлен на фронт в составе 233 пулеметно-артиллерийского батальона в должности второго номера орудийного расчета. Последнее письмо мать получила от него в апреле 1942 г. Наверняка в эти майские дни на фронт из Чкаловска отправились и другие ярославские курсанты – Кыштымов значится в приказе за №516. 233 батальон вошел в состав 117 укрепрайона Сталинградского фронта.

В одном батальоне с Ю. М. Кыштымовым оказался Василий Архипович Лысенко. Он был призван в РАКА в ноябре 1939 г. с первого курса Харьковского института механизации сельского хозяйства и направлен в Ярославль в саперный мостовой железнодорожный полк. Полк участвовал в советско-финляндской войне, после чего наиболее подготовленных бойцов распределили по военным училищам. 1 августа 1941 г. В. А. Лысенко стал курсантом ЯВАШ, вместе с ней оказался в Чердаклах, а потом – в Чкалове. Он вспоминает: «Немецкая армия шла вглубь страны и, господствуя в воздухе, разбила на аэродромах большую часть наших самолетов. Курсантов некуда было девать, и в апреле (1942) по приказу Сталина формируются курсантские батальоны. С нашего училища формируется 233-й отдельный пулеметно-артиллерийский курсантский батальон в 1 000 человек. Выбрасывают под г. Валуйки, станция Алексеевка, в лес, вооружают личным оружием: карабины, СВТ (у меня), пулеметами Дегтярева и «максим», пушками 45-ти и 76-ти мм на конной тяге»¹³⁹. Батальон занял позиции в районе села Круглое Воронежской области. «Около месяца, июнь (1942), в лесу, никаких стрельб, опробования оружия. Я – старший сержант, командир пулемет-

¹³⁸ Там же. Л. 101.

¹³⁹ Таракановский В. Счастливый человек в буденовке // Знамя Победы. 2001. 7 апреля.

ного расчета “максима”. Сборка и разборка по наставлению»¹⁴⁰. 4-5 июля 1942 г. батальон принял бой и понес большие потери. Связь между подразделениями была нарушена, и Лысенко сам принял решение отходить. «По дорогам за 3-4 дня нас собралось из нашего курсантского батальона 13 человек, и добрались до райцентра, г. Бутурлиновка. Здесь нам и рассветом повезло: нас с большой охотой подбирает командир гаубичного артиллерийского полка полковник Костенко с горсткой спасшихся своих вояк, несколько конных подвод и с походной кухней. Совершаем многодневный переход в Сталинградскую область в хутор Терновой. Полк полностью пополняется людьми, пушками 152 мм на гусеничных тракторах и бросается под станицу Клетская для прорыва и окружения войск противника»¹⁴¹. До марта 1944 г. В. А. Лысенко служил в 156 гаубичном артиллерийском полку (109 гвардейском армейском пушечном артиллерийском полку), был дважды ранен, потом направлен в Ленинградское училище ПВО, которое закончил в 1945 г. с присвоением звания «младший лейтенант». В 1947 г. он был демобилизован, закончил Харьковский институт советской торговли, работал в г. Шахтерск до выхода на пенсию в 1982 г.¹⁴². Награжден медалями «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», орденом Отечественной войны II степени. В. А. Лысенко умер 21 июня 2008 г.

По рассказам П. Г. Мирошникова, в Чкалове группу курсантов обучали «диверсионной профессии: рукопашный бой, подрывное дело и т. д. и т. п.». После такой подготовки П. Г. Мирошников в авиацию не попал, а служил командиром отделения стрелковой роты 277 СП 175 СД, был награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу» и другими медалями.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же.

В письмах бывших явашевцев встречается и имя курсанта Павла Кожохина, родом из Ивановской области. Как помнил С. Г. Куклев, в 1942 г. Кожохин был отправлен под Воронеж¹⁴³. Согласно единственному опубликованному министерством обороны документу, Павел Ал. Кожохин, призванный Родниковским РВК Ивановской области, был освобожден из плена в 1942 или 1943 г.

Другим ярославским курсантам удалось закончить 2-ю Чкаловскую ВАШСБ в апреле 1943 г. с присвоением звания «младший лейтенант» и продолжить службу в авиации. Один из них, Иван Андреевич Ермилов, родился на хуторе Верхне-Чесноковский в Бударинском районе Сталинградской области в ноябре 1921 г. После окончания школы в 1938 г. уехал в Астрахань, где закончил одногодичные курсы русского языка и литературы для учителей 5-7-х классов и устроился на работу учителем в Гурьеве. В 1940 г. был призван на военную службу в военно-воздушные силы, служил в г. Новосаратовск Ленинградской области, а потом был принят в ЯВАШ. В мае 1943 г. И. А. Ермилов стал летчиком-истребителем и был направлен в военный летный центр в Баку. Он участвовал в сопровождении британских поставок по ленд-лизу из Ирана, а также в обеспечении безопасного прибытия И. В. Сталина на Тегеранскую конференцию. С января 1944 г. находился на фронте, был награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В феврале 1946 г. И. А. Ермилова командировали курсантом в Кировоградское военное училище. Однако уже в 1948 г. он был демобилизован и работал в гражданской авиации в г. Гурьеве. Окончил строительный институт, а в 1976 г. – Ленинградскую академию гражданской авиации по специальности пилот-инженер. Умер в 1987 г.

В апреле 1943 г. в 16-й ночной бомбардировочный авиационный полк прибыли младшие лейтенанты Николай Николае-

¹⁴³ Письмо С. Г. Куклева Р. В. Балашову 26 марта 1991 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 94.

вич Веселков и Сергей Гаврилович Куклев. Они воевали в этом полку до конца Великой Отечественной войны. Н. Н. Веселков родился в 1922 г. в селе Бельшево Ветлужского района Горьковской (ныне – Нижегородской) области. Окончил педагогическое училище, работал учителем в школе¹⁴⁴, а в декабре 1940 г. был призван в зенитные части РККА. В 16-м авиаполку был штурманом самолета У-2, а позднее – звена самолетов ПО-2, выполнял задания по разведке оперативно-тактического тыла противника, бомбардировке живой силы и техники¹⁴⁵. Как отмечает командир полка, Веселков всегда выполняет боевые задания с большим желанием, является отважным воздушным бойцом, отлично ориентируется в воздухе и всегда находит цель. В июле 1944 г. Веселкову довелось помогать белорусским партизанам: он доставлял боеприпасы и вывез на «большую землю» 34 раненых и детей. Н. Н. Веселков был награжден двумя орденами Красной Звезды, медалями «Партизану Отечественной войны» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», закончил войну старшим лейтенантом. До 1954 г. служил в военной авиации, ушел в запас капитаном. Работал учителем математики и физики в школе г. Нерехта Костромской области, участвовал во встречах ветеранов-явашевцев.

Одиннадцать вылетов к партизанам произвел друг и однополчанин Веселкова С. Г. Куклев. Он вывез с оккупированной территории 16 раненных, 7 детей и 4 спецслужасих. Его самолет не раз попадал в лучи вражеских прожекторов и под огонь немецкой зенитной артиллерии. Хладнокровный и смелый, он

¹⁴⁴ Вспомним всех // Земля ветлужская. 2014. 2014. 16 декабря. С. 4.

¹⁴⁵ Письмо Н. Н. Веселкова Р. В. Балашову 30 октября 1990 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 53.

совершил более 287 ночных боевых вылетов¹⁴⁶, в октябре 1944 г. был ранен, но довел самолет до аэродрома.

С. Г. Куклев родился в 1922 г. в поселке Моста Южского района Ивановской области, окончил среднюю школу. В ноябре 1940 г. был призван в армию, служил в стрелковых частях сначала в Закавказском, а потом в Ленинградском военном округе¹⁴⁷. Из воинской части был направлен в ЯВАШ. Мечтал летать на тяжелых бомбардировщиках, но пришлось осваивать ПО-2. Его подвиги отмечены орденами Отечественной войны I и II степени, медалями «За отвагу», «Партизану Великой Отечественной войны». В декабре 1945 г. он демобилизовался по ранению, окончил Правдинский лесхоз-техникум и устроился на работу в Удимский леспромхоз Вологодской области. Потом были Урал, Сибирь, окончание Архангельского лесотехнического института, работа инженером по технике безопасности, главным инженером, директором леспромхоза. Свою трудовую деятельность С. Г. Куклев закончил директором Волоколамского лесхоза.

Иван Михайлович Криндач, родом из Алтайского края, по окончании первого курса речного техникума в октябре 1940 г. был призван на срочную службу и попал в 255 стрелковый полк, а оттуда командирован в ЯВАШ. В августе 1943 г. он закончил 2-ю Чкаловскую ВАШСБ, получил звание младшего лейтенанта и поступил в распоряжение командира 8 запасной авиабригады. В августе 1944 г. И. М. Криндач оказался на фронте штурманом самолета 4 гвардейского бомбардировочного полка. 13 октября 1944 г. он не вернулся с боевого задания.

¹⁴⁶ Куксов Ю. Кукурузник против «фоккера». Летчик-«ночник» Сергей Куклев перехитрил немецких асов и подружился с «ночными ведьмами» // Российская лесная газета. 2005. 11 марта.

¹⁴⁷ Воробьев Е. Повелитель двух стихий // Волоколамский край. 2012. 5 мая.

Трагедия войны: военнопленные и пропавшие без вести

Уделом многих явашевцев, сражавшихся на Юго-Западном, Крымском и Сталинградском фронтах, стал немецкий или румынский плен. «Три года длиною более, чем вся жизнь, прошли в фашистских лагерях», – писал в 1986 г. А. С. Гомыляев, воевавший в составе 530 стрелкового полка и попавший в плен 15 мая 1942 г. в морском порту Камыш-Бурун¹⁴⁸. Он оказался в Лицманштадте (ныне – польский город Лодзь) в лагере военнопленных люфтваффе №2 и был освобожден в конце войны. Почти три года провели в немецких лагерях В. П. Реутов и А. И. Савченко.

Следы многих участников обороны Аджимушка теряются в керченском лагере военнопленных, расположенном в средней школе им. Горького. Именно там в последний раз видели П. А. Антропова и Ф. А. Байкина¹⁴⁹. В лагерях военнопленных – шталагах – в Германии находились Е. А. Китин (VIII А Гёрлиц и VIII В Ламсдорф), Б. К. Бураков (302 (II Н) Гросс Борн – Редериц), П. П. Пугачев (318 (VIII F) Ламсдорф), Б. М. Трощановский (XXI С Волльштайн и VIII В Ламсдорф), В. Е. Бондаренко (VI G Бонн – Дуисдорф), П. И. Кочетов (II В Хаммерштейн-Шлохау), А. И. Савченко (IV С Вистриц), М. Ф. Никандров, И. А. Минин и М. Андреев¹⁵⁰. А. В. Федоров побывал в лагерях Волошино Ростовской области, Бердичева, Житомира, в гросс-лазарете Славута, VIII А Гёрлиц и VIII В Ламсдорф, а побег совершил во время переброски военнопленных в Судетской области Чехословакии¹⁵¹. И. Я. Безверхий сообщил для журнала регистрации освобожденных военнопленных, что находился в

¹⁴⁸ Автобиография А. С. Гомыляева, 8 мая 1986 г. // Личный архив автора.

¹⁴⁹ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 318-319.

¹⁵⁰ Письмо М. Ф. Никандрова С. Н. Сельдинину 27 октября 1988 г. // Личный архив автора.

¹⁵¹ Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину 23 апреля 2004 г. // Личный архив автора.

плону в Керчи с 24 мая до 17 августа 1942 г. Далее в журнале записано: «Этапы: с 17.8.42 по 2.1.43 Ровно-лагерь; с 2.01.43 по 9.43 г Холм-лагерь; с 9.43 г. по 17.02.44 года Ченстохов-лагерь; с 17.2.44 по 19.4.45 Дрезден (видимо, офицерский лагерь 269), эвак, побег в параш. десант. отряд майора Гайдара, бригаду полк-ка Богун до освобождения». Н. Д. Немцов побывал в Югославии и Италии, а П. Е. Малезик был освобожден партизанами в Норвегии. В. Д. Круткин оказался в венгерском плену, после неудачного побега немцы вывезли его на строительство Атлантического вала во Францию, он снова бежал и сражался во французском партизанском отряде. Удачный побег из немецкого лагеря военнопленных в городе Ровно в августе 1943 г. совершил В. К. Конончук. Он попал в плен 23 мая 1942 г. при защите Аджимушкайских каменоломен, прошел через лагеря в Джанкое и Мелитополе. В партизанском отряде им. Щорса Конончук стал политруком взвода, в мае 1944 г. успешно прошел проверку «Смерша» и до ноября 1945 г. проходил службу в 268 отдельном батальоне 70 армии¹⁵².

С помощью товарищей по авиашколе пережили плен некоторые курсанты-евреи, шансы которых на выживание были крайне малы. Хема (Ефим) Натанович Фридман попал в плен в конце июня 1942 г. В керченском лагере военнопленных он представлялся русским по фамилии Фомин, но внешность выдавала его еврейское происхождение. Заподозрив, что над Фридманом готовится расправа, друзья определили его в помещение для больных дизентерией, а потом внесли в список пленных, отправляемых в другой лагерь. Х. Н. Фридман выжил и после войны работал инженером по снабжению в г. Кривой Рог¹⁵³. Наум Исаакович Ивасик попал в плен в Керчи 12 мая 1942 г. и побывал в шталагах 325, III А (Люкенвальде) и III D (Фюрстенберг). В плену он назвался Игнатом Ивановичем Ивасиком и пережил Холокост.

¹⁵² ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 20.

¹⁵³ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. Прим 280.

Многие ярославские курсанты, плененные в Керчи, почти на два с половиной года находились в румынских лагерях военнопленных. А. П. Бахмуткин, М. М. Гаранжа, А. Е. Святогоров, А. С. Гришин были в лагере №8 в Болграде Одесской области, Е. А. Шопша – в лагере №1 в Слобозии на юго-востоке Румынии, В. Т. Артеменко и И. Ф. Бессмертный – в лагере №6 в Калафате, И. Е. Кононенко сначала в лагере №3 в Галац-Индепенденца, а потом в лагере №9 в Вулкане. Эти лагеря были переданы советским караулам в августе-сентябре 1944 г., вскоре после выхода Румынии из войны и присоединения ее к антигитлеровской коалиции.

Большинство освобожденных ярославских курсантов возобновило службу в действующей армии. Возвратившись в строй, они старались реабилитировать себя и отомстить врагу за годы плена. А. Е. Святогоров был освобожден из румынского лагеря военнопленных 14 сентября 1944 г. и направлен в стрелковый полк, где его назначили командиром взвода ПТР. В 1945 г. он был награжден четырьмя медалями: «За отвагу», «За победу над Германией», «За освобождение Белграда» и «За боевые заслуги». И. Е. Кононенко, освобожденный из румынского лагеря, встретил окончание войны старшиной. В. П. Реутов был освобожден из немецкого плена 5 марта 1945 г. и направлен в артиллерийский полк, где служил связистом. 30 апреля 1945 г. он совершил подвиг, за который его наградили Орденом Славы III степени. Некоторым явашевцам, побывавшим в плену, довелось пройти службу в штрафных подразделениях Красной Армии. П. А. Клименков 13 мая 1944 г. на три месяца был отправлен в 90 отдельную штрафную роту, и только потом – рядовым в 383 СД 1 Белорусского фронта. В феврале 1945 г. П. А. Клименков был награжден орденом Красной Звезды, а 9 мая – медалью «За победу над Германией». Е. А. Шопша был направлен во 2 отдельный штрафной батальон 2 Украинского фронта. Последние месяцы войны он служил в авиационной части.

Младшим лейтенантом, штурманом и выпускником Краснодарской военной авиационной школы называл себя и освобожденный в апреле 1945 г. из немецкого плена И. Я. Безверхий. Но большинство прошедших плен курсантов было вынуждено расстаться с мечтами об офицерской карьере, а некоторые потеряли даже сержантские звания. Н. Т. Косенков, освобожденный из румынского лагеря и 20 сентября 1944 г. и прибывший на пополнение 74 СД, был дважды ранен, во время боев «в трудных условиях гористо-лесистой местности на территории Австрии под огнем противника вынес до 15 бойцов и офицеров с их оружием. В последующих боях также проявлял отвагу и мужество». За это он был награжден медалью «За отвагу», а позднее – медалью «За победу над Германией». Однако Н. Т. Косенков так и остался рядовым.

Не всем освобожденным удавалось успешно пройти фильтрационные лагеря. А. В. Федоров писал об отношении к бывшим военнопленным: «Главное я уделил разоблачению страшной лжи, навороченной сегодняшними историками о судьбе советских военнопленных после войны. Везде (в печати, радио, телевидении) твердят одно и то же: как только покажут бывшего пленного, обязательно добавят: он после войны пережил еще и сталинские лагеря, куда его бросили за то, что попал в плен. Возмущаются тем, что после войны были созданы проверочные фильтрационные лагеря. А ведь проверить надо было обязательно, как попал в плен, где, в каких лагерях был, что делал. Я своими глазами видел, как издевались над нами эти предатели-полицаи, надзиратели, повара. За свою измену их надо было к стенке поставить, а их еще пожалели: дали по 8-10 лет! Но это было всего 9 % от всего количества военнопленных. Они (их дети и внуки), отсидев свой срок, вернулись домой! Вот они и

мстят советской власти. Ведь они издевались над нами сильней, чем немцы»¹⁵⁴.

Наверняка не все побывавшие в плену согласились бы с этим утверждением. Сам Федоров заблаговременно взял в партизанском отряде справки на чешском и русском языках. В русскоязычной справке говорится, что он «власовцем безусловно не был». А. И. Федотов (записан как рядовой 371 СП) попал в плен 20 мая 1942 в Керчи, был освобожден 22 сентября 1944 г., а 5 марта 1945 г. – отправлен спецлагерь НКВД №0321 в Саратовской области. Дальнейшая судьба А. И. Федотова неизвестна. Н. Д. Немцов, будучи военнопленным, оказался в Югославии, а 7 сентября 1944 г. – в Италии. Совершив побег из лагеря близ г. Форми (область Романья), Немцов воевал в партизанском отряде 29-й бригады имени Гарибальди. Подозревая, что за плен на родине «придется отвечать», он заранее обзавелся подтверждающими документами из партизанского отряда. Тем не менее после войны его как бывшего военнопленного около года держали в специальном лагере поселка Чигирик Ташкентской области Узбекской ССР, при котором был уранодобывающий рудник №13. Когда после освобождения в 1946 г. Николай Дмитриевич поселился на родине в г. Горловка Донецкой области, его еще некоторое время вызывали на допросы и упрекали за плен¹⁵⁵.

Многие курсанты погибли в плену. Явашевец Николай Смирнов, по рассказу А. В. Федорова, сошел с ума в лагере в Бердичеве и бросился на проволоку. А. Ф. Степанюк был взят в плен в Керчи 17 мая 1942 г. и поступил в лагерь военнопленных №349 в Умани здоровым. Уже 22 июля он с подозрением на дизентерию находился в лазарете шталага №365 во Владимире-Волынском, где и умер 22 августа 1942 г. П. П. Пугачев умер 3 августа 1943 г., 7 августа 1943 г. в румынском лагере №4 в

¹⁵⁴ Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину и Г. Н. Сельдиной 23 апреля 2004 г. // Личный архив автора.

¹⁵⁵ Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. С. 350.

Васлуе умер, как сказано в учетных документах, «от ран», В. В. Приходько – защитник Аджимушкайских каменоломен, 18 августа 1943 г. умер в шталаге 326(VIK) Зенне В. И. Киричек. Защитник Аджимушкайских каменоломен курсант И. Ф. Сергеев, оказавшийся в плену 26 мая 1942 г., вспоминал, что «немцы в лагере отбирали людей и заставляли разбирать снаряды от “катюш”. Хотели знать состав вещества. Погибло много советских военнопленных, все снаряды взрывались»¹⁵⁶.

Неудачные попытки побега из лагерей военнопленных заканчивались заключением в концентрационный лагерь. Курсант Н. В. Кузнецов был взят в плен 22 мая 1942 г. в Керчи, записал себя в учетных документах как сержанта, а войсковую часть – как «школу летчиков». Он сидел в шталагах провинции Бранденбург III А Люкенвальде и III С Кюстрин, при котором был сформирован 103 строительный батальон. 1 июня 1944 г. он бежал, но 12 июня был пойман и отправлен в находившийся поблизости концлагерь Заксенхаузен. Его дальнейшая судьба неизвестна, как неизвестны имена и судьбы других, совершавших неудачные побеги.

* * *

Трагедией для родственников стало неведение о судьбе пропавших без вести курсантов ЯВАШ. Когда была возможность, родители, братья и сестры начинали поиски еще во время войны. 8 марта 1944 г. мать одного из пропавших без вести, Д. В. Батюшкова, писала его бывшему однокашнику С. В. Белостокову: «Ваши письма вносят в мою однообразную жизнь свежую струю и надежду на свидание с сыном. Несмотря на все, что я услышала от Ваших родственников, в глубине души теплится маленькая надежда на то, что он жив. Сейчас у нас (в Ленинграде. – А. Е.) появилось много партизан, всматриваюсь в каждое молодое лицо в надежде найти Диму»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44. Л. 9об.

¹⁵⁷ Письмо Е. К. Орловой С. В. Белостокову, 8 марта 1944 г. // Личный архив автора.

В марте 1948 г. мать пропавшего без вести курсанта-явашевца обратилась с письмом в Ужгородский окружной военный комиссариат: «Уважаемый товарищ начальник, простите за беспокойство, но материнское нетерпение не позволяет мне молчать. На ваше отношение на №30399/я Управление кадров ВВС мне сообщило, что мой сын Гордеев Юрий Николаевич на учете офицерского состава не состоит. Ведь я его не ищу в офицерском составе, а я его знаю как курсанта. После этого письма прошло три месяца и я ничего не получаю до сих пор. Прошу вашего содействия. Могу ли я получить за своего сына пособие? Будьте так добры, не считите за труд мне сообщить. Нужно ли мне ходатайствовать о пособии и как? Прошу Вас сообщить мне по адресу... Приношу благодарность Вам в ожидании ответа».

Розыск пропавших без вести затруднялся несколькими обстоятельствами. Во-первых, многие родственники получили последние письма не в апреле или мае 1942 г., а раньше. Переписка с Ленинградом и многими населенными пунктами Ленинградской области стала нерегулярной уже в октябре 1941 г. Часть родственников в других регионах СССР оказалась на оккупированной территории и связь с ними прервалась. Например, родные курсанта М. С. Деревяги, проживавшие в Винницкой области, получили от него последнее письмо с датой 9 июня 1941 г. Последнее письмо курсанта А. Ф. Степанюка пришло в Житомирскую область также в июне 1941 г.

Во-вторых, вносили путаницу частые перемещения школы, смена почтовых адресов («ящиков») и мест дислокации (Краснодар, Ярославль, Чердаклы, Грозный, Прохладный, Темрюк, Дундуковская). В мае 1948 г. мать пропавшего без вести курсанта Ю. Н. Гордеева при заполнении анкеты рассказала, что 20 марта 1942 г. «проездом из г. Ярославль был ее сын Гордеев у себя дома в ст. Лог (*станция Лог, Логовского р-на Сталинградской обл. – А. Е.*) и сообщил, что они едут в грозненское авиаучилище. Товарищи которые вместе служили с ним тоже находятся неизвестно где». Мать пропавшего без вести (в дей-

ствительности погибшего 13 мая 1942 г.) С. А. Демешкевича указала в анкете на разыскиваемого военнослужащего, что получила последнее письмо от сына из Грозненской авиашколы. В донесении о потерях 530 СП он записан как Станислав Димишкевич, «сержант, Авиауч.».

В-третьих, штатские не разбирались в тонкостях военной профессии и при заполнении анкет называли пропавших рядовыми, сержантами, младшими командирами, курсантами, стрелками-бомбардирами, летчиками, пилотами или авиаторами. Некоторые считали, что по окончании школы курсанты стали офицерами и отражали это в документах. Отец курсанта И. П. Лукьянченко в 1951 г. сообщал, что его сын «был послан в Краснодар в школу летчиков и когда окончил он учебу на летчика, он был командирован в город Ярославль (областной), откуда я получал письма от него до оккупации нашей местности (*Брянской области. – А. Е.*) немецкими захватчиками».

В-четвертых, иногда обращения о розыске делались через много лет, когда события стерлись из памяти, письма были утеряны, а возможность найти свидетелей упущена. Например, мать курсанта Л. П. Кириченко написала заявление о розыске сына только 3 октября 1963 г., пояснив в анкете, что раньше не сделала этого «по болезни». Отец пропавшего без вести курсанта Б. А. Нутрихина, обратившийся за розыском сына в 1960 г., не мог указать ни звания, ни должности, ни каких-либо иных сведений о нем.

В-пятых, недостоверную информацию давали свидетели, искренне желающие помочь родственникам в розыске. Например, один из сослуживцев в 1954 г. сообщил, что М. Б. Троцановский погиб в мае 1942 г. в звании «сержант». В действительности Троцановский попал в плен. Судьба его не установлена, но регистрационная карточка военнопленного позволяет утверждать, что 15 августа 1942 г. он поступил в шталаг XXI С Вольштайн и 8 января 1943 г. еще находился в нем. Односельчанин пропавшего без вести курсанта М. С. Деревяги в 1953 г. рассказал, что в фев-

рале 1942 г. после ранения был направлен для дальнейшего прохождения службы в Чердаклинский РВК. «Здесь же в Чердаклинском районе я случайно встретил своего односельчанина Деревягу Михаила Степановича. Воинское звание у Деревяги Михаила Степановича было старшего лейтенанта в летной форме. Рядом с нашей формирующей бригадой находилось также летная часть. Здесь же в Чердаклах. В личной беседе с Деревягой Михаилом Степановичем он мне говорил что мы в скором времени должны отправиться как будто бы на оборону города Москвы. И в конце февраля 1942 г. они выехали».

Невозможность получения хоть какой-то достоверной информации о пропавших курсантах подталкивала некоторых родителей к использованию любых доступных рычагов. Например, мать курсанта Н. И. Лезгина в отчаянии обращалась не только во все военные инстанции, но и к депутату Выборгского райсовета.

Не все явашевцы героически сражались за Родину. И. Г. Черняшкин был расстрелян политруком 417 СП «за паникерство» 13 мая 1942 г., К. И. Тугаринов, дослужившийся до старшего сержанта в учебном батальоне ВВС Черноморского флота, был убит часовым при попытке побега с гауптвахты 2 августа 1944 г. Военный трибунал 2 Украинского фронта 11 января 1945 г. приговорил защитника Аджимушкайских каменоломен Г. С. Горбачева за измену Родине (статья 58-1 «б» УК РСФСР) к расстрелу. 13 июня 1945 г. по той же статье военным трибуналом 69 армии был приговорен к 20 годам каторжных работ П. С. Юрченко. 17 октября 1944 г. вступил в силу приговор военного трибунала 1 Белорусского фронта в отношении И. М. Каракаша, приговоренного к 20 годам каторжных работ за пособничество врагу в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 г.

**«Старимся, но не сдаемся»:
ветераны-явашевцы в СССР и постсоветской России**

Бывшие курсанты были демобилизованы из Советской Армии, начиная с 1945 г., но в основном в 1946-1948 гг. Некоторым из них – сержантам и старшинам – перед увольнением в запас были присвоены звания младших лейтенантов. Из состава маршевых рот, сражавшихся в 1942 г. в Керчи, остались на службе в Вооруженных Силах, по меньшей мере, 18 офицеров, в том числе 12 – в авиации. Многие из них оказались затронутыми сокращениями армии в середине 1950-х – начале 1960-х гг. Только в 1957-1962 гг. завершилась служба 11 офицеров, в том числе двух старших лейтенантов, четырех капитанов, четырех майоров и одного подполковника. Десять из них служили в авиации, все кроме двух ушли в запас после издания закона от 15 января 1960 г. «О новом значительном сокращении Вооруженных Сил СССР». Как и тысячи других попавших под сокращение советских офицеров, они были вынуждены заново строить свою жизнь. Едва ли их вдохновлял пример попавшего под сокращение орденосца, гвардии полковника танковых войск К. Г. Севрюкова, который устроился на работу инженером-механиком в одном из колхозов Львовской области¹⁵⁸. На момент увольнения из армии Севрюкову исполнилось 50 лет. Бывшие ярославские курсанты были на 10-12 лет моложе его. Советская пропаганда убеждала, что «Центральный комитет партии и Советское правительство» позаботятся о трудоустройстве отправленных в запас. Ветерану войны, подполковнику К. П. Торопыгину, служившему в истребительной авиации, газета «Правда» обещала «хорошую работу либо в аэроклубе, либо за штурвалом пассажирского воздушного корабля»¹⁵⁹. В действительности бывшие курсанты, а теперь кадровые офицеры искали себе работу сами. Один из них, в прошлом майор танко-

¹⁵⁸ Богма А. Полковник запаса // Правда. 1960. 23 января. С. 2.

¹⁵⁹ Скуратов Ю. Однополчане провожают... // Правда. 1960. 27 января. С. 4.

вых войск, сначала устроился учителем труда в одну из волгоградских школ, а потом работал токарем в экспериментальных мастерских Волгоградского научно-исследовательского института технологии машиностроения (ВНИИТМАШ).

Те, кого не затронуло сокращение, оставались на службе до конца 1970-х гг. Среди бывших курсантов четырех маршевых рот были полковник мотострелковых войск, полковник административной службы, гвардии подполковник инженерных войск (единственный явашевец-участник Парада Победы Николай Алексеевич Ефимов)¹⁶⁰, майор технической службы. В авиации служили майор, два подполковника и инженер-полковник.

В числе явашевцев, не продолжавших военную карьеру, много школьных педагогов – учителя физики, математики, физкультуры и особенно много историков, школьные военруки, сотрудники органов внутренних дел, инженеры в разных отраслях промышленности, служащие гражданской авиации. Один из них стал оператором по добыче нефти и газа, другой – геодезистом, третий – синоптиком, кандидатом географических наук. Курсант-ленинградец А. А. Дубков работал старшим помощником капитана на одном из кораблей дальнего плавания и во время Карибского кризиса участвовал в доставке ракет на Кубу...¹⁶¹ Встречались и такие, кто не нашел себя в гражданской жизни. Имеются, например, сведения о В. С. Гришине, получившем инвалидность в боях за Керчь. Один из ветеранов-явашевцев общался о нем в Ярославль в 1989 г.: «Живой. Постоянно в тюрьме. Отказались от связи с ним»¹⁶².

В связи с отсутствием документов не всем бывшим курсантам или их родственникам удавалось подтвердить участие в Великой Отечественной войне. Например, отец Б. А. Нутрихина в

¹⁶⁰ Письмо Н. А. Ефимова в школу №53 г. Ярославля, 21 января 1988 г. // Личный архив автора.

¹⁶¹ Письмо С. Н. Сельдиной группе «Поиск», 1985 г. // Личный архив автора.

¹⁶² ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. С. 73об.

1960 г. располагал только справкой о выписке сына с места жительства в связи с призывом в Красную армию. Гораздо позднее выяснилось, что Б. А. Нутрихин героически сражался в Аджимушкайских каменоломнях. В 1981 г. П. И. Сяткин пытался добиться статуса участника войны с помощью свидетельств товарищей-курсантов В. С. Климова, П. М. Филиппова, С. Н. Сельдинина и С. В. Белостокова о службе в армии и получении ранения. Поначалу обращения в ЦК КПСС и министерство обороны СССР не принесли результата – никаких документов в военных архивах не сохранилось¹⁶³. Однако позднее П. И. Сяткину удалось доказать участие в боях, и в 1985 г. он был награжден орденом Отечественной войны I степени. «Долго добивались того, чтобы доказать пребывание Сяткина под Керчью. Разрывной пулей ему через шинель попало в шею. Другой оторвало палец. Документы утерять, эвакуируясь из Ставрополя. Комендант указал, что ранение получено, находясь в Советской Армии. Только Брежнев помог получить Сяткину документ о том, что ранение получено на фронте», – рассказывал в 1989 г. В. С. Климов¹⁶⁴. В. В. Абрамов пишет, что найденные им в Центральном архиве министерства обороны архиве чудом сохранившиеся денежные ведомости курсантов за январь 1942 г., в которых отражены должности, фамилии и инициалы, а иногда номера эскадрилий и авиаотрядов, позволили ему установить имена около 750 курсантов-ярославцев и «помогли оставшимся в живых курсантам восстановить свою службу в армии»¹⁶⁵.

Несомненно, большое значение для бывших явашевцев имел Указа Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. «О награждении Орденом Отечественной войны активных участников Великой Отечественной войны 1941-1945 годов». В

¹⁶³ Письмо П. И. Сяткина С. В. Белостокову 3 февраля 1979 г. // Личный архив автора.

¹⁶⁴ Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову 11 декабря 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. С. 75об.

¹⁶⁵ Абрамов В. В. Аджимушкай 1942. С. 298.

соответствии с указом Орденом Отечественной войны I степени награждались, в том числе лица, принимавшие непосредственное участие в Великой Отечественной войне в составе действующей армии, партизанских формирований или в подполье, получившие ранения в боях, награжденные в период Великой Отечественной войны орденами СССР либо медалями «За отвагу», Ушакова, «За боевые заслуги», Нахимова, «Партизану Отечественной войны», а также инвалиды Великой Отечественной войны, получившие ранения в боях. Орденом Отечественной войны II степени награждались все остальные непосредственные участники войны в составе действующей армии, партизанских формирований или в подполье. Только из состава 1, 3, 4 маршевых рот и маршевой роты 3 стрелкового батальона были награждены Орденом Отечественной войны I степени 21 человек и Орденом Отечественной войны II степени 49 человек. Для 28 из них, побывавших в плену или был демобилизованных в ходе войны в связи с тяжелым ранением, этот орден стал единственной наградой за героизм и мужество.

В 1974 и 1975 гг. ленинградский военный историк В. В. Абрамов опубликовал в журнале «Вокруг света» материалы об обороне Аджимушкайских каменоломен, в которых были упомянуты и курсанты ЯВАШ. На публикации поступили многочисленные отклики, и В. В. Абрамову вместе с бывшим курсантом В. С. Климовым удалось многих разыскать и установить с ними связь. Постоянными участниками ежегодных встреч ветеранов-явашевцев были В. М. Васильев, А. С. Гомыляев, А. А. Дубков, Б. П. Захаров, П. А. Иванов, В. С. Климов, А. И. Новичихин, С. Н. Сельдинин, П. И. Сяткин, Е. И. Ушацкий, А. В. Федоров, П. М. Филиппов, И. И. Ярцев. В. С. Климов вспоминал, как начались эти встречи: «Как-то военный историк Абрамов В. В. в Аджимушкайских каменоломнях нашел медальон нашего курсанта Николаева. Родители считали его пропавшим без вести. Напечатал статью в журнале “Вокруг света”. Я

связался с Абрамовым¹⁶⁶. Была опубликована статья 1 апреля 1975 г. в ленинградской газете “Смена”, как сыны Ленинграда защищали Крымскую землю¹⁶⁷. На эту статью откликнулись те, кто приезжал в Ярославль в этом году. Так мы нашли друг друга. С тех пор ежегодно 9 мая мы собираемся на традиционную встречу. Живыми осталось нас очень мало. Из тех, что встретились в 1975 г., двоих уже не стало»¹⁶⁸. По воспоминаниям Б. П. Захарова, первая встреча явашевцев произошла не в 1975 г., а у него на квартире в Ленинграде 1 мая 1976 г.¹⁶⁹. В разные годы ветераны собирались в Керчи, Волгограде, Краснодаре, Ленинграде, Луге, Выборге, Стругах Красных, Ярославле (1981)¹⁷⁰. «Образовалось войсковое товарищество, собирались обычно с женами, – пишет В. В. Абрамов. – Все тогда были здоровыми и красивыми. Я неоднократно присутствовал на их собраниях в качестве почетного гостя. Они считали меня как бы их старшим командиром, при встрече строились, и В. С. Климов отдавал мне рапорт. Мне это напоминало игру, но бывшим курсантам это нравилось»¹⁷¹.

Случалось, что общение с родственниками погибших товарищей-курсантов приносило ветеранам боль. Н. Д. Немцов, уцелевший, вероятно, один из своего отряда, слышал упреки родственников павших в том, что «он остался жив, а их близкие по-

¹⁶⁶ В. С. Климов путает. Он связался с В. В. Абрамовым после публикации его письма во втором номере журнала за 1974 год. Николаев в этом письме упомянут не был. Об этом курсанте В. В. Абрамов рассказал уже после знакомства с Климовым, в четвертом номере журнала за 1975 год.

¹⁶⁷ Герои Аджимушкай // Смена. 1975. 1 апреля.

¹⁶⁸ Письмо В. С. Климова в школу №53, 1984 год // Личный архив автора.

¹⁶⁹ Письмо Б. П. Захарова Балашову, 22 ноября 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 61.

¹⁷⁰ Сельдинин С. Н. Уж минуло 60 лет, но память все хранит. С. 5.

¹⁷¹ Абрамов В. В. Аджимушкай 1942. С. 299.

гибли <...> Может быть, по этой причине у него случались запои», – предполагает В. В. Абрамов¹⁷².

Ветераны-явашевцы занимали активную жизненную позицию и отстаивали коммунистические идеалы, были уверены, что у России есть не только советское прошлое, но и советское будущее. «Старимся, но не сдаемся», – утверждал А. В. Федоров¹⁷³. С. Н. Сельдинин много писал в районную газету «Киришский факел», а А.В. Федоров – в «Советскую Россию», еженедельную газету Всесоюзной организации ветеранов «Ветеран», «Учительскую газету», «Северный рабочий», «Трибуна». А. А. Дубков в годы перестройки опубликовал в «Правде» заметку «Показуха». Бывшие курсанты с тревогой и болью наблюдали за кризисом и распадом Советского Союза в годы перестройки, за тяжелой социальной ситуацией постсоветской России, но не теряли надежды на лучшее будущее. «Городская обстановка, наверное, такая, как и везде – анархия и ценовой беспредел, – сообщал С. В. Белостоков Р. В. Балашову в декабре 1994 г. и тут же высказывал свое убеждение. - Мы все много пережили, думаю, переживем и это абсурдное время, несмотря на все “усилия” нашей “демократии”»¹⁷⁴. В 1990-е и начале 2000-х гг. ветераны страдали как от материальной нужды, так и от забвения. В. С. Климов сообщал С. Н. Сельдинину: «Сяткин не отвечает. В последнем письме сообщил, что ослеп. Приглашал в наш глазной центр. Не ответил. Видимо, не по карману. Нужны миллионы»¹⁷⁵. А. В. Федоров был уверен, что «нынешние правители» пытаются украсть у ветеранов Победу¹⁷⁶. С середины 2000-х годов ветераны вновь ощутили внимание и уважение государства: одни пользовались бесплат-

¹⁷² Там же. С. 298.

¹⁷³ Письмо А.В. Федорова С. Н. Сельдинину, 11 декабря 2001 г. // Личный архив автора.

¹⁷⁴ ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 44-45.

¹⁷⁵ Письмо В. С. Климова С. Н. Сельдинину, 13 декабря 1997 г. // Личный архив автора.

¹⁷⁶ Письмо А.В. Федорова С. Н. Сельдинину, 22 декабря 2004 г. // Личный архив автора.

ными лекарствами, а В. М. Васильев похвастался тем, что «в 60-летие Победы получил от Путина машинку»¹⁷⁷.

Высокий творческий потенциал ветеранов находил выражение в публикациях по истории родного края, педагогике, размышлений об эпохе (Федоров А. В. Из жизни деревни Задорье (Исторический очерк), Сельдинин С. Н. Наши педагогические находки. – Кириши, 2002; Сельдинин С. Н. О себе, семье и времени. – Кириши, 2006), а также в подготовке воспоминаний о военном времени. «Мы уйдем в мир иной, а то, что мы пережили, не должно кануть в лету, а должно остаться хотя бы в виде записей. Это надо нашим детям, внукам», – считал А. В. Федоров¹⁷⁸. Сто страниц рукописного текста составляют воспоминания Василия Евдокимовича Акиншина – участника обороны каменоломен¹⁷⁹. В 2008 г. В. М. Васильев пожаловался С. Н. Сельдинину, что «переехал в Выборг с Боровичей Алексей Варламович Федоров к сыну и теперь не дает покоя, чтобы я начал писать книгу о своей жизни. Пока отнекиваюсь, что бог не дал таланту и при воспоминании о прошлом может случиться инфаркт или еще что-нибудь хуже. Он подарил мне свою книгу о своей жизни (целый роман)»¹⁸⁰.

С болью писали ветераны об ушедших товарищах-курсантах. «Вот открыл записную книжку, а в ней уж и половины друзей не осталось», – жаловался В. С. Климов¹⁸¹. Поименно вспоминал умерших и А. В. Федоров¹⁸². Последняя встреча вете-

¹⁷⁷ Письмо В. М. Васильева С. Н. Сельдинину, 28 декабря 2005 г. // Личный архив автора.

¹⁷⁸ Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину, 11 декабря 2003 г. // Личный архив автора.

¹⁷⁹ Абрамов В. В. Аджимушкой 1942. С. 298.

¹⁸⁰ Письмо В. М. Васильева С. Н. Сельдинину, 2008 г. // Личный архив автора.

¹⁸¹ Письмо В. С. Климова С. Н. Сельдинину, 13 декабря 1997 г. // Личный архив автора.

¹⁸² Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину, 22 апреля 2001 г. // Личный архив автора.

ранов ЯВАШ прошла в Санкт-Петербурге с участием В. М. Васильева, С. Н. Сельдинина, П. М. Филиппова и С. В. Белостокова в мае 2004 г. Переписка между Сельдининым и Федоровым продолжалась до 2008 г.¹⁸³ А. В. Федоров умер 6 марта 2009 г., С. Н. Сельдинина не стало 11 марта 2013 г.¹⁸⁴ Последним явашевцем, ушедшим из жизни, вероятно, был З. З. Халевицкий, умерший 14 апреля 2014 г.

Память о явашевцах сохранялась и сохраняется в немногочисленных школьных музеях. В 1962 г. в поселке Тихорицы Киришского района Ленинградской области школьный музей открыл Сергей Николаевич Сельдинин. Одна из его экспозиций была посвящена ЯВАШ и ее курсантам. В 1995 г. школа в Тихорицах была закрыта, и музей стал размещаться в Глажевской общеобразовательной школе, где и находится до сих пор. Наконец, в московской школе №1392 имени Д. В. Рябинкина действует историко-краеведческий музей 606 авиаполка, открытый в 2003 г. В 1980-е и в 2000-е гг. в школе №53 г. Ярославля действовала группа «Поиск», установившая связь с некоторыми ветеранами. В школе был создан музей, на школьном здании была установлена мемориальная доска с информацией о размещении в нем школы стрелков-бомбардиров в 1941 г. После закрытия школы музей прекратил свою деятельность, судьба мемориальной доски неизвестна. Многие материалы музея сохранились и, хочется надеяться, когда-нибудь снова будут доступны для школьников и взрослых.

¹⁸³ Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину, 29 января 2008 г. // Личный архив автора.

¹⁸⁴ Сельдинин Сергей Николаевич // Киришский факел. 2013. 16 марта. С. 2.

ЧАСТЬ 2.
ВОСПОМИНАНИЯ

Воспоминания Алексея Варламовича Федорова

Алексей Варламович Федоров родился 22 февраля 1923 г. После освобождения из плена продолжал службу в Красной армии до 4 апреля 1947 г. В 1949 г. с отличием закончил исторический факультет Новгородского учительского института. В 1953 г. закончил тот же институт по специальности «математика – физика», а в 1958 г. Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена по специальности «учитель истории». В 1949-1983 гг. работал учителем в г. Боровичи Псковской области, Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», «50 лет Вооруженных Сил СССР», «30 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945», «60 Вооруженных Сил СССР», «Ветеран труда», «40 лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Умер 6 марта 2009 г.

12 января 1941 года

Сегодня вечером я уезжаю из Боровичей в город Ярославль. Еду учиться на летчика, о чем мечтал все последние годы.

... В начале декабря 1940 года к нам в 10 класс 3 средней школы на пятом уроке (мы занимались тогда во вторую смену) неожиданно явились директор школы Смирнов Михаил Николаевич и человек в военной форме со шпалой в петлицах.

Мы притихли в ожидании чего-то неожиданного. Учитель черчения Крутицкий Александр Александрович (Сан Саныч) прервал урок и предоставил слово вошедшим. Начал военный с рассказа об обстановке в мире. Только недавно закончились военные операции в Финляндии, Западной Украине и Белоруссии, Молдавии. Стране нужны военные кадры. Сейчас созданы крат-

косрочные военные школы по подготовке летных кадров для армии.

Капитан предложил желающим пойти учиться в авиашколу. Девочки были отпущены еще в начале урока, но слышно было, как они шушукались в коридоре; ведь интересно, о чем будет говорить военный с нашими мальчишками.

Те, кто в это время учился в Боровичском аэроклубе, должны были продолжать учебу: к ним предложение капитана не относилось. В заключение капитан предложил подумать, переговорить с родителями и, если будет обоюдное согласие, написать заявление и подать в военкомат. После капитана директор Михаил Николаевич призвал нас откликнуться на призыв Родины. Он говорил с нами как со взрослыми. Да мы ими, по существу, и были: ведь 10 класс (это почти 18 лет). Многие из нас, еще будучи в 9 классе, писали заявления в военкомат взять нас добровольцами в лыжные батальоны на войну в Финляндию. Вообще, события 1939-1940 годов как-то сразу сделали нас взрослыми.

На другой день большинство ребят с утра понесли в военкомат заявления. Проверяли слух, зрение, внимание, реакцию, нервную систему. Производила это строгая медицинская комиссия в середине декабря. В здании военкомата, на улице Гоголя в течение этой недели было шумно. Ведь одновременно с городскими мальчишками (это 1, 2, 3, 14 shk.) проходили комиссию ребята из Опеченского района.

Из всех проходивших комиссия отобрала только 18 человек, а после мандатной комиссии осталось 12 ребят.

...Оформлены все документы, взяты комсомольская и учебная характеристики из школы. В школе – зимние каникулы. Новый, 1941 год, я встречал в Клубе керамиков. Жил я в те годы в Боровичах, на улице Либкнехта, 83а, у родного дяди. Родители проживали в деревне Задорье, в 12 км от города. Дома оставались отец Варлам Степанович (он в то время работал секретарем с/с), мать Надежда Александровна (работала в колхозе «Коллектив»), старшая сестра Наташа и младшая – Лидия. Братья Павел

и Степан, учителя по профессии, были весной 1940 года призваны в армию. Сестра Мария, окончив Боровичский горно-керамический техникум, работала на Красногоровском огнеупорном заводе в Донбассе.

После окончания 7 класса Ануфриевской ШКМ я поступил в 8 класс 3-ей средней школы г. Боровичи (ныне средняя школа 10). Жил я в эти годы у родного дяди, Федорова Николая Степановича. Он с женой, тетей Лизой, не имел собственных детей и приютил у себя «Леньку», как звали меня в семье и деревне.

...Отец с матерью знали уже о моем решении пойти учиться в военную авиашколу и не возражали, хотя мама и всплакнула: ведь уже третий сын уходил в армию. Оставалось теперь только ждать повестку о явке в военкомат для отправки по месту службы. А пока время я проводил то в Задорье, то в Боровичах. Находясь в деревне, я неожиданно получил повестку из Опеченского райвоенкомата о необходимости явки туда. 6 января пешком через д. Елеково и Опеченский Рядок (это 8 км) я прибыл в Опеченский Посад, районный центр. В военкомате мне предложили... пойти учиться в Ярославскую авиашколу. Я ответил, что я уже зачислен кандидатом через Боровичский военкомат.

7 января я получил повестку: необходимо было явиться в горвоенкомат для отправки в часть 12 января к 10 часам утра. Вечером отправился из города в деревню. Сообщил родителям о повестке. Конечно, не обошлось без слез матери. Пробыв в Задорье четыре дня, 11 января я вместе с отцом направился в город. В то довоенное время дорога шла через д. Кузово, Виттцы и проходили мы все 12 км пешком. Через три часа мы уже пили чай у тети Лизы Рыбаковой. Ее мужа, дядю Колю в деревне звали «Рыбаком» (за его пристрастие к рыбной ловле), его жену соответственно – Лиза Рыбакова.

Вечером пришел с работы дядя Коля. Поговорить они с отцом любили и весь вечер проговорили о международной обстановке.

На другой день утром я отправился в военкомат, прихватив согласно повестке: пару белья, ложку, кружку, а вместо вещевого мешка – старый портфель. Продержав в военкомате часа два, проверив наличие всех отъезжающих, тот же знакомый нам капитан распустил нас до вечера, предложив явиться к 17 часам на вокзал.

Сразу из военкомата побежал в свою школу: сегодня там начались занятия после зимних каникул. Я бежал в школу проститься с друзьями. Ведь многие за эти три года стали мне очень близкими: Борька Дмитриев, Коля Силин, Петька Громов, Павлушка Денисов, Василий Жигалов, Вовка Федоров, девочки: Маша Павлова, Надя Кузнецова, Тоня Иванова и другие.

В последние месяцы почему-то очень заметной среди всех девчонок класса стала для меня Шурочка Кокорина. Ничего особенного в ней не было: маленькая ростом, спокойная, не выдающаяся и очень скромная. Но в то же время какая-то особенная.

Больше всего мне хотелось, чтобы в этот день в классе была Шура. Хотя никому, в том числе и ей я никогда об этом не говорил. Она даже, наверное, и не подозревала, что именно ее-то я и выделял из других. Новогодний вечер в Клубе керамиков больше всего я вертелся возле нее и ее подруги. И даже проводил их домой.

Отсидел с ребятами два урока: урок истории (его вел Добряков Михаил Николаевич) и литературы (Озеров Борис Андреевич). Попрощался с классным руководителем Рождественской Серафимой Федоровной, с ребятами, со школой. Договорились писать письма, записал многие домашние адреса.

Дома, на Либкнехта, посидели за чаем, даже распили на прощанье бутылочку вина и направились на вокзал. За час до отхода поезда здесь уже собрались все 12 боровичан, подошли из Мошенского человека четыре, прощаться прибежали и некоторые мальчишки из школы (отпросились или удрали с уроков – не знаю).

Не думал я в тот морозный январский вечер, что навсегда прощаюсь с дядей Колей, моим вторым отцом. Это он, учитывая тяжелое материальное положение нашей семьи (у нас было шесть человек только детей), взял меня к себе воспитывал, кормил и дал возможность учиться в 8, 9 и 10 классах средней школы.

Как ни крепок я был по своей юношеской наивности, но при прощании с отцом, сестрой Наташей, дядей Колей и тетей Лизой и у меня выступили слезы. Но, взглянув на ребят, с которыми предстояло ехать, быстро смахнул слезы рукавом, еще раз попрощался со всеми и вошел в вагон.

Поезд тронулся.

Я ехал в жизнь, тяжелую и интересную, страшную и героическую. Всего пришлось испытать. Все это не забывается. Кое-какие детали постепенно все же затуманиваются. Вот почему я и решил писать эту ИСПОВЕДЬ О ПЕРЕЖИТОМ.

26 января 1941 года. г. Ярославль

Я – курсант Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШСБ). Утром тринадцатого января поездом мы прибыли на ярославский вокзал Всполье, так как ехали из Боровичей через Бологое – Максатиху – Рыбинск. Пешком добрались до школы. Из Боровичей нас сопровождал лейтенант. Он знал адрес школы, и мы вскоре подошли к кирпичному двухэтажному зданию на ул. Московской.

Разместили нас на первом этаже. Помещение еще не было полностью оборудовано, на полу вдоль стен были тюфяки, на которых мы и спали. Кормили нас в соседнем (через забор) Ярославском военно-интендантском училище. Особенных дел не было, вызывали по очереди на обследование в медицинскую комиссию. Хотя в Боровичах мы и прошли очень придирчивую медкомиссию, здесь снова пришлось предстать перед врачами. Больше всего запомнился глазной кабинет, где очень тщательно проверяли оба глаза.

Из казармы никуда не отпускали, но некоторые умудрялись уходить в город через забор. На другой день они с каким-то особенным шиком рассказывали о своих похождениях. Когда командование школы захватило трех «героев» прямо у забора и немедленно отправило их домой, самоволки прекратились. Постепенно не прошедшие медкомиссию разъезжались по домам. Из Боровичей тоже не прошли комиссию 8 человек, осталось нас всего четверо. Фамилий их я уже не помню, тем более что они были не из нашей школы. С первых дней пребывания в школе нам дали наш адрес (указание номера почтового ящика), поэтому мы могли писать домой. Впервые в жизни я написал и послал письмо без марки (красноармейское).

Успешно пройдена комиссия врачей, но впереди не менее важная и страшная комиссия – мандатная. Здесь тщательно проверяют документы, твою личность вплоть до социального происхождения родителей, деда и бабушки. У меня в этом отношении было все в порядке. Но одно сомнение: мне не доставало 18 лет. Комиссия обсуждала мой вопрос 20 января, а день моего рождения – 22 февраля. Когда меня пригласили на заседание комиссии, то именно этот вопрос стал точкой преткновения. Проверив мои данные по медкомиссии, характеристики из школы, комсомола, оценки за первое полугодие 10 класса, комиссия уже почти положительно решила вопрос о зачислении меня в ЯВАШСБ. Вдруг один из членов комиссии, майор, обратил внимание членов, что мне еще нет 18 лет. Вопрос стоял серьезно, меня попросили выйти из кабинета. Что они там решали – не знаю, но, когда меня снова пригласили в кабинет, мне объявили: принять в школу не могут. У меня даже слезы выступили. Я справился с волнением и стал буквально умолять комиссию принять меня в школу. В ход были пущены все доводы: два брата учатся в военном авиаучилище, я всю жизнь мечтал стать летчиком и, быть может, вместе с братьями мы составим единый экипаж самолета. Не знаю, может быть этот аргумент подействовал на комиссию, меня приняли. В предвоенные годы очень

можно стало создавать семейные экипажи (танковый экипаж братьев Михеевых). Полковник, председатель комиссии, посоветовался с членами и объявил, что я в порядке исключения зачисляюсь курсантом Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров. На крыльях летел я в казарму. Меня, как курсанта, перевели с первого этажа на второй и здесь под руководством строгого старшины Бейбулатова началась повседневная курсантская жизнь. Сразу же написал письмо родителям в Задорье и ребятам в школу. Хотя мы еще не были обмундированы, но в столовую интендантского училища стали ходить строем и обязательно с песней. Строевых армейских песен мы еще не знали, но зато с большим подъемом, с какой-то залихватской удалью пели в строю «Андрюшу». Старшина Бейбулатов, посланный в школу из кадровой части, стройно вышагивал в строю и был очень доволен тем, что за каких-то 2-3 дня ему удалось сколотить небольшое воинское подразделение. И даже запевалы сразу нашлись.

В нашем отделении (30 курсантов) запевалой стал небольшой коренастый паренек с черными волосами, живыми глазами, коренной ленинградец Китин Евгений. Он был мне почти земляк (Боровичский район до войны входил в состав Ленинградской области), поэтому я как-то сразу с ним сблизился.

Начались суровые будни курсантской, армейской жизни.

20 февраля 1941 года. г. Ярославль

Уже месяц я числюсь курсантом ЯВАШСБ. Все эти дни – упорная и нелегкая работало одновременно с этим и все так интересно.

28 января нас повели в баню. В прихожей разделись, парикмахеры отделали нас под «нулевку», и мыться. Вымывшись, каждый подходил к старшине и получал все армейское: белье, гимнастерку, шаровары, сапоги, шлем-буденовку, брючной и поясной ремни. Нагрузившись имуществом, шли одеваться. Оделись и не узнали друг друга – настолько все стали одинаковыми. Свое имущество: пальто, шапку, костюмы, валенки, ру-

башки старшина приказал сложить в специальные мешки, подписать и сдать в каптерку.

Из бани выходили строиться уже подтянутые, остриженные и чистые курсанты. Построились в колонну, двинулись домой в казарму. И над шеренгами колонны грянул уже не «Андрюша», а «Пропеллер громче песню пой, неся распластанные крылья. За вечный мир, в последний бой летит стальная эскадрилья...» И откуда наши запевалы только слова успели выучить? Напев хороший, легко запоминающийся, припев простой, и мы дружно подхватили песню.

По улицам Ярославля, печатая шаг по асфальту в армейских кирзовых сапогах, шли будущие летчики. Сколько гордости, сколько счастья!

Начались будни занятий. В казармах установили металлические двухъярусные кровати. Старшина Бейбулатов научил нас заправлять кровати, складывать верхнюю одежду на тумбочку перед сном, научил за 2-3 минуты вскакивать с кровати после сигнала дневального, быстро надеть сапоги и без рубашки выскочить на улицу для физзарядки. Она проводилась ежедневно и независимо от погоды. После физзарядки – умывание, заправка коек (по линейке) и утренняя проверка. Затем шли в учебный корпус на занятия. До завтрака мы успевали отзаниматься два часа. В основном в эти часы занимались радиосвязью (тренировались по морзянке).

Учебный корпус размещался в четырехэтажном здании бывшей школы на ул. Е. Ярославского. В нем мы оборудовали кабинеты по связи, тактике, навигации, стрельбе. Оборудован был в одной из комнат «бачлер», то есть учебный кабинет с кабинами под потолком и огромным, во весь пол, полотном из парусины с нарисованным на нем видом местности. Забираясь в кабину (это была копия самолетной кабины), наблюдали за движущимся внизу полотном и... стреляли, бомбили определенные пункты.

У нас был приличный спортивный зал. Здесь мы занимались на коне, перекладине, брусьях, кольцах. Как тяжело было первый раз подтянуть свое тело восемь раз на перекладине. Это была норма. Некоторые курсанты с трудом подтягивали свое туловище 3-4 раза, помогая при этом и ногами и подбородком, лишь бы добраться до перекладины. Часто во время занятий в спортивный зал входил заместитель начальника авиашколы по строевой подготовке капитан Кострица. Уже седой, но еще сравнительно молодой (лет 40-45), стройный и легкий в походке, капитан быстро подходил к перекладине и, будто играя, 12-15 раз подбрасывал свое тело к перекладине. Затем, к нашему всеобщему восхищению и уважению, начинал легко крутить солнце. Казалось, что мы такого мастерства никогда не достигнем.

Капитан Кострица был справедлив, но очень строг. Он, например, приказал курсанту Осьмину (он был из Чудова) в течение двух недель добиться выполнения нормы подтягивания на перекладине: Осьмин в присутствии капитана сумел с большим трудом подтянуться только три раза. Капитан разрешил ему тренироваться на переменах, после ужина – за счет свободного времени – личного времени курсанта. Пот лил с лица Осьмина, слезы выступали от обиды на самого себя, но приказ был выполнен: неуклюжий, неразворотливый Осьмин через две недели подтягивался на перекладине восемь раз. Физподготовка в школе была поставлена на высокий уровень. Физзарядку, как я уже писал, мы проводили на улице при любой погоде: мороз ли, снег или дождь в сапогах, шароварах, без нательных рубах и головного убора. Сначала было трудно, но привыкли.

...Занимались много. После завтрака еще было три пары уроков. Нам преподавали тактику, связь (морзянка, устройство и настройка передающих и принимающих радиостанций), стрелковое дело (теория и практика: устройство, сборка и разборка карабина и пулемета ШКАС), бомбометание, устройство и взрывная сила авиабомб, теория полетов, штурманское дело.

Предметы были интересные, преподаватели очень опытные, так что занимались мы с увлечением. Большое внимание уделялось строевой подготовке. Отрабатывали до механизма строевой шаг, подход к командиру, отдавание чести, повороты на месте и на ходу и т. д. Короче говоря, первый месяц, как и положено в армии, мы проходили «Курс молодого бойца». Изучали все армейские уставы, особое внимание уделялось Дисциплинарному уставу, только что введенному в армии.

Целые дни, с подъема в шесть часов и до отбоя в 22:30, мы были заняты по горло. По режиму только 30 минут выделялось курсанту «личного времени». За это время надо было постирать и пришить подворотничок, написать письмо домой, а если не успел усвоить материал на самоподготовке (на это отводилось два астрономических часа), то иногда приходилось с конспектом позаниматься и во время этих полчаса.

Питаться мы стали уже в своей столовой, правда, в две смены. За столами по 10 человек мы быстро расправлялись с завтраком, обедом и ужином. Первые месяцы даже маловато было, уходили из столовой чуть-чуть голодными. Были очень рады, если попадали в наряд на кухню: уж тогда-то отъедались досыта. Спасал нас и расположенный во дворе нашего городка ларек Военторга, где можно было купить лишнюю булочку. Я в то время не курил, и на курсантские деньги (что-то около 15 рублей) можно было позволить себе и кое-что вкусенькое из ларька.

Особенно непривычными для нас были так называемые «сухие дни». По пятницам на завтрак выдавали пшеничную кашу из концентратов, кусок селедки, сухари и чай. Обед – суп-пюре гороховый, опять каша пшеничная, кисель из концентрата. И опять все это с твердыми, как дерево, сухарями. Ужин в сухие дни состоял из страшной твердости копченой колбасы, селедки и чая. Нам объяснили, что таким путем происходит закалка бойцов, чтобы они в боевых условиях смогли приготовить себе обед из концентратов. Но мы, курсанты, что-то не закалялись и очень быстро приспособились к «сухим дням». В четверг, накануне

этого дня, на ужин стало не доставать на столах хлеба. Дежурные то и дело бегали в хлеборезку, несли все новые и новые подносы резаного хлеба, раскладывали его по тарелкам на столах. И все равно после ужина, когда курсанты по команде старшины: «Встать! Выходи строиться!» быстро покидали столовую, ни одного кусочка хлеба на столах не оставалось. Зато в пятницу, в «сухой день» сухари почему-то оставались на тарелках почти не тронутыми.

Командование быстро разгадало нашу уловку. Однажды, после ужина, оно проверило содержимое ящиков столов, за которыми мы обедали. Было вынуто около 150 кг хлеба, заготовленного курсантами к «сухому дню».

... Постепенно, день за днем, привыкали мы к строгому режиму школы, втягивались в занятия, обзаводились знакомствами. Среди друзей по школе хочется отметить Евгения Китина (сейчас живет и работает в Риге)¹⁸⁵, Буракова Бориса (сейчас в Ленинграде на пенсии и работает еще)¹⁸⁶, Павла Пугачева¹⁸⁷, двух Ивановых Александров (один – Иванов 1, другой – Иванов 2). После войны удалось разыскать только двух первых друзей.

Узнали и свое начальство. Начальником школы был полковник Шустер, начальником штаба подполковник Геслер, начальником учебно-летнего отдела стал капитан Кострица.

Курсантами школы были вчерашние десятиклассники из г. Ленинграда, Ленинградской, Вологодской, Калининской области и только что образованной Карело-Финской ССР. Из Карелии в нашем отделении учился замечательный парень, украинец Николай Филипенко. В июле 1942 года на фронте, в районе г. Старобельска, на моих глазах Николай погиб. Его убило взры-

¹⁸⁵ Евгений Александрович Китин умер 10 августа 1980 г.

¹⁸⁶ Борис Кузьмич Бураков умер 17 июля 1982 г.

¹⁸⁷ Младший сержант Павел Петрович Пугачев 1920 г.р. участвовал в боях на Керченском полуострове в составе 530 стрелкового полка. Попал в плен 17 мая 1942 г. Умер 3 августа 1943 г. в шталаге 318 (VIII F) в Ламсдорфе (ныне Ламбиновицы, Польша)

вом гранаты, висевшей у Николая на поясе. Филипенко хотел поймать бродившую по лужайке кавалерийскую лошадь, но когда он подкрался к ней и только хотел ухватиться за уздечку, лошадь развернулась и ударила Николая копытами. Удар пришелся по гранате, висевшей у Николая на поясе. Граната взорвалась и Николая разорвало на куски.

... Почти все дни января и февраль шла усиленная подготовка к принятию присяги. Мы учили текст присяги, тщательно отработывали строевой шаг. Присягу должны были принимать в День Красной Армии и Военно-морского Флота – 23 февраля 1941 года.

15 мая 1941 года. г. Ярославль

Прошли майские праздники, к которым мы готовились почти неделю. Всей школой ходили на парад на центральную площадь города.

Накануне парада выдали парадную форму: полушерстяные защитного цвета гимнастерки и диагоналевые шерстяные шаровары синего цвета. С птичками в петлицах, «курицей» на левом рукаве гимнастерки, в пилотках, строевым шагом с винтовками прошагали мы мимо трибуны, на которой находилась наше командование, командование интендантского училища, партийные и государственные руководители Ярославской области.

Когда вернулись в казармы, с доброго разрешения начальства почти 70 процентов курсантов впервые получили увольнение в город. Разрешалось быть в городе до 23:00. В число счастливых попал и я.

И, конечно, первым долгом почти все устремились в фотографию. Надо было запечатлеть себя в курсантской форме и послать фотографии домой. Я тоже так сделал и до сих пор сохранилась у меня эта фотография.

... Мы теперь стали полноправными воинами Красной Армии. 23 февраля в торжественной обстановке мы приняли присягу. Это было воскресенье, хороший солнечный день. Нас вы-

строили на плацу в городке. Посредине стоял стол, покрытый красным полотном. За столом стояли начальник школы, комиссар, начальник штаба, командир эскадрильи и др. Каждый курсант подходил к столу с винтовкой в руке, громко зачитывал перед строем текст присяги и скреплял ее своей подписью.

В этот день у меня было три праздника: принятие присяги, день рождения (мне исполнилось 18 лет) и воскресенье, когда мы были свободны от занятий и было много свободного времени. Хороший праздничный обед сделал этот день еще радостней. В увольнение нас не отпускали, обещали давать увольнительные с первомайских праздников.

Вечером в клубе соседнего интендантского училища были на концерте ансамбля красноармейской песни и пляски Московского военного округа. Очень запомнилось мастерство артистов ансамбля.

... Опять начались дни занятий. Все лучше оборудуются кабинеты, во дворе учебного корпуса установили учебные самолеты У-2, где можно было забраться в кабину наблюдателя, познакомиться с оборудованием. До практических полетов остается не так уж много времени. А пока тренируемся на бачлере, изучаем приемы определения угла сноса самолета, тщательно изучаем теорию стрельбы из пулемета ШКАС. Познакомились с типами и марками самолетов нашей армии: У-2, Р-5, ТБ-3, СБ, ДБ, И-15, И-16. С самолетом У-2 теперь мы знакомы в натуре, с другими – только по плакатам и схемам. Несколько дней назад ездили на аэродром, где будем совершать полеты. Проехали на машине пять-шесть километров от города и на огромном поле увидели стоянку самолетов У-2 и Р-5. Именно на них нам предстояло летать, вести штурманскую работу, бомбить, стрелять.

Никаких особых построек на аэродроме не было – огромное поле, заросшее травой. На аэродроме нас заставили тряпками, смоченными в бензине, обтирать плоскости самолетов, фюзеляж, киль. При этом инструктор нас предупредил, что самолет должен блестеть, как... Так что нам эта работа будет главнее по-

летов. Труд летчика – это не только наслаждение просторами неба, это и тяжелый физический труд. В скором времени мы в этом убедились. Всю работу по поддержанию самолетов в чистоте приходилось нести курсантам.

1 июня 1941 года. г. Ярославль

Пятнадцать дней назад, 16 мая 1941 года, я совершил свой первый в жизни полет на самолете У-2. К этому первому, ознакомительному, полету мы тщательно готовились. На уроках по навигации досконально изучили карту Ярославской области. Знали ее так, что преподаватель вызывал нас по очереди к доске и предлагал мелом изобразить какой-либо участок, район области. Закрыв глаза, могли точно представить все очертания и особенности рек Волги, Которосли, озера Неро, железных и шоссейных дорог, ведущих в Ярославль. Могли точно рассказать все населенные пункты и их особенности на маршрутах, по которым нам предстояло летать.

... Недели через две после Первомайских праздников зачастили на аэродром, обхаживали самолеты, помогали инструкторам перегонять их с одного места на другое. Особенно тяжело было находиться у задней плоскости и нажимать на нее своим туловищем, чтобы хвостовое оперение самолета не могло оторваться от земли, пока его перегонят с одного места аэродрома на другое. Страшный ветер от мотора при этом ударял тебе в грудь и готов был свалить тебя на землю. Надо было устоять и работать.

Наконец, получили разрешение на первый вылет. Подъем в три часа, погрузка на машины и часов в пять мы были уже на аэродроме. Задание: вместе с инструктором совершить на самолете У-2 ознакомительный полет, присмотреться к местности, сравнить вид из кабины наблюдателя на землю с картой. Первое волнение перед полетом. И, наконец, надев шлем, очки, спецкомбинезон, перекинув через плечо планшет с картой проложенного маршрута, забираюсь в заднюю кабину самолета.

Самолет вырывается на стартовую площадку, маленькая остановка у стартовой линии и... взревев мотором, самолет устремляется вперед. Ощущение такое, что как будто по неровной дороге несемся на телеге, запряженной автомашиной. Наконец, тряска прекратилась, плавный взлет и мы уже в воздухе. Аэродром не имел бетонированной дорожки, это было обычное ровное поле, а отсюда и тряска при разбеге. Самолет делает разворот над аэродромом (кажется, что земля поворачивается и наваливается на тебя), затем выравнивается, и мы летим по прямой. Сравниваю местность под самолетом с картой маршрута, нахожу речки, озера (они в первую очередь бросаются в глаза), дороги. Ориентирами, как нас и учили, были большие села, стоящие на перекрестках дорог, речек, на берегу озер. Особенно заметными с воздуха были такие села, в которых были церкви. Они служили особыми ориентирами.

В воздухе мы пробыли сорок – сорок пять минут. Сверху увидел город Ростов (Ярославский), небольшой поселок Гаврилов-Ям, сделали круг над окраиной Ярославля. Налетали, как сказал инструктор, около 150 км. Крещение воздухом произошло. За выполнение первого задания – «пять».

... Начались регулярные полеты на самолете Р-5. Здесь была просторнее кабина наблюдателя, более удобно размещены приборы. Это был специально приспособленный для разведки самолет. Правда он был уже устаревший и в ВВС заменялся более совершенными самолетами. Для нас он стал основным учебным самолетом. Здесь имелся бомбосбрасыватель, подвески для бомб, прибор для определения «угла сноса» и нахождения цели, компас. Была позднее установлена и турель с пулеметом ШКАС.

За две недели после первого полета совершили еще по три вылета. В одном из них надо было замерить угол сноса и внести соответствующую поправку в курс, сообщив ее пилоту-инструктору. Ориентировка по карте и передача по шлемофону пилоту названий населенных пунктов, над которыми мы пролетали. На самолет Р-5 мы уже брали с собой парашюты, хотя в

первом полете на У-2 этого не делали. Оказывается, конструкция У-2 была такой, что при любой аварии почти не было смертельных случаев с экипажем и потому даже по инструкции при полетах на нем парашют не полагался. На других самолетах этот предмет был постоянным спутником. Мы учились его разбирать и очень тщательно собирать.

Погода стояла солнечная и, к нашей радости, ни одного полета не пришлось переносить. Радости после выполненного задания было не занимать. Но и работы после завершения всех полетов было достаточно. Обычно на одном самолете летало 5-6 курсантов. После полетов плоскости были покрыты сплошным слоем отработанного масла, бензина. И все это мы, курсанты, мыли, чистили, надраивали до блеска. Инструктор, с которым мы летали, после полетов уезжал отдыхать, а нами руководил механик-моторист. Вот он-то и не пропускал ни одного крошечного грязного пятнышка. А нам хоть и тяжеловато было, но зато радостно и приятно после удачно выполненного задания. У меня пока за все полеты «пять».

22 июня 1941 года. г. Ярославль

Эту дату, наверное, помнят все жители планеты. Особенно она запомнилась советским людям.

Гитлеровская Германия напала на Советский Союз. 1418 дней и ночей героический советский народ защищал свою независимость, громил фашизм, добивался независимости народам Европы.

Последнее время все наши газеты, дикторы и лекторы не упоминали слова «фашизм», вместо него проносилось «национал-социализм». Несмотря на договор о нейтралитете, заключенный между СССР и Германией в августе 1939 года, мы понимали, что Гитлер остается Гитлером и все равно с фашизмом воевать придется. И наша авиашкола была создана (и не одна по Союзу), чтобы в ускоренном темпе подготовить кадры для армии.

И вот началось...

В то воскресенье, к нашему неудовольствию (не пойдём в увольнение) я с ребятами попал в наряд. Охраняли здание учебно-летнего отдела. Караульное помещение находилось в нашем казарменном городке. Через каждые два часа разводящий выстраивал очередную смену и, проверив готовность часового, его оснащение (винтовка, боевые патроны), выводил во двор для развода по постам. Постов было много и здесь в городке и в учебном корпусе. Как и положено по Уставу караульной службы, мы два часа стояли на посту, два часа спали и два – бодрствовали.

Все было спокойно в это воскресное утро 22 июня. Минут за 15 до двенадцати часов горн известил всех находящихся в казарме о срочном построении на плацу. Мы в это время как раз готовились к смене, ожидали прихода разводящего со сменой. Ровно в 12 часов сменились, а через 15 минут были уже во дворе нашего городка. Поставив оружие в пирамиду в караульном помещении, с разрешения начальника караула вышли на плац, где шел митинг. Выступал комиссар школы. И здесь мы услышали это страшное слово «война». Тогда, на митинге, мы как-то более спокойно отнеслись к сообщению о нападении Германии. Ничего особенного, рассуждали мы, две-три недели и фашисты будут разбиты. Ведь недаром мы распевали песню, что враг будет разбит «малой кровью, единым ударом». Но, как показало будущее, это было не так. Три года, девять месяцев и семнадцать дней лилась кровь советских людей. Страна была на пределе, люди отдавали все свои силы, до последнего дыхания, ради победы. Но все это было впереди.

Вечером сменившись с наряда, мы вернулись в казарму и слушали рассказы ребят, вернувшихся из увольнения в город. Город Ярославль сразу изменился, как-то посуровел. Люди уже спешили с повестками в военкоматы по мобилизации, очереди добровольцев выстраивались у райкомов партии и комсомола. Город переходил на военный режим.

... Наша учеба не прекращалась ни на один день. Наоборот, все как-то подтянулись, стали более серьезно относиться к занятиям.

С первых дней войны мы стали нести охрану наиболее важных объектов города. Мне несколько раз приходилось стоять на охране моста через реку Которосль, железнодорожного моста через Волгу. Охраняли какие-то склады в Ярославском кремле. На охрану выходили с боевыми патронами.

... 3 июля слушали выступление Председателя Государственного Комитета Обороны Иосифа Виссарионовича Сталина. В нем разъяснялся справедливый характер войны со стороны советского народа и вероломство Германии. Партия призывала всех встать на защиту Родины, почувствовать серьезность наступившего периода нашей жизни.

После речи т. Сталина некоторые курсанты подали рапорт с просьбой отправить на фронт, но им отказывали. Надо учиться, быстрее осваивать летную специальность. Родине нужны специалисты, а не недоучившиеся курсанты. В столовой сразу перешли на нормированную выдачу хлеба. По курсантскому пайку нам было положено 800 граммов хлеба в сутки. Поэтому резали пайками по 250 г. (утро), 350 г. (обед) и 200 г. (ужин). И что удивительно: мы весь хлеб, до крошки, поедали, хотя приварок не изменился. Комиссар школы на общем собрании тоже обратил на это внимание: пока давали без нормы, нарезанными кусочками, и каждый ел, сколько хотел, в целом по школе на каждого курсанта приходилось по 600-650 граммов хлеба.

По делам службы приходилось бывать в городе. В столовых без карточек можно было купить только постные щи, в магазинах все продукты выдавались только по карточкам. Все меньше и меньше встречалось гражданских мужчин призывного возраста. Все больше и больше объектов охраняется военными.

Соседей, интендантов не видим: их еще в конце мая выпустили из училища. А остальные и новый набор, видимо, в летних лагерях.

В начале июля к нам на аэродром прилетели летчики на боевых самолетах СБ, ДБ, И-15, И-16. Они вынуждены были перебазироваться к нам с одного из аэродромов Прибалтики ввиду приближения наступающих немцев. Прибывших разместили пока несколько в стороне, замаскировали самолеты сетками в вырытых капонирах. Что они там делали, мы не знаем.

Мы свои полеты продолжаем. Здесь пока немецких самолетов не слышим, но светомаскировка и зенитки уже появились.

Я уже налетал 16 часов, совершив 14 вылетов. Один вылет был групповой на самолете ТБ-3. Это огромный четырехмоторный самолет, очень громоздкий, тихоходный (скорость 200 км в час), но очень вместительный и с большой подъемной силой. Мы разместились в нем сразу всем учебным отделением (25 курсантов) и каждый за время полета выполнял свое определенное задание. Интересный был полет.

После прилета к нам боевой части в школе стали поговаривать об эвакуации на другой аэродром. Куда – пока не знаем.

... Слухи подтвердились: мы из Ярославля в начале августа выехали в Ростов (Ярославский). Это в 60 км юго-западнее Ярославля. Здесь была подготовлена посадочная площадка, на которой и разместилась наша материальная часть. Сами мы разместились в помещении клуба, на окраине Ростова. Почти на самом берегу озера Неро, вплотную с Ростовским кремлем. Да и помещение клуба, где нас разместили, было перестроено из какой-то церкви или собора. В зданиях совхоза, рядом с аэродромом, разместили столовую, учебные классы. Погода стояла сухая, солнечная и, поэтому больше приходилось заниматься на воздухе.

И здесь продолжаем полеты. Сейчас уже в каждый полет, независимо от задания, брали коробку с боевыми патронами для пулемета ШКАС, установленной на турели в кабине наблюдателя. Были случаи, когда немецкие самолеты пролетали недалеко от наших Р-5 и только случайность спасала инструктора и курсанта от гибели. Дважды немецкий самолет-разведчик пролетал

над нашим аэродромом, но, видимо, не заметил замаскированных самолетов. Тем более что по диагонали через аэродром шла проселочная дорога. По ней только с нашим приездом перестали ездить, она не успела еще и зарости и с воздуха хорошо просматривалась. Даже мы, возвращаясь с полета, иногда не узнавали свой аэродром.

С первых дней войны в нашем обмундировании прибавилась еще одна важная, но уж больно неудобная вещь – противогаз в сумке через плечо. Он очень мешал в полете. По инструкции мы не имели права нигде расставаться с противогазом. Иногда перед посадкой в самолет с молчаливого согласия молодого инструктора-лейтенанта снимали с плеча сумку с противогазом, передавали его товарищу и забирались в кабину. После полета часто было не разыскать оставленного земле противогаса: товарищ, которому я его передал, в свою очередь передал его и свой противогаз другому и так далее. Но из-за отсутствия противогаса предстояло неприятное объяснение со старшиной Бейбулатовым. Выручала армейская смекалка и... у другого курсанта на утренней проверке не оказывалось своего противогаса. А что было делать? Противогаз – военное имущество, за него был строгий спрос, тем более в военное время. Наконец, недели через две, когда в отряде уже не хватало нескольких противогазов и старшине надоело раздавать наряды вне очереди, он с разрешения командира отряда однажды в воскресенье построил весь отряд, пешком вывел через Ярославль (мы тогда занимались еще там), на аэродроме выстроил всех в длинную цепь, и мы прочесали весь аэродром. Шарили почти до обеда, зато наши усилия не пропали даром: мы нашли еще больше противогазов, чем нами было потеряно. Видимо и в других отрядах теряли. Лишние противогазы были после сверки номеров переданы в другие отряды. Весь остаток выходного старшина внушал нам о необходимости строжайшей дисциплины в сохранности военного имущества и даже пригрозил провинившимся военным трибуналом. Теперь мы очень внимательно стали относиться к этому

предмету: почти никогда, кроме сна, мы не снимали с плеч ремень противогазной сумки.

Количество полетов растет, увеличивается и время налета. Это радует. Из числа особенно хороших курсантов отбирают несколько человек для включения в состав эскадрильи, которую предложено сформировать из наших самолетов и отправить на фронт.

Срочно ремонтируют один ТБ-3, три самолета Р-5 и три У-2. На них ставят вооружение: пулеметы ШКАС с коробками лент боевых патронов, на ТБ-3 установили даже пушку ШВАК. Фамилии кандидатов в действующую армию не сообщают, а мы пока с завистью посматриваем за самолетами, которые так тщательно готовят: ведь им придется участвовать в боевых действиях.

С фронта идут неприятные новости. Наши войска оставляют один город за другим. Никак не поймем: почему Красная Армия отступает, почему немцы заняли такую большую территорию. Захвачены все республики Прибалтики, Белоруссия, часть западных областей РСФСР. Враг сумел ворваться в Псков и угрожает уже Ленинграду. С 12 июля идут бои в районе Луги – это ведь всего 140 км от Ленинграда и в 70 км от древнего Новгорода. Идет грандиозное сражение в районе Смоленска. Здесь фашисты целят на Москву. На юге захвачены Житомир, Бердичев, Винница, враг окружает Киев. В чем дело – ответа мы пока не находили.

Из Боровичей пока регулярно получаю письма, только последнее время они стали идти очень медленно. Отец пишет, что они регулярно получают письма от Павла и Степана. Они оба в авиационных частях, но пока еще не на фронте. Отец пишет, что очень многих взяли в армию, в том числе взят и дядя Коля-Рыбак. Получаю письма от Шуры Кокориной. Она вместе с ребятами из Боровичей работает на оборонительных сооружениях под Малой Вишерой.

17 октября 1941 года, г. Ярославль

Мы покидаем окончательно Ярославль и эвакуируемся на восток. Весь август и сентябрь усиленно отработывали задания учебной программы. Чувствуется, что командование сверху топчет с окончанием школы.

За эти месяцы мы совершили на Ростовском аэродроме еще несколько полетов. Учились вести воздушную стрельбу из пулемета ШКАС по конусу. Конус – это огромный мешок без днища (метров 12-15), который на длинном канате таскает за собой самолет У-2. Наше задание состояло в том, чтобы подойти с боку конуса и выпустить по нему очередь из 3-4 патронов. Затем наш самолет делал разворот и заходил уже с другой стороны мишени. Каждый курсант имел в ленте пули определенного цвета и, когда конус после 5-6 курсантов сбрасывался на поле аэродрома, мы бегом устремлялись к нему и, ползая на четвереньках, искали каждый своего цвета дырочки от пуль. В зависимости от попаданий ставилась оценка. Летали мы и на поражение наземных целей из того же ШКАСА. На одном из больших болот был оборудован полигон, установлены щиты, по которым мы вели стрельбу с самолета. При всем этом не обходилось без курьезов. Некоторые курсанты умудрялись обстрелять не только конус на У-2, но и киль собственного самолета. Это происходило, когда курсант разворачивал турель с пулеметом и нечаянно нажимал на спусковой крючок.

Учились бомбить наземные цели. К бомбодержателям самолета Р-5 подвешивались 4 цементные бомбы, по 25 кг каждая. Подлетев к полигону, поражали этими бомбами цель – начерченный на земле белой известью круг. В зависимости от попадания (замерялось расстояние от места падения до центра круга) и выставлялась соответствующая оценка.

Мы учились, а страна переживала огромные трудности. Армия героически сражалась на фронтах. 8 сентября немцам удалось полностью блокировать Одессу, враг почти вплотную подошел к Москве. В конце сентября пал Киев.

Из Боровичей, хотя с большим опозданием (дней 20-30) приходят письма регулярно. Наладил переписку с Павлушей и Степаном. Оба они пока учатся и тоже в авиационных частях.

После некоторого перерыва получил письмо от Шуры Кокориной. Она с горечью сообщает о гибели своего брата Анатолия. Он служил в погранвойсках на Карельском перешейке. Когда фашисты окружили группу наших бойцов Анатолий с товарищами продолжали отбиваться. Остались вдвоем: он и политрук Руденко. Фашисты бросились в атаку. Раненый Руденко беспомощно лежал в воронке. Анатолий с криком: «Чекисты в плен не сдаются» взорвал последнюю гранату. Погиб герой, разорвало на куски и окруживших его врагов. Ошеломленные финны отступили, а наши воины подобрали раненого политрука Руденко. Он-то и рассказал о героическом подвиге Анатолия Кокорина. Герою посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза. Это был первый Герой-боровчанин. Я хорошо знал Анатолия. Он был на 2-3 года старше своей сестры Шуры. Он закончил до войны Боровичское медицинское училище и ушел по призыву в армию¹⁸⁸.

... Страна переживала тяжелейшие дни. Мои товарищи-ленинградцы уже не получают писем из осажденного Ленинграда. Что с их родными – неизвестно. Отец пишет, что тетя Сима с Милочкой приехали из Ленинграда в Задорье, Лена эвакуирована со своим отделом в Саратов. В Ленинграде остался один дядя Миша, он работает на главном почтамте и его, очевидно, в эвакуацию не отправили. В письмах все больше стали мелькать затушеванные строчки действует военная цензура.

...Несколько дней назад мы вернулись из Ростова обратно в Ярославль и усиленно стали готовиться к эвакуации. Куда едем – никто из курсантов не знает. Знаем, что уезжать будем на Восток пароходом. Каждый день на набережную с утра до вечера автомашинами возим имущество школы.

¹⁸⁸ См.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2 т. Москва, 1987. Т. 1. С. 691.

В середине октября погрузились на пассажирский пароход «Володарский» и поплыли вниз по Волге. Очень большая скученность на корабле. Большинство курсантов разместились на верхней палубе прямо под открытым небом. Плыли через Кострому, Горький, Чебоксары, Казань, Ульяновск. Здесь высадились, сгрузили имущество и поездом добрались до места своего расположения – поселок Чердаклы Ульяновской области. Здесь нам предстояло жить и учиться.

10 ноября 1941 года. Село Чердаклы

Село Чердаклы – районный центр Ульяновской области, расположен в 20 км от областного центра.

Нас разместили в здании еще недостроенной школы. Наскоро были установлены одинарные рамы в окнах, внутри построены трехэтажные деревянные нары, на которых нас и разместили. На нарах вплотную были уложены тюфяки, нам выданы одеяла, подушки, простыни и наволочки. Условия размещения были тяжелые: спали мы вплотную друг к другу, почти не раздеваясь. Укрывались с головой не только одеялами, но и своими шинелями. За ночь от дыхания шинель примерзала к стеклам рамы и утром приходилось вылезать из-под одеяла у края нары возле ног. Ртом отогревали шинель, чтобы оторвать ее от стекла, не разбив его.

Зима в тот год наступила рано и морозы стояли сильные 40-45 градусов. Обедать, завтракать и ужинать ходили в столовую, расположенную от школы в 1,5-2 км. Село было разбросано, жители в основном татары, почти не показывались на глаза. Да мы и сами редко выходили из казармы. Занятия не прекращались, шли здесь же в спальнях помещениях. На озере, расположенном рядом с селом, расположился наш аэродром. По берегу, в капонирах, сделанных из снега, стояли Р-5. Снова начались полеты, но уже в зимних условиях. Мне здесь удалось совершить только один полет. Видимость с земли с птичьего полета была совершенно иной, чем это было летом.

Командование еще с осени решило строить землянки на окраине села. Сделали разметку, вырыли первые котлованы, но потом грянули сорокаградусные морозы, землю сковало монолитом, копать стало очень трудно. Приходилось отогревать землю кострами, а затем долбить ее ломami и кирками. Работы замедлялись, настала зима и они вообще прекратились. Оказывали посильную помощь местному колхозу. Нас попросили ручными косами косить пшеницу, не убранную осенью.

Шла война, большинство мужчин было в армии, в селе оставались старики и женщины, почти никакой техники. Не удивительно, что часть пшеницы осталась под снегом. Но, к удивлению, не осыпалась. Мы косили ее косами прямо по снегу. Морозы стояли крепкие, образовался прочный наст и по нему, как по полу, легко было скашивать колосья. Часть курсантов сгребали эти колосья в кучи, грузили их на сани и отвозили к комбайну, стоящему здесь же, посреди поля. За работу в колхозе нам платили по 500 граммов хлеба в день. Это была хорошая прибавка к нашему курсантскому пайку. С питанием в Чердаклах обстояло хуже. Хлеб выдавали по старой норме – 800 граммов на день, но с приварком дело обстояло иначе. Из-за отдаленности от ж. д. станции и больших заносов кормили нас однообразно. Привезут на прицепе гусеничного трактора со станции партию гороха и дают целую неделю на завтрак, обед и ужин горох в разных вариантах. Другую неделю вместо гороха – чечевица и опять – повторение ее.

... 7 ноября состоялся парад. Хотя и холодно было, но все же мимо трибуны в центре поселка прошли с винтовками на-руку торжественным маршем. А страна в эти ноябрьские дни переживала самое, наверное, тяжелое время: враг стоял у самых стен Москвы, схватил мертвой хваткой родной Ленинград, зверствовал на Украине и в Белоруссии. Истекая кровью, фашисты метр за метром продвигались к столице нашей Родины. И в это тяжелейшее время мы в Чердаклах на параде услышали речь тов. И. В. Сталина из Москвы, где в этот день тоже происходил па-

рад. Все это поднимало настроение, а особенно слова И. В. Сталина: «Будет и на нашей улице праздник!»¹⁸⁹ Поэтому мы мирились с теми трудностями, которые испытывали здесь, в Чердаклах.

Из Боровичей не получаю писем уже два месяца. Когда мы прибыли сюда, я сразу написал письмо и сообщил свой новый адрес, адрес полевой почты. Из газет невозможно было узнать точную линию фронта. Фашисты захватили уже Новгород, Малую Вишеру, подошли к Валдаю, ими был захвачен Калинин, Клин. Заняты немцами Боровичи или нет – я ничего не знал. Об этом мне не смог ответить даже комиссар эскадрильи, когда я к нему обратился с вопросом.

Из-за сильного снегопада, больших морозов полеты прекратились. Целыми днями мы проводили в помещении. Иногда приходил капитан Кострица для проведения строевых занятий выводил весь отряд на двор, строил в колонну и заставлял маршировать по улицам поселка. Независимо от мороза капитан не разрешал опускать уши у буденовок. И сам никогда не опускал. Стройный, какой-то пружинистый, всегда подтянутый, выбритый капитан вселял и в нас заряд бодрости и энергии. И хотя некоторые курсанты после строевых занятий отправлялись в санчасть оттирать отмороженные уши, мы все бывали довольны такими строевыми занятиями.

12 апреля 1942 года. г. Грозный

Месяц назад мы распрощались с Чердаклами. Первую и вторую эскадрильи командование ж. д. путем направило в Грозный, а курсантов третьей эскадрильи (примерно 400 человек) – в гор. Оренбург, в авиаучилище. Эта эскадрилья была полностью

¹⁸⁹ А. В. Федоров путает. Приведенная им фраза была включена в приказ народного комиссара обороны И. В. Сталина №345 от 7 ноября 1942 г. См.: Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). Москва, 1997. С. 359.

укомплектована из кадровых военнослужащих, в то время как первая и вторая – из вчерашних учащихся старших классов или студентов старших курсов техникумов. Нас переправили на Северный Кавказ в город Грозный, столицу Чечено-Ингушской АССР. Как всегда в военном деле, мы не знали до самого прибытия на новое место, куда мы едем.

... В конце февраля нам раздали из складов личные вещи, то есть те, в которых мы прибыли в армию год назад. Они находились на вещевом складе на хранении и сейчас, в связи с переездом, командование решило раздать их на руки. Здесь же, в Чердаклах, мы все это и продали за деньги местному населению. В зависимости от коммерческих способностей каждый из нас сумел продать вещи за определенную сумму. Деньги в те годы заметно подешевели и счет шел на сотни. Я выручил за свое пальто, плохонький костюмчик, шапку-ушанку и валенки что-то около 1 200 рублей. Некоторые ребята выручили по 3-4 тысячи.

Наконец, погрузились в товарный вагон и отделением в 25 курсантов при сопровождении старшего лейтенанта двинулись в путь. Проехали ст. Инзу, Рузаевку, Ртищево, Поворино и здесь повернули на Сталинград. Почти на каждой крупной станции стояли в тупике 2-3 дня. В продпунктах на станциях наш сопровождающий получал на нас продукты (хлеб, консервы, концентраты крупяные и гороховые) и мы здесь же в вагоне на железной печурке готовили себе пищу. Печь топилась круглые сутки. На некоторых узловых станциях ходили питаться в столовые при продовольственных пунктах.

... Три дня стояли на товарной станции Сталинград. Сюда мы прибыли в конце марта. Гуляли по улицам города и не предполагали, что через полгода, в сентябре 1942 года, на этих улицах, за эти дома развернется грандиознейшее в истории Великой Отечественной войны сражение.

Затем двинулись дальше на Тихорецк, Армавир, Минеральные Воды и Грозный. Наш вагон на всем пути подцепляли к какому-нибудь попутному составу и таким путем по отдельным

вагонам в Грозный была передислоцирована вся Ярославская авиашкола.

Когда мы въехали в Краснодарский край, с продовольствием стало лучше. Здесь на базарах возле станций у населения можно было купить за деньги кукурузные лепешки, молоко, яйца, ряженку.

... В Грозный мы прибыли в начале марта. Нас разместили в четырехэтажном здании бывшей школы. Здесь в городе существовала такая же одногодичная авиашкола. Курсанты ее, как и мы, фактически сидели без дела «безлошадниками» и ждали вызова в боевые части. Еще в начальный период войны немцы уничтожили очень много наших самолетов и материальной части в авиачастях не хватало. Наша промышленность еще только налаживала производство самолетов на востоке. Таким образом к 1 000 «безлошадников» в Грозненской школе прибавилось столько же ярославцев.

Занятия продолжают. С аэродрома в районе Старых Промыслов мы на самолетах Р-5 летали отрабатывать задания учебной программы. Здесь мне не пришлось летать, но на аэродроме бывал не раз. Понемногу командование школы направляло курсантов по заявкам в авиачасти. За все время пребывания в Грозном было отправлено человек 50-60. Это была капля в море. А мы рвались на фронт.

... В начале апреля нас построили во дворе казармы. Начальник школы (им был уже комбриг Федоров) выступил перед нами, рассказал о трудном положении на фронте и предложил, кто добровольно желает поехать на фронт, сделать десять шагов вперед. Абсолютно все курсанты выполнили команду. Через день нас погрузили в эшелон и направили на ст. Прохладная в запасной полк.

Во время пребывания в Грозном наше отделение понесло первую утрату. За время следования из Чердаклов в Грозный в дороге заболел тифом наш товарищ Чернов Саша. Когда мы прибыли на место, его поместили в санчасть авиашколы, но че-

рез 7 дней он умер. Похоронили его согласно воинскому ритуалу с ружейным салютом на кладбище в Грозном.

И вот мы в запасном полку. Здесь в палатках, а потом в землянках шла усиленная подготовка маршевых рот для фронта. На второй день после прибытия нам объявили, что мы считаемся окончившими авиашколу и всем нам присвоено воинское звание «сержант». Нас обмундировали (только вместо износившихся кирзовых сапог выдали добротные ботинки с обмотками), выдали новые шинели, гимнастерки, брюки. Заставили снять с петлиц птички и прикрепить по два треугольника, согласно звания.

Таким образом можно было подвести итоги учебы в авиашколе. Я лично совершил 19 вылетов, имел 22 часа налета, выполнил почти все задания программы. Только госэкзамены не сдавал. И превратился из летчика в... пехотинца. В красноармейской книжке вместо ВУС-69 (стрелок-бомбардир) появилась новая военно-учетная специальность – «стрелок».

4 мая 1942 года. Станица Дундуковская Краснодарского края

В запасном полку мы пробыли недели две. В один из дней нас погрузили в вагоны, и мы отправились в путь. Через день прибыли на станцию Дундуковскую СКЖД. Это была большая казачья станица Гиагинского района Краснодарского края, это недалеко от Майкопа.

Уже после войны, встречаясь с бывшими явашевцами, я узнал, что на формирование 18 и 19 истребительных противотанковых бригад из запасного полка в Прохладной были направлены только курсанты 3-го отряда второй эскадрильи. Это примерно человек 100-110. Остальные бывшие курсанты-явашевцы были срочно обмундированы, при этом во все новое и переброшены по железной дороге в район гор. Темрюк, на Таманский полуостров. Здесь в полной неразберихе их вооружили винтовками, патронами и на баржах перевезли на Керченский полуостров в Крым. Здесь они попали в такое пекло, что страшно и подумать. С винтовками образца 1896/1930 г. они «воевали» про-

тив немецких танков. Это была настоящая мясорубка, организованная лично Мехлисом, представителем Ставки Верховного командования.

Часть курсантов, раненных, эвакуировали через Керченский пролив, часть ушла в Аджимушкайские каменоломни, часть попала в плен. Среди последних были Саша Новичихин¹⁹⁰, Саша Гомыляев¹⁹¹, Иван Минин¹⁹², Миша Никандров¹⁹³, Немцов Николай. Многие, очень многие погибли здесь, и о них мы мало что знаем.

По прибытию нам объявили, что отныне мы зачислены в состав 18 особой противотанковой истребительной бригады. Состав ее был небольшой, около 500-600 человек личного состава, но это было сильное по вооружению соединение. Мы были вооружены противотанковыми ружьями Дегтярева и Токарева. Противотанковые пушки 45 мм и 76 мм. Полный артполк 76-мм противотанковых пушек входил в состав нашей бригады.

Я, как и все прибывшие курсанты, а теперь уже сержанты, был назначен командиром отделения ПТР, в моем подчинении находилось три бойца. Я был стрелком ПТР, один из бойцов – мой помощник – был заряжающим, он же носил на плече сумку с 50 патронами для ПТР. Были еще два бойца с карабинами. Я имел на вооружении кроме ПТР автомат ППШ.

¹⁹⁰ Александр Иванович Новичихин 1922 г.р. служил в 417 стрелковом полку, попал в плен. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени. Умер в феврале 1987 г.

¹⁹¹ Александр Семенович Гомыляев 1922 г.р. служил в 530 стрелковом полку, 15 мая 1942 г. попал в плен в Керчи. Был заключен в лагерь военнопленных люфтваффе №2 в г. Лицманштадт (ныне польский город Лодзь), освобожден в мае 1945 г. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

¹⁹² Иван Афанасьевич Минин 1922 г.р., после освобождения служил в 62 стрелковом полку. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

¹⁹³ Никандров Михаил Федорович 1921 г.р. В 1985 г. был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Занятия начались на другой день после прибытия. Мы выходили на окраину станицы и тренировались в быстром отрытии окопа, огневой позиции для ПТР. Глубина его доходила до груди. Подготовив окоп, учились делать перебежки и... снова новый окоп. Каждый день совершали длительные марши со всей боевой выкладкой и вооружением. Эти марши были не менее 20-30 км. Занимались так, что гимнастерка на спине никогда не просыхала, а через неделю покрылась белой солью. Хорошо, что рядом с нашим расположением протекала речка, поэтому сами и отстирывали гимнастерки от пота. Было очень трудно, но мы как-то не чувствовали особой усталости: сказывались месяцы учебы и закалки в авиашколе.

В станице Дундуковской вместе с нами формировалась и 19 истребительная бригада. Станица была большая, в ней проживало около 3 000 жителей, было 4 колхоза. Но почти все административные здания станицы занимали две наши бригады.

Учились мы пользованию гранатами РГД, противотанковыми гранатами. Учились стрелять из ПТР по движущимся макетам танков, бросать гранаты по этим макетам, изучали наиболее уязвимые места немецких танков.

... 23 мая нас погрузили в эшелон. Мы уже знали, что едем на фронт. Перед погрузкой нам выдали по комплекту боевых патронов к ПТР (50 шт.), по 200 патронов к автомату ППШ и по 100 винтовочных патронов на карабин. Были выданы каждому бойцу по 2 гранаты РГД и по одной противотанковой гранате. Каждое отделение получило паек на трое суток (неприкосновенный запас). Все это говорило о том, что мы едем не в какой-то учебный лагерь, а именно на фронт. Очень много было подготовки, разговоров, да и обстановка на юго-западном направлении резко ухудшилась. Информбюро в своих сводках сообщало о тяжелых боях в районе Харькова. Наши войска пытались прорвать фронт в районе Изюм – Барвенково и развить наступление по направлению на Днепропетровск. Но немцам удалось перере-

зять узкий участок прорыва и многие дивизии нашей армии оказались в окружении.

Продолжается героическая оборона Севастополя. Видимо, куда-то на эти горячие точки нас везут: или под Харьков, или к морю, а оттуда на Севастополь. С этого дня мы уже считаемся в составе действующей армии. Итак, на фронт сражаться с ненавистным врагом.

Наша Особая 18 истребительная бригада входит в состав 9 армии, которой командует май – 5 июня генерал-майор П. М. Козлов, с 5 июня – 18 июня - генерал-майор В. Н. Гордов, с 18 июня – 24 июня – генерал-майор Д. Н. Никишев, с 24 июня генерал-лейтенант А. И. Лопатин.

25 мая прибыли на станцию Старобельск. Здесь весь состав нашей и 19 бригады выгрузили из вагонов и автомашинами перебросили в район г. Купянска, в 120 км восточнее Харькова. Здесь на высоких холмах восточнее города заняли оборону. Население близлежащих городов и сел подготовило заранее сильную укрепленную линию: глубокие окопы, соединенные между собой ходами, блиндажами, дзотами с амбразурами для стрельбы, укрытия с бревенчатыми накатами на случай артиллерийского и минометного огня. И вся эта линия тянулась по высоким холмам, с которых открывался прекрасный обзор в сторону противника (видимость 8-10 км вдаль). Это были прочные укрепления.

Метрах в 200 впереди наших окопов разместились в укрытиях «сорокапятки» с расчетами, а позади нас, в лощине установили и замаскировали свои пушки батареи 76-мм орудий. Оборона была надежная.

... Первые два дня нас никто не беспокоил, немцев было не слышно. Хотя командир батальона и роты предупредили нас, что немцы вышли на нас, но обстановка была пока тихая. Первое напоминание о своем присутствии они начали днем на третий день. Я как командир отделения в этот день по приказу командира взвода направился в тыл за обедом для взвода. В двух

километрах от наших позиций в ложине располагалась небольшая деревушка. Здесь находился штаб бригады, склады, кухня. Здесь мы и получали продовольствие, горячую пищу из полевых кухонь. Прихватив термос, ведро и пустой вещмешок, я и направился за питанием. Ярко светило солнце и ничего опасного не чувствовалось. Возле кухни находился и командир роты, который на словах приказал передать командиру взвода приказ усилить наблюдение за противником.

Возвращаясь назад, решил сократить несколько свой путь и вместо тропочки направился прямо по полю. И вот здесь-то, метрах в 200 от наших окопов я попал впервые в жизни под минометный обстрел. Немцы вели его по нашим окопам, но несколько мин разорвалось и недалеко от меня. Ощущение было не из приятных. Когда летит немецкая мина, она издает такой противный завывающий звук, что мороз по телу проходит и ты инстинктивно бросаешься на землю. От каши, которую я нес в ведре, ничего не осталось, а затем пришлось бросить и само ведро, так как оно очень мешало. С большим трудом по-пластунски я преодолел эти метры и свалился в крайний окоп. Ребята из нашего взвода наблюдали, как я добрался к ним, но чем-либо помочь мне не могли: они сами сидели в укрытиях, спасаясь от осколков. Уже в окопе обнаружилось, что термос, который я тащил за ремень, пробит маленьким осколком мины и от супа в нем остались лишь разваренные макароны и кусочки мяса. Хлеб в вещмешке за спиной не пострадал, у нас были мясные консервы, так что мы пообедали на этот раз насухо. Обстрел нам показал, что немцы вошли непосредственно в наше соприкосновение и внимательно следят за нами. Они, видимо, тщательно маскировались, так как простым глазом их обнаружить не удавалось. К вечеру обстрел усилился, стреляли не только минометы, но и пушки. Снаряды взрывались то впереди, то позади нас. Видимо летевшая днем немецкая «рама» засекала наши окопы. Оставив только наблюдателей, мы укрывались от обстрела в блиндажах: здесь лишь прямое попадание снаряда могло обрушить трех-

слои́нный накат толстых бревен. Так оно и случилось в соседней роте. Прямым попаданием снаряд разворотил накат и принес первые жертвы: двое убиты и четверо ранено. Двое других отделались синяками и царапинами. Этим первым погибших похоронили вечером на окраине деревушки, где располагался штаб.

После ожесточенного обстрела немцы пошли в атаку. Впереди ползли их танки, за ними во весь рост бежали автоматчики. Главный удар они наносили в районе 19 бригады, обороняющейся справа от нас. Во время этой атаки вражеская артиллерия и минометы беспрерывно обстреливали наши позиции. Мы отвечали огнем 76-мм пушек.

Атака немцев захлебнулась. Они оставили на поле боя 4 сожженных танка, несколько десятков трупов и откатились назад. Среди наших бойцов было несколько человек убито и ранено. Одновременно с атакой на 19 бригаду, немного позднее немцы начали наступать и на нашем участке. Шесть танков в сопровождении автоматчиков двинулись в атаку, но когда встретили дружный огонь пушек, противотанковых ружей, карабинов и автоматов, они, не дойдя до нас метров 200, резко свернули в сторону, а затем и назад. Нам в этот день подбить танки не удалось, но трупы фашистов остались лежать перед нашими позициями. Больше в этот день и в следующие дни немцы атак на нашем участке не предпринимали. Беспokoили лишь артиллерийским и минометным обстрелом.

На Украине в 9 часов вечера светлый день почти мгновенно превращается в темноту. Бой прекратился, лишь ракеты с обеих сторон нарушали наступившую тишину. Выставив усиленные посты, бойцы укрылись в блиндажах. И удивительное дело: этот первый бой с немцами не вызвал в душе какого-то страха. Казалось, просто как на учениях, постреляли и разошлись. И только раненые и убитые напоминали о серьезности положения.

... Против нашего участка немцы военных действий, кроме артогня, не вели больше. Но по звуку артиллерийской канонады, по огненным вспышкам на правом и левом флангах мы чувство-

вали, что немцы упорно теснят наши войска. Даже ночью бои не утихали, слышна была канонада артиллерийской стрельбы, а зарницы от взрывов освещали небо на горизонте. Нас же немцы не беспокоили, и мы считали, что остановили на нашем рубеже противника. С каждой прошедшей ночью мы чувствовали и видели, что немцы обходят нас с флангов, а на третью ночь канонада раздавалась уже у нас в тылу. Среди нас нарастало беспокойство. Но приказ об отходе получили только ночью 25 июня. Прибежал связной и по приказу командира роты мы снялись с позиций и пешим строем стали отходить к намеченному в приказе пункту. Часов в 12 ночи без каких-либо происшествий мы зашагали к деревеньке, где находился штаб бригады. Здесь к нам присоединились другие роты и быстрым броском мы зашагали по дороге, неся на плечах ПТР и все остальное имущество. Когда мы покидали деревню, саперы заканчивали минировать поле вдоль дороги, и как только прошла замыкающая колонну наша рота, уложили мины и на самой дороге. Артиллерия, оказывается, покинула свои позиции еще часа за два до нашего отступления. Чтобы немцы не догадались о нашем отходе, все было сделано в полной тишине. Курить было строжайше запрещено, разговаривать тоже. Даже команды отдавались полусшепотом. И лишь когда мы в полной темноте отшагали километров пять, была дана команда на привал: «Закурить! Оправиться!» А через десяток минут - опять марш.

За ночь мы сделали действительно бросок, прошли около 30 км почти без привала. Когда на рассвете была дана команда на отдых, мы как убитые упали на обочину дороги и уснули мертвецким сном. Пока мы спали эти два часа, к месту привала подошли автомашины, и мы, полусонные с трудом разместились в кузовах автомашин. Сколько мы ехали и куда – не помним, так как спали в автомашинах. Так мы измотались за этот шестичасовой бросок. Около обеда возле города Сватово (об этом узнали от местных жителей) заняли снова оборону. Приказ: быстро отрыть траншеи, ходы сообщения, ячейки для ПТР и

быть готовыми к бою. Подъехала полевая кухня, мы плотно пообедали вкусным украинским борщом и пшенной кашей. Не знали мы в тот день, что это будет наш последний обед из полевой кухни. Отрыв окопы по грудь глубиной, сделав ячейки для ПТР, по-хозяйски разместив в углублениях гранаты и диски для автоматов, мы весь день сидели в обороне. Немцы ничего о себе не давали знать. Зато на флангах и где-то далеко в глубине, в тылу нашего расположения раздался грохот артиллерийской канонады. Было ясно, что мы в окружении. Это, естественно, отразилось и на настроении. Хотя командование все время было с нами, но об окружении пока никто ничего не говорил. Даже мы друг другу боялись признаться в этом. Ведь это могло означать «паникерство», а по законам военного времени это означало в лучшем случае трибунал.

Вечером опять снялись с позиций и опять пешим порядком двинулись на юго-восток. Ночью прошли через город Сватово. Проходя мимо хлебозавода, мы видели как сотни жителей города, обсыпанные мукой как пудрой, носили на спине, возили на тачках и тележках мешки с мукой. Дирекция завода щедро открыла двери складов и объявила, что через три часа завод будет взорван. Выпеченный днем хлеб штабелями был уложен здесь же на дороге у стен завода. Мы, проходя колонной вдоль завода, тоже запаслись хлебом (по 1-2 буханки), а некоторые бойцы во время короткого привала умудрились заскочить на территорию завода и принести полные фляжки растительного масла. Его тоже из большой цистерны раздавали населению.

Всю ночь и весь день продолжали идти на юго-восток по направлению к городу Старобельск. Днем прошли небольшой городок Мостки. Когда мы отошли от Мостков километров на 10-15, на нашу колонну налетели немецкие самолеты. Их было 12 штук, но они сделали над колонной несколько разворотов. Сначала сбросили на дорогу бомбы, от которых загорелся танк и две автомашины. Они сразу закупорили дорогу. Мы разбежались в сторону от дороги и залегли в пшенице. Лежать пришлось

минут 10, так как самолеты то и дело делали разворот и снова, и снова поливали дорогу и пространство по обе стороны от нее пулеметным огнем. Это было неприятное зрелище. Кажется, что самолет пикирует с ревом именно на тебя и отделившаяся от него капелька-бомба метит только в тебя. Закрыв руками голову (как будто они спасут), плотно прижав тело к земле, ожидаешь очередного взрыва бомбы впереди или сзади.

Когда закончилась бомбежка и обстрел, поднялись с земли и мы. Отряхиваясь от пыли, рассказывали друг другу о своих ощущениях во время налета. Там и здесь уже раздавались шутки и смех. Большого ущерба налет не принес, кроме погибших в разбитом танке и сожженных машинах. Приведя себя в порядок, опять построились в колонну, снова пошли под палящими лучами солнца, зашагали на восток. К вечеру прошли километров 25 и вот уже город Старобельск. Именно здесь мы 10 дней назад выгружались с эшелона и с помощью автоколонны двинулись на фронт в район Купянска.

Сделав привал в районе товарной станции ж. д. мы наблюдали, как саперы минировали ж. д. полотно, стрелки, пакгаузы и водокачку. Еще когда мы переходили мост у Старобельска через реку Айдар, он был уже заминирован и охраняющие его саперы торопили нас побыстрее проскочить через него.

Покинули мы Старобельск часов в 6 вечера. Отойдя недалеко от города, мы слышали как позади нас взрывали мост, ж. д. узел и другие стратегические пункты города. Вместе с нами по пыльной дороге двигались стада коров, овец, свиней, с грохотом и дымом двигались трактора, тащившие за собой комбайны или повозки с людьми или домашним скарбом. Тысячи людей, гражданских, военных, полувоенных смешались в единый поток, уходили от Старобельска на восток.

Свои скатки шинелей, вещмешки мы тоже уложили в повозки, которые тащили измученные лошади. На себе мы несли только крайне необходимое: автомат с дисками патронов (его имел каждый командир отделения), карабин с патронами, про-

тивогазные сумки, в которых вместо противогоззов находилось другое имущество: гранаты, патроны, буханка хлеба. С собой мы на плечах несли ПТР, которое с каждым километром становилось тяжелее. Сумку с патронами для ПТР нес мой заместитель. Правда часть патронов мы уже расстреляли под Купянском, но и оставшиеся 30-35 штук все же весили прилично, если учесть, что каждый противотанковый патрон весил 200 граммов.

Наши просолившиеся на спине гимнастерки эти дни не высыхали. И как на зло солнце в эти дни во всю мощь палило с ярко-синего неба и не было нигде уголка укрыться от его палящих лучей. Кругом стояли поля с перезревшей пшеницей, но убирать ее в это время было некому. И только с наступлением темноты нам удалось сделать привал часа на два-три и заснуть крепким сном там, где нас заставляла команда: «Привал!!!»

12 июля 1942 года. Действующая армия

Два дня назад мы потеряли одного из своих лучших друзей, нашего ярославца Колю Филипенко. Отступая в сторону Беловодска, в районе городка Евсюг мы разместились на привал в дубовой роще. Здесь сварили в ведрах на костре подстреленного из карабина поросенка (их целое бесхозное стадо бродило на опушке), разрезали мясо на куски и рассовали его по своим противогозным сумкам. Соли и хлеба у нас уже не было, а есть без них жирную свинину – занятие противное. До сих пор испытываю к жирной свинине какое-то не приятное ощущение. Но делать было нечего: кухню нашего батальона нам никак было не догнать, а тот хлеб, которым запаслись в Сватово, закончился. А кушать хотелось, ох как хотелось! Трудно было и с водой, но все же на пути встречались села, хутора, где из колодцев мы наполняли фляжки и заодно и свои животы. Иногда на пути попадались речки, реки и пруды. Возле них обычно мы делали небольшой привал и утоляли жажду.

И когда на подступах к поселку Евсюг мы попали из душной и пыльной степи в прохладную дубовую рощу, радости бы-

ло без конца. Здесь же в роще бродили брошенные кем-то коровы, свиньи; одиночные лошади с седлами и всей кавалерийской сбруей, пощипывали траву на лужайках между дубами. Николай Филипенко и решил поймать одну из этих лошадей, водрузить на нее самое тяжелое наше имущество и этим облегчить наше отступление. Надо сказать, что немецкие автоматчики, не ввязываясь в бои с нами, постоянно преследовали нас по пятам. В целях большей боеготовности у многих из нас запалы уже были вставлены в гранаты – бери ее в руку и бросай. Николай, по всей вероятности, забыл о своих гранатах, подкрадываясь к лошади. Мы не успели и ахнуть, как лошадь неожиданно повернулась к Филипенко задом и ударила его копытом в пояс. Удар пришелся по гранате, она взорвалась и разнесла на куски нашего товарища и смертельно ранила лошадь.

... Останки Николая мы похоронили здесь же, возле векового дуба. Дали залп из карабинов. Ничего не поделаешь: война есть война.

К вечеру двинулись дальше. Наша рота по приказу командования отступала в арьергарде, то есть мы должны были прикрывать отход основных частей бригады. Во время отступления перемешались различные части, соединения, роты и батальоны, полки и дивизии. Весь этот поток вместе с обозами, артиллерией, полевыми лазаретами, штабами двигался в одном направлении - на восток.

Вчера мы были настигнуты колонной немецких танков, с которыми пришлось вступить в бой. Этот бой был очень запоминающимся и хочется более подробно на нем остановиться.

... Дело клонилось к обеду и до небольшого хутора, куда надлежало нам прийти, оставалось километра три. Растянувшейся колонной двигались мы по дороге. Вдруг на горизонте показались четыре надвигающиеся в нашу сторону силуэта танков. В дальнейшем оказалось, что двигалось не 4 танка, а четыре колонны по шесть танков в колонне, то есть всего 24 немецких танка. Командир роты, посмотрев в сторону колонны в бинокль,

дал команду продолжать движение: «Наши танки: красные флажки на башнях!» За все дни вынужденного отхода мы почти не встречались с нашими танками и самолетами. Лишь в той дубовой роще под Евсюгом мы видели, как подъехали три «Катюши», быстро развернулись и дали залп, а затем скрылись. Мы тоже быстро покинули рощу, так как знали по рассказам фронтовиков, что немцы сразу обрушат шквал огня на позиции «Катюш». Да еще по дороге на Старобельск, за Мостками, нас обогнала колонна танков – пять Т-34, из которых один на наших глазах был сожжен во время налета фашистских самолетов.

И вот, здесь увидев целую колонну танков, обрадовались и спокойно продолжали движение по дороге. На пути встретилась довольно глубокая и сухая канава по обочине дороги. Мы решили сделать привал и подождать танки. Но они, не доходя метров 300-400, внезапно открыли по нам пулеметный огонь. И только теперь выяснилось, что это двигалась немецкая колонна.

Используя канаву как укрытие, мы быстро развернулись и приготовились к бою. Уже без команды некоторые ребята начали палить из ПТР по танкам. Один из них загорелся метрах в пятидесяти от нас. Немцы разделились на две колонны, стали огибать нас с флангов, непрерывно стреляя из пулеметов. Справа по флангу лежал политрук роты Швец-Шевченко. Видя надвигающийся на него танк, он вскочил и пытался перебежать в сторону. Очередью из пулемета он сразу был убит¹⁹⁴.

Я вместе с Евгением Китиным и Борисом Бураковым тоже лежали ближе к правому флангу. Когда танки начали надвигаться на нашу позицию, мы просто откатились влево. Ружью Евгения при этом досталось: по нему проехал танк, вдавил его в землю и для дальнейшего использования оно уже не годилось.

¹⁹⁴ Приказом Главного управления кадров Советской армии №01585 от 31 декабря 1952 г. политрук Петр Иванович Швец-Шевченко 1909 г. р., откомандированный в распоряжение политотдела 9-й армии, был исключен из списков Советской Армии как пропавший без вести 17 июля 1942 г.

Грохот боя стоял страшный: здесь и трескотня немецких пулеметов, и взрывы гранат, и лязг гусениц. Все было окутано дымом.

Главные события разгорелись на левом фланге. Здесь занимал позиции командир роты, старший лейтенант (фамилию его я, к сожалению, не помню). Он успел немного углубить канаву и на него ползли несколько танков. Когда один из танков подошел почти вплотную к его окопу, старший лейтенант бросил в него гранату. Она взорвалась, не причинив танку вреда. Видимо, танкисты заметили опасность и, когда танк накрыл своим туловищем окоп, он развернулся на нем. Старший лейтенант остался жив. Ему содрало гусеницами каску с головы, пилотку и часть волос. Когда танк сполз с окопа, командир роты выхватил вторую гранату и бросил вслед удаляющемуся танку. И... танк завертелся на месте: гусеница его была перебита.

Другие немецкие танки не останавливаясь двигались дальше. И только возле нашей позиции догорали два танка, один из которых был на счету у командира роты.

По команде мы быстро углубили свои окопы, так как ждали появления немецких автоматчиков, обычно сопровождающих свои танки. Но их на этот раз не оказалось. Подождав минут 15, начали приводить себя в порядок: сделали перевязку старшему лейтенанту, здесь же на пригорке похоронили политрука роты. Оказалось, что другие не пострадали.

Успокоившись (а напряжение было довольно высоким) и оглядевшись, к своему удивлению метрах в пятидесяти от наших окопов обнаружили полевую кухню и повара, спрятавшегося между колес полевой кухни. Одна из лошадей была убита, котел пробит, а через пулевое отверстие вытекала жирная струйка сварившегося супа. Не добившись от перепуганного повара конкретности, чья кухня и куда он направлялся, мы приступили к обеду. В котле оказался густой макаронный суп с бараниной. Это была уже фактически густая каша, так как большая часть жидкости вытекла через отверстие. Не хватало только хлеба, его

не было у нас уже три дня. Вообще мы два дня уже ничего в рот не брали. Поэтому с таким аппетитом набросились на еду. Во время обеда заметили невдалеке две горящие автомашины. Командир нашего взвода, лейтенант Филиппов, отвязав оставшуюся у кухни лошадь, решил сделать в сторону автомашин разведку. Минут через 10 он привез в двух мешках, перекинутых через хребет лошади, печенье. Оказалось, что горели машины Военторга и ему удалось из них вытащить мешки с печеньем. Около автомашин лежали 4 трупа, из живых он никого не обнаружил. Печенье нам здорово пригодилось. Мы плотно поели и даже сделали запас пищи, уложив в противогазные сумки остатки недоеденного печенья.

Примерно через час после боя мы двинулись по своему маршруту в направлении к хутору. Уже на подходе к нему мы и здесь увидели результаты боя: шесть немецких танков дымились на подступах к хутору. Оказалось, что их организованно встретила батарея 76-мм пушек и, подбив 6 танков, заставила колонну немецких танков отвернуть в сторону. Куда они направились, мы не знали. На хуторе скопилось много наших бойцов и техники. Были здесь и кавалеристы, были артиллеристы, автоматчики и пэтээровцы. Из нашей бригады здесь была только одна наша рота, остальные были из других частей. Здесь же распоряжалось и начальство. Какой-то полковник построил всех бойцов в шеренгу и произнес речь. Мы не знали полковника, но стоящие в шеренге бойцы говорили, что это их командир.

Из речи полковника мы узнали, что мы уже шестой день находимся в окружении, немецкие войска вырвались далеко вперед и наступают, имея огромное численное превосходство. Наши части героически обороняются, но вынуждены отходить. Немцы, неся большие потери, рвались к Сталинграду. Свое выступление полковник закончил приказом: все собравшиеся на хуторе бойцы подчиняются непосредственно ему и этой ночью он поведет нашу колонну на прорыв.

До войны на этом хуторе, по всей вероятности, располагалась МТС, так как по окраинам хутора были разбросаны комбайны, плуги, бороны, конные грабли и другой сельскохозяйственный инвентарь. Наверное, не успели все это эвакуировать. Гражданского населения на хуторе не было.

... Запомнилась еще одна картина. Возле подбитых немецких танков все время толпились военные. Когда мы подошли к месту боя, то увидели: у трех танков люки были открыты, из танков были выброшены на землю подушки и какие-то узлы с домашним барахлом. Здесь же лежали убитые немецкие танкисты, причем кто-то из наших шутников умудрился выложить из немецких трупов фашистскую свастику: тела были уложены крестом, а ноги в коленях согнуты, поэтому все вместе напоминало зловещего фашистского паука.

... Вечером нас вновь построили в колонну по четыре человека в ряд. В центре поместили обоз, повозки с ранеными, кое-каким провиантом, сзади шли запряженные лошадьми восемь 76-мм пушек со снарядами ящиками. Мы с молчаливого согласия командиров уложили на повозки свои вещмешки и ПТР, шагая сбоку повозки (уж очень они нас измотали в последнее время). По колонне был отдан строжайший приказ: не курить, громко не разговаривать. Двинулись в темноте вперед. Часа полтора шли без приключений. Настороженность, с какой мы вышли из хутора, как-то сама по себе ослабла. То там, то здесь, втихомолку, в рукав, стали покуривать. Раздавался, хотя и шепотом, но грозный окрик командира и такая драгоценная сигарка тушилась.

Ближе к рассвету по колонне раздалась команда (конечно, опять шепотом): «Приготовиться к бою!» Мы приближались к селу, которое по данным нашей разведки, было занято немцами. Нам предстояло выбить врага из села и, как считало командование, мы вырывались из окружения. Об этом мечтали и мы. Но не так-то оно было в действительности. Уже после войны, изучая ее историю, я к своему ужасу узнал, что к тому времени, то есть к

8 июля 1942 года, немецкие войска вышли в большую излучину Дона, прорвались к Ростову, Дону, завязали бои на ближних подступах к Воронежу.

Но мы-то в те июльские дни ничего об этом не знали. И были уверены: достаточно прорвать фронт у этого безымянного (названия его мы не знали) села и будем у своих. С воодушевлением мы бросились на штурм села. Идущие сзади пушки открыли огонь по селу, несколько хат загорелись и осветились своим огнем окружающую местность. Чтобы легче было бежать в атаку, мы сбросили на повозки даже свои шинели, схватив автоматы и карабины, бросились на штурм села. Немцы опомнились, открыли по нам страшный минометный и пулеметный огонь, начался обстрел и вражеская артиллерия. Атака захлебнулась, мы залегли. Наши пушки прекратили огонь: кончились снаряды. Через некоторое время позади нас раздались взрывы: это батареи подрывали бесполезные уже семидесятишестимиллиметровки.

Канонада немцев прекратилась и из села на нас поползли немецкие танки, стреляя на ходу трассирующими пулями из пулеметов. Пришлось отползать назад. Где наши повозки, где обоз и командование – трудно было разобрать в этой панической неразберихе. Одна из пуль скользнула по моей левой ноге, я только почувствовал, что как будто кто-то раскаленным железным прутом провел мне по левой ноге. Задрав штанину, я быстро перевязал рану индивидуальным пакетом. Счастье, что не задета кость.

... Постепенно рассветало. Огонь не прекращался, мы продолжали отходить. Многие друзья сложили здесь голову. Особенно опасны нам были танки: ружья остались на повозках, а противотанковых гранат было мало. Наконец, мы сгрудились на дне какого-то глубокого оврага. Таких оврагов здесь, в Харьковской области, было немало. Глубина их доходила до 10-12 м. Это были хорошие препятствия, непроходимые для танков. В одном из таких оврагов мы и очутились после неудачной атаки

села. Собралось нас здесь человек 200. Оказавшийся здесь же какой-то майор объяснил, что в сложившейся обстановке такой большой группой нам из окружения не вырваться и предложил разбиться на небольшие группы по 4-5 человек и пробиваться на восток. Идти надо по ночам, ориентируясь по звездам, а днем надо переждать где-то в укромных местах.

Итак, мы начинаем в условиях окружения двигаться на Восток небольшой группой. Нас четверо: Женя Китин, Борис Бураков, я и еще один наш ярославец, фамилию которого я, к сожалению, уже забыл¹⁹⁵.

17 июля 1942 года. Село Колодезный Хутор

Совершилось самое страшное, о чем мы с тревогой думали все эти последние дни. Мы попали в плен.

... После неудачного прорыва мы разделились на группы и стали пробираться на восток. Шли ночами, ориентируясь по Полярной звезде.

К нашему счастью июль стоял безоблачный, и ночью легко было различить на небе ковш Большой Медведицы. Северную Полярную звезду, а по ней и Запад, и Восток. Ночи были теплые, лишь под утро начиналась прохлада. Но зато днем мы мучились от жары: на небе ни облачка, солнце палит нестерпимо. Мучаясь от жары и духоты, мы днем отлеживались где-нибудь посреди пшеничного поля, в стороне от дорог. За ночь старались набрать полные фляжки воды, если попадалась на пути вода, напиться досыта, смочить свои гимнастерки. Обычно искали воду под утро где-нибудь в овраге.

Еще перед выходом из хутора на прорыв 8 июля нам роздали сухари, и в наших противогазных сумках лежало по несколько десятков ржаных сухарей. К тому же у нас оставались еще недоглоданные корочки от свинины, которую мы варили в дубо-

¹⁹⁵ В письме учащимся школы №53 г. Ярославля, написанном 25 января 1986 г., А. В. Федоров указывает, что это был Николай Смирнов.

вой роще. Этот провиант и помог нам держаться первые дни. На второй или на третий день мы подошли к небольшому селу и тихонько постучались в крайнюю хату. Хозяйка открыла, но в дом нас не пустила. Она вынесла нам чугунок вареной картошки и буханку хлеба. Больше у нее, как она сказала, ничего не было. Кроме того, в селе стояла немецкая часть, и мы постарались убраться в поле.

Двигались мы по ночам в стороне от дорог, обходили все населенные пункты. Слышали иногда крики, плач, выстрелы, но близко к селу подходить опасались. Наша цель была – пробиться на Восток, к своим.

... 15 июля как только наступила темнота, двинулись в путь. За ночь мы, по нашим расчетам, проходили по 25-30 км. Эта ночь была какая-то особенная. Уже около полуночи мы услышали на горизонте выстрелы. Сначала одиночные, а затем очереди автоматов и пулеметов. Выстрелы раздавались все громче, а затем на горизонте появились вспышки разрывов снарядов, ракет. Чем ближе мы подходили, тем явственнее слышались звуки боя.

«Ну, кажется, мы подошли к линии фронта!» - обрадовались мы. Зная, что такое прифронтовая полоса, соблюдая осторожность, мы стали продвигаться медленнее, все чаще и чаще останавливаясь и прислушиваясь к грохоту боя. Решили взять немного правее, чтобы перейти линию фронта в более спокойном месте. Впереди заблестела полоска воды, повеяло прохладой. Через километр мы вышли очень осторожно к реке. В ширину было метров 200-300. Бой с левого фланга внезапно прекратился, лишь кое-где раздавались очереди из немецких автоматов и одиночные выстрелы из винтовок. Что там происходит, мы не знали. Просто мы решили, что вышли на линию фронта и это обычная перестрелка. Берег реки, к которому мы почти подползли по-пластунски, был заболоченный с высокой травой, и мы решили, что немцы просто не выставили своих дозоров здесь и нам повезло. Выйдя на берег, с полчаса лежали не шелохнувшись. Затем шепотом стали решать как переправиться на другой

берег. Кругом стояла тишина, поэтому решили сделать разведку по берегу. Метрах в 20 обнаружили приткнувшееся к берегу бревно. Разделись догола, связали свою одежду в узелок и тихо спустившись в воду, поплыли к противоположному берегу. Двое плыли по одну сторону бревна, держась одной рукой за бревно, двое плыли по другую сторону бревна. Узелки с одеждой прикрепили сверху бревна брючными ремнями. Плыли тихо и медленно, а поэтому и долго.

Наконец, бревно уткнулось в противоположный берег, мы оделись и, соблюдая все предосторожности, двинулись дальше. Напряжение было столь велико, что когда мы, пройдя километра два от берега, соблюдая исключительную осторожность, остановились на привал и присели, то мгновенно заснули. Тем более, что в наше сознание проникла предательская мысль: мы перешли линию фронта. Иначе говоря, мы просто потеряли чувство бдительности, которое так поддерживали все эти дни. Да и что с нас было в то время взять: большого опыта жизни мы еще не имели, многим только что стукнуло по 19 лет.

... Проснулись мы от криков на незнакомом языке. Когда мы вскочили на ноги, возле нас уже стояли три немецких автоматчика с наведенными на нас автоматами. Наскоро подхватив ботинки, мы под окрики солдат двинулись вперед. Один из конвоиров шел впереди, а двое сзади. Так мы оказались в плену. Это произошло недалеко от реки Калитва, в нескольких километрах от села Колодезный Хутор. Это страшное утро 16 июля 1942 года мы не забудем никогда. У меня страшный кошмар плена продолжался два с половиной года, до 27 января 1945 года¹⁹⁶.

... Немцы нас почему-то сразу не обыскали. Видимо, считали, что серьезной опасности мы для них не представляли: оружия припас не было, даже шинелей и вещмешков мы не имели.

¹⁹⁶ 28 января 1945 г. А. В. Федоров бежал во время транспортировки военнопленных в Судетской области Чехословакии. Он воевал в составе чехословацкого партизанского отряда Яна Горбачеха. Войну закончил 9 мая 1945 г. в Праге.

Наши ПТР остались в ту несчастную ночь на повозках, когда мы рванулись в атаку. Карабины и один автомат пришлось впоследствии выбросить в пруд, так как патроны к ним кончились, и они уже не имели никакой ценности. Перед тем как утопить оружие, мы предварительно вынули из него затворы и забросили в пруд отдельно.

... Конвоиры привели нас в небольшое село (это был Колодезный Хутор) и загнали в помещение полуразрушенного двухэтажного барака. Здесь уже было человек 250-300 таких же горемык.

Мы понемногу разговорились с пленными. Оказалось, что они попали в плен тоже в результате облавы. Грохот боя и выстрелы, которые мы слышали ночью и приняли за фронт, был не чем иным, как попыткой небольшого отряда прорваться через мост, который охраняла немецкая рота. Вот они-то и открыли такой огонь по отряду почти безоружных советских солдат. Часть была убита, остальные попали в плен. Только немногие ушли. Из разговоров выяснилось, что немцы прорвались далеко на восток и прут на Сталинград. Наши отступают, но, несмотря на яростное сопротивление советских войск, немцам удалось много наших войск взять в окружение и сейчас облавами они вылавливают наших бойцов.

В здании, куда нас загнали, на первом этаже вовсе не было деревянного пола, это было помещение какого-то склада. Здесь нам и пришлось провести первую ночь. По молчаливому согласию мы возле стены, где располагались, зарыли в землю завернутые в непромокаемую бумагу наши комсомольские билеты. Это была вынужденная мера. Еще днем немцы на глазах у всех пленных расстреляли двух политруков (их немцы определили по звездочкам на рукаве гимнастерки) и четырех евреев. На евреев у немцев был какой-то особенный нюх, и они с ходу определяли принадлежность пленного к еврейской нации.

Ночь спать, конечно, не пришлось. Мы никак не могли опомниться, не могли понять, что же с нами произошло. Каждый

считал себя перед друзьями в чем-то виноватым. Поэтому почти не разговаривали, а думали, думали, думали. Все пронеслось в голове за эту тревожную ночь: и детство, и учеба в авиашколе, и первые бои с немцами, и попытка прорыва, и... факт пленения. Казалось, что где-то мы допустили ошибку, где-то оплошали. Но где и как не могли найти ответа.

... И вот настало первое утро плена, 17 июля. Только сейчас вспомнили, что последние два дня мы ничего не ели, ни крошки не было во рту. И как назло, так захотелось есть. Вокруг нашего сарая ограды пока не было, и немцы разрешали ходить за водой, пить из водопроводной колонки, которая располагалась метрах в 100-150 от барака. Недалеко от колонки стоял немец с автоматом. Но здесь же брали воду и местные жители.

Жене Китину удалось договориться с одной женщиной, и она принесла буханку хлеба за часы, которые ей отдал Евгений. Немцы все равно бы их отобрали.

... С первого дня плена у нашей четверки установился железный закон «все добытое делим поровну на каждого». В дальнейшем этот принцип спас нам жизни. Подкрепившись, мы ничего не оставили от нашей выручки: доели все до крошки. Неизвестно, что будет завтра, будем ли мы живы или нет, но то, что сегодня мы имели, мы не жалели.

Так начались наши скитания и страдания в гитлеровском плену.

8 августа 1942 года

Сегодня нас угоняют колоннами по 5 000 человек из лагеря Волошино Ростовской области. Сюда попали под конвоем из села Колодезный Хутор. Там после страшной ночи 16 июля пробыли два дня. Собралось человек 250-300 пленных, в том числе человек 30 раненых, несколько командиров. Мы ведь тоже были младшими командирами - нам еще в Прохладной было присвоено звание «сержант».

Утром 18 июля всех построили в колонну по пять человек в ряд, несколько раз пересчитывали и погнали от села на запад. Шли мы не по дороге, просто по полю вдоль дороги. Жара стояла невыносимая. Хотелось пить, но фляжек у нас не было: немцы отобрали их еще в момент пленения. Раненых везли позади колонны на трех повозках. Колонну сопровождали несколько немцев с автоматами и овчарками. А между ними сновали полицейские в черных суконных брюках и таких же куртках, коротких немецких сапогах и с белыми повязками на левой руке. Впервые здесь нам пришлось познакомиться с прихвостниками гитлеровцев, предателями советского народа – полицейскими. Гитлеровцы, очевидно, не очень-то доверяли им. Вооружены они были немецкими винтовками, но патронов им немцы не давали. Всю дорогу конвоиры-немцы беспрестанно трещали из своих автоматов, пристреливали отставших и упавших от бессилия пленных, полицейские же всю дорогу не сделали ни одного выстрела, хотя прикладами колотили с особым усердием.

Наша четверка держалась вместе. Пятым к нам примкнул еще один молодой боец из 18 истребительной бригады. Крепко взявшись за руки, мы брели в центре колонны по пыльному сухому полю.

За весь длинный день на пути встретилась лишь лужа с грязной водой. Чтобы не запачкать своих ног, немцы отошли немного в сторонку от колонны. Мы этим воспользовались, бросились на землю и буквально вылизали всю воду. Задним рядам уже ничего кроме мокрой грязи, не осталось. Они на ходу хватали ее руками, запихивали в рот, отсасывали и выплевывали.

К вечеру мы вошли в большое село. Пройдя по его почти пустынным улицам, вышли на западную окраину. Позднее узнали название села. Это имя уже никогда не исчезнет из памяти у тех, кто побывал в этом Волошине.

На берегу небольшой речушки Полной был расположен лагерь военнопленных. На площадке примерно 200 на 400 метров,

огороженной двойным рядом колючей проволоки, уже находилось несколько тысяч военнопленных.

Нашу колонну подвели к воротам лагеря, несколько раз пересчитали. Часть конвоиров куда-то ушла. Мы стояли на жаре возле ворот около часа. Снова появились немцы, среди них были и новые во главе с офицером. Опять началось пересчитывание. Казалось, что на нас они никакого внимания не обращают, что перед ними не люди, а стадо скота. Вообще, мы уже заметили и позднее в этом убедились: немцы очень любят считать. Наконец, ворота открылись и нас загнали на территорию лагеря. Повозки с ранеными остались посреди села у двухэтажного деревянного здания школы. Там, якобы, немцы разместили «госпиталь».

Среди раненых был и командир нашего взвода лейтенант Филиппов. Больше с ним нам не пришлось встретиться.

Началась наша тяжелая жизнь в первом гитлеровском лагере Волошино. В нем, на такой маленькой территории, под открытым небом, прямо на земле, размещалось около 30 000 наших советских людей. Спали на земле, совершенно голой, без единой травинки. К счастью, первые дни было сухо, ни единого дождика. Земля за день раскалялась как камень. Жажду утоляли здесь же в лагере, из речушки, на берегу которой мы размещались. По самому берегу, на косогоре, полицаи приказали вырыть глубокие канавы. Это были туалеты, где справляли нужду военнопленные. Постепенно они переполнялись, и жижа из них стекала прямо в речку. И чтобы зачерпнуть котелок воды, приходилось заходить подальше от берега, почти по грудь и там брать чистую воду. Далеко заходить было опасно: немцы с восьми вышек, установленных вокруг лагеря, пристреливали смельчаков, которые уходили далеко от берега. Такие случаи повторялись ежедневно, и трупы плыли дальше, а свободные от вахты конвоиры тренировались по ним из автоматов.

Спали мы «калачиком»: один клал голову на ноги рядом лежащего, а на его ноги клал голову другой товарищ. Получался маленький замкнутый кружок, когда каждый под головой имел

ноги своего товарища. Так было удобнее: и теплее, и хоть что-то было под головой. Шинели ни у одного из нас не было, ее мы приобрели позднее.

Первые пять дней немцы нас совсем не кормили. Правда, два раза в день (утром и днем) к проволоке извне подъезжали два грузовика, и полицейские из кузова лопатами перебрасывали через забор подсолнечные семечки. При этом немцы-конвоиры собирались, как на спектакль и хохотали, когда голодные пленные бросались к колючей проволоке, подставляли котелки, пилотки, а иногда и просто протянутые ладони, чтобы поймать хотя бы десяток-другой семечек.

После каждого «кормления» у проволоки оставались лежать тела раздавленных людей. Специально выделенная «похоронная команда» на больших телегах каждый раз вывозила за ворота лагеря по 30-40 трупов. И таких рейсов похоронникам приходилось за день делать пять-шесть. Люди умирали от голода, от жажды (некоторые уже не могли добраться по крутому берегу до воды), от дизентерии, от пулевых ранений от конвоиров. Некоторые пленные скрывали от немцев свои раны и пытались лечить их в лагере. Здесь огромную помощь им оказывали наши медики, тоже оказавшиеся в неволе. Они каждый день обходили территорию лагеря и собирали у пленных индивидуальные пакеты, чтобы делать перевязки и помогать раненым. Но медикаментов было крайне недостаточно: только бинты и чудом где-то раздобытый йод.

Уже с первых дней пребывания в лагере чувствовалось влияние каких-то неизвестных людей. Некоторые люди ходили между пленными, вели беседы, спорили, успокаивали, вселяли уверенность, даже кое-чем помогали ослабевшим. В лагере шли горячие споры, иногда доходящие до драки. Небольшая часть пленных явилась в лагерь, как в гости: у них были полные рюкзаки продуктов, махорки. Как будто специально и заранее они готовились к сдаче в плен. Они каждому проходящему лицу показывали листовки-пропуска, но те первое время про-

сто от них отмахивались. Через некоторое время в лагерь зашли немцы с переводчиком, отобрали человек 15 предателей и увели с собой. На другой день эти бывшие пленные уже вернулись в лагерь в форме полицаев и стали наблюдать за порядком внутри лагеря. Они уводили за проволоку, в комендатуру подозрительных (комиссар или еврей??). Большинство уведенных в лагерь не возвращалось.

Вот с ними-то, с новыми полицейскими, пленные и начали молчаливую борьбу. Как только полицаи подходили к пленным, те замолкали и отворачивались от них. Один полицай был обнаружен в канаве с экскрементами (в туалете) с проломленным черепом. После этого случая полицаи боялись заходить в лагерь, а если и заходили, то только вдвоем и с оружием.

Через пять дней немцы наладили питание. В углу лагеря, ближе к комендатуре и выходу, были вмазаны в кирпичные стенки пять больших чугунных котлов (такие котлы бывают в русских банях). Выделенные полицаями из среды пленных повара каждый день засыпали в эти котлы проросшую пшеницу, заливали водой, распаривали разведенным под котлами огнем и раздавали ее пленным.

Перед обедом немцы и полицаи строили нас в колонну по пять человек в ряд, и мы медленно проходили между котлами кухни. Повара черпаками на толстой длинной палке черпали из котла пшеницу и ссыпали ее в подставленные котелки и пилотки. Часто бывало и так, что нерасторопный бедняга спотыкался, рассыпал на землю свою порцию, да еще вдобавок получал от повара удар черпаком по спине, а иногда и по голове. Стоящие поодаль немцы внимательно следили за порядком.

И начиналось самое ответственное дело: мы усаживались на свое место на земле, выбирали из котелка каждое зернышко по отдельности и отправляли его в рот. Обед затягивался иногда на час-полтора. Норма выдачи – двухсотграммовая армейская кружка, закрепленная на конце черпака у повара. Целыми днями

дымились костры под котлами, целыми днями тянулась очередь пленных к кухне за своей порцией пшеницы.

Немцы и полицаи очень внимательно следили за тем, чтобы пленные не получали питание вторично. Надо было иметь большую выдержку, чтобы кушать по одному зернышку, тщательно его пережевывая. Некоторые не выдерживали, сразу глотали свою норму, а затем в туалете оправлялись желтой слизью с целыми зёрнами.

Это был страшный лагерь. И все-таки мы выдержали. Сумели даже на четверых разжиться одной шинелью. В одну из ночей лежащий рядом с нами пожилой пленный умер. Утром, обнаружив его смерть, мы сняли с трупа шинель, забрали котелок, ложку и его жиденький вещмешок. Пусть простят нам люди это преступление, но иначе тогда мы поступить не могли: у нас не было ни одной шинели и только два котелка на четверых. Могильщики все равно раздевали наголо всех умерших пленных, а обувь и одежду продавали местным жителям. Это был их «бизнес». Так что наш поступок не был мародерством, это была жизненная необходимость. Приобретенная шинель нам здорово помогла. Ведь спать ложились прямо на землю, укрыться тоже было нечем. Когда обзавелись шинелью, стало лучше: теперь ложились рядышком, плотно прижавшись друг к другу и укрывались все пятеро одной шинелью. Крайним доставались только уголки полы шинели, поэтому мы каждую ночь менялись местами. Самое счастливое место было посередине: здесь и тела товарищей согревают с боков и кусок шинели сверху самый теплый, даже с ватной подкладкой. Поэтому, соблюдая равноправие, мы каждую ночь менялись местами, а среди ночи по команде поворачивались с одного бока на другой.

... Появилась мысль о побеге из этого ада, но осуществиться она не могла. Несколько человек пытались ночью бежать через речку. Но обнаруженные прожекторами с вышек и дополнительными постами на том берегу, они расстреливались здесь же на месте. Больше того, вместе с ними погибали те, кто лежал

близко к берегу, так как немцы поливали огнем пулеметов не только поверхность реки, но и часть берега.

... Не помню точно, но, кажется, числа 23-24 июля с обеда зарядил дождь. Шел он беспрерывно до самого вечера. Мы успели получить свою порцию пшеницы и стоя съесть ее. Вымокли мы до нитки. Мы еще тогда не имели и той единственной шинели, на нас были только гимнастерки, шаровары и ботинки. Замечу, для того чтобы немцы не отобрали у нас ботинки, мы разрезали носки ботинок ножом. Такими ботинками немцы и даже полицаи не интересовались. Это нас и спасло.

Дождь превратил землю в сплошное черное месиво. По колено в грязи мы стояли, крепко прижавшись друг к другу, дрожали, и лишь теплом своих тел обогревали друг друга. Пилотки развернули и натянули на самые уши. Можно представить нас в таком виде. Весь лагерь, все тридцать тысяч пленных стояли, прижавшись друг к другу. В лагере вообще было тесно, как на большой толкучке. Мы с тревогой ожидали наступления вечера. Обычно немцы сигнал к отбою давали пулеметными очередями со сторожевых вышек. Пули летели над самыми головами и невольно прижимали нас к земле. Чувствуя, что и сегодня будет то же самое (немцы отличались особенной пунктуальностью) мы присели на корточки, ложками разгребали под собой небольшую площадку земли около квадратного метра, добрались до сухой земли и сели на нее спинами друг к другу. Долго в таком положении мы не спали. Слышали и видели отбой, стоны и проклятия в адрес фашистов.

Ночью, когда удалось немного вздремнуть, мы невольно растянулись и наши ноги оказались в толще грязи. Кто знает Украину, степь с ее черноземными землями, тот может себе представить, что из себя представляет земля здесь после 4-5 часов непрерывного дождя.

Из-за холода долго спать не пришлось, и уже за час до рассвета весь лагерь был на ногах. Все взоры были устремлены на восток. Туда, где всходит солнце. Его-то и ждали с таким нетер-

пением поднявшиеся на ноги тысячи военнопленных. Часовые на вышках не понимали, что происходит в лагере и время от времени выпускали пулеметные очереди в воздух. Они и сами, видимо, чувствовали себя неуверенно.

Наконец, постепенно стало светлеть на горизонте. Над всем лагерем поднималось облако какого-то тумана. Это высыхала одежда на телах несчастных людей. То там, то здесь виднелись скрюченные фигуры лежащих на земле людей: эти уже никогда не поднимутся. Их убил злосчастный дождь, их убил фашизм.

Наконец, на горизонте блеснули первые лучи солнца, и по всему лагерю раздалось многотысячное «ура». Люди плакали, обнимались, вверх летели пилотки, пленные размахивали руками.

Немцы испугались. Не ожидая такого единодушия и не понимая, что происходит в лагере, они открыли пулеметный огонь с вышек. Правда, стреляли в воздух. Из караульного помещения, из комендатуры бежали заспанные конвоиры и полицаи.

А над лагерем по-прежнему гремело «ура!!!». Казалось, люди идут в атаку. Все промелькнуло в сознании: и радость восходящему солнцу (оно обогревает наши промокшие, застывшие тела), и то, что солнце всходило именно на востоке, там, где была Родина, где сражались наши товарищи. Когда солнце полностью вышло из-за горизонта, лагерь постепенно успокоился, ошарашенные полицаи и немцы вернулись в комендатуру. А люди в лагере по-прежнему стояли лицом к востоку. Наверное, все в эти минуты думали о своей судьбе и о судьбе нашей Родины. Как-то и настроение поднялось. Ведь показали мы немцам, что истощенные, голодные, избитые и беззащитные, мы показали такое единодушие. В это время и солнце как-то необыкновенно грело.

Постепенно, уже к обеду обсушились, отряхнули с себя присохшую к одежде грязь, повеселели. И к кухне за своей порцией пшеницы колонна шла как-то необычно, не уныло, как прежде, а

с гордо поднятыми головами. Зато в этот день еще свирепей были полицаи, повара, немцы.

Они налево и направо раздавали зуботычины, повара своими черпаками вместо порции пшеницы то и дело раздавали удары по головам не понравившихся им пленным. Видимо и до них дошло, что мы не склонили голов, не превратились в покорных рабов, мы еще имели силы для борьбы. Они ведь думали, что мы из-за порции пшеницы, из-за более удобного места на ночлег передеремся, начнутся потасовки, вражда. Но этого не случилось. Чувствовалась умелая рука чьих-то невидимых лиц, которые вселяли в нас веру, призывали не склонять головы, не терять человеческий облик.

И вот в эти же дни полицаи решили провести еще один эксперимент, чтобы посеять ужас в сознание людей. Через день после дождя полицаи привели в лагерь шесть старых евреев: три старика и три старухи (им было, наверное, не меньше семидесяти лет). Они с трудом передвигали ноги под ударами плеток и прикладов конвоиров-полицейских. Метрах в 10 от входных ворот, на берегу речки их заставили руками вырыть норы. Затем полицаи на виду у всего лагеря заставили евреев раздеться наголо, забрали их одежду, а несчастных людей загнали в речку. Они, видите ли, производили «крещение» и превращали иудеев в христиан. После «крещения», то есть окунания с головой в грязную воду, евреев загнали в эти норы до вечера. Вечером процедура повторилась. Кто-то из пленных вечером после очередного издевательства над несчастными людьми крикнул: «Ничего, товарищи! Палачи за все ответят перед советским народом!» Звонкий твердый голос услышали сотни пленных, услышали это грозное предостережение и полицаи. Они бросились на голос, раздавая налево и направо удары, но того, кто кричал, не нашли. Со злостью пять полицаев с плетками начали избивать упавшего им под ноги пожилого пленного. Тело несчастного уже не дергалось, а палачи все еще продолжали с ожесточением и матерщиной наносить удары. Предупредив, что и с остальны-

ми «сталинцами» будет то же самое, полицаи удалились из лагеря. К евреям приказано было не подходить.

Так продолжалось три дня. Утром и вечером полицаи загоняли стариков в речку, «крестили» их, затем загоняли мокрых и голых в их норы. Утром на четвертый день евреи не могли уже подняться из своих землянок, несмотря на то, что полицаи особенно старались своими плетками.

Палачи ушли за ворота, но через полчаса вернулись с лопатами. Даже не посмотрев живы или нет их жертвы, полицаи зарыли норы. Стоны из-под земли слышны были еще некоторое время, но к вечеру постепенно все стихло. Это изуверство палачей не сломало нашу волю. Наоборот, у всех сжимались кулаки только при виде полицаев и, если бы они не ходили по лагерю вдвоем-втроем, то, наверное, с ними бы тоже расправились. Но мы были безоружны, и лишь злоба и ненависть к врагу все больше аккумулировалась в нашем сердце. Этого мы не забудем никогда! Придет и на нашу улицу праздник! Палачи понесут заслуженную кару! Так мы думали.

Начиная с 6 августа, немцы стали угонять пленных из Волошинского лагеря на запад. Строили колоннами по 5 000 человек, выдавали при выходе из лагеря пайку хлеба (!!!) в 200 граммов и, окружив плотным конвоем, гнали нас в неизвестном направлении.

Знали мы только одно: гонят на запад. Наш путь: Волошино – Чугинка – Червоный Жовтень – Дмитровка – Новойдар (мост через реку Айдар) – Новахтырка – Сиротино – Лисичанск.

Август-ноябрь 1942 года. Лагерь Бердичев

Выйдя большой колонной из Волошина, мы направились проселочными дорогами на Запад. За день проходили по 25-30 километров. Вечером в каком-нибудь населенном пункте нашу колонну останавливали и загоняли в специально огороженные места на краю деревни. Население этого села собирало хлеб, вареную картошку, варили из пшеницы и пшена нечто вроде похлебки и все это выдавалось нам у ворот этого лагеря.

Наливали полные котелки, бросали в подставленные пилотки 2-3 вареные картофелины, кусок хлеба. Это уже было более или менее сносно. А когда мы проходили днем через населенные пункты, несмотря на окрики конвоиров, автоматные очереди, лай собак-овчарок, местные жители выстраивались возле своих домов и бросали в колонну пленных куски хлеба, кочаны капусты, морковь, картофель. Все это на лету ловилось пленными. Мы по-прежнему придерживались принципа товарищества: что тебе досталось, делить на всех пятерых.

Идти было трудно. Нещадно палило солнце, силы иссякали, но остановиться было нельзя. Немцы пристреливали отставших, упавших от усталости. То и дело сзади раздавались то одиночные выстрелы, то сразу короткая очередь из автомата. Наш путь был буквально усеян трупами пленных. 12 августа, на седьмой день пути, мы пришли в город Лисичанск Ворошиловградской области. Мы совершили переход длиной почти в 150 км. За весь путь следования мы потеряли около тысячи человек, часть была убита, часть сумела убежать (такие случаи были, особенно когда мы проходили по узким улочкам сел и городков).

В Лисичанске, недалеко от каменноугольной шахты, на склоне горы был расположен большой лагерь. Его огромную открытую площадку опоясывали два ряда колючей проволоки, высокие вышки с пулеметами и прожекторами. Кормили здесь знаменитой баландой. Это смесь нечищенной, а иногда и немытой картошки, брюквы, капусты, моркови и немного необработанного проса. Все это привозилось машинами, сваливалось на землю и лопатами загружалось в огромные чугунные нелуженые котлы. Под котлами постоянно горел огонь. Баланду выдавали на обед, утром мы получали кружку какой-то темноватой жидкости (немцы называли ее «кофе»), кусок хлеба из опилок граммов 200. Вечером чай – чуть подогретая водица без сахара. Хлеб мы сразу же съедали утром вместе с кофе, так как выдержки сохранить его до обеда не хватало. Пленных в лагере было много, тысяч 20-30, но постепенно часть куда-то увозили, а новые пар-

тии пленных прибывали. В центре лагеря постепенно образовался своеобразный рынок. За шинель здесь можно было выменять 5-6 паек хлеба и котелок баланды, можно было купить кое-что и за деньги. Но ходили только советские деньги достоинством 10, 30, 50 и 100 рублей, то есть знаки с портретом В. И. Ленина. Рубли, тройки и пятерки хождения не имели.

Мы бывали на рынке ради любопытства, денег у нас не было и обменивать было нечего. В обмен шли шинели, гимнастерки, брюки, ботинки, а некоторые тайком от полицаев предлагали даже ручные часы.

Недолго пробыли мы в Лисичанске. Через неделю и нас построили в колонну и повели к железнодорожному вокзалу. Он был почти рядом с лагерем. Здесь нас погрузили в товарные вагоны-телятники и повезли куда-то. Маленькие окошечки под самым потолком вагона были перегорожены колючей проволокой. Высовываться в окна было опасно: конвоиры стреляли без предупреждения. Приходилось подсматривать на ходу.

В небольшой двухосный вагон грузили по 50 человек, поэтому было так тесно, что можно было только стоять или сидеть на корточках, подобрав под себя ноги. Деревянная параша стояла возле двери, чтобы справить нужду, приходилось пробираться к двери, перешагивая через людей. Суета, ругань, стоны, проклятия в адрес немцев.

На станции состав простоял часа два, затем двинулся в путь. Перед отправлением немцы открыли дверь вагона и бросили прямо к параше 10 небольших хлебцев весом примерно по килограмму. Хлеб для нас был самым ценным предметом, поэтому под строгим контролем окружающих буханочки распределили на пятерки, и каждая из них делила между собой драгоценный хлеб.

... Ехали мы довольно долго, около 10 дней. Почти на каждой станции – остановка. Выглядывать в окошечко было опасно, поэтому на остановках мы кричали местным жителям, спрашивая их название станции. Оказалось, что нас везли через тер-

риторию Донбасса на запад. Местные жители пытались даже кое-что спросить у пленных, немцы-конвоиры отгоняли их от состава. Иногда даже раздавалась ругань, слышались одиночные выстрелы и очереди из автоматов.

Один раз в сутки нам выдавали ту же буханочку круглого хлеба, для питья выводили на некоторых станциях из вагона и гнали к водопроводной колонке здесь же на путях. Надо было быстро, за каких-нибудь 8-10 минут всем напиться и еще набрать к себе в вагон воды, поэтому вначале возле колонки возникали скандалы, ругань. Но постепенно мы навели порядок и договорились устанавливать очередь еще в вагоне. Так как уже сама обстановка разделила нас на пятки, то мы вперед ставили с котелками по одному человеку от каждого пятка. Они первыми напивались, набирали воды в котелки, а затем уже по очереди шли остальные. Такой порядок не очень-то радовал немцев. Ведь они рассчитывали, что между нами будут скандалы, даже драки из-за капли воды, и первые дни радовались этому. Когда же во всех вагонах установился порядок, то у немцев испортилось настроение: они уже не смеялись и не фотографировали свалки у колонки, а хмурились и сократили время питья до 5-6 минут.

Видя порядок в одном вагоне, постепенно и другие вагоны так же поступали. Это позволяло всем быстро напиться и взять небольшой запас воды в вагон. Так как поили нас раз в сутки, то такой запас воды был очень кстати. Не все пленные смогли выдержать этот этап по железной дороге. В каждом вагоне были умершие, обессилевшие. В нашем вагоне к концу пути трое пожилых пленных (по 40-45 лет) умерли. Умерших немцы просто на остановках выбрасывали из вагона. Кто их хоронил и как, мы не знали.

... Наконец мы прибыли в лагерь города Бердичев. На территории небольшого бывшего военного городка раскинулся лагерь советских военнопленных. Они размещались в двух трехэтажных кирпичных казармах и нескольких деревянных одноэтаж-

ных бараках. Здесь лагерь функционировал еще с 1941 года и был выработан определенный режим.

Подъем немцы устраивали в 6 часов утра. Независимо от погоды все должны были быстро покинуть помещение, выбежать на площадь и построиться для проверки. Строились в шеренгу по 5 человек в ряд. Начиналась проверка. Десятки раз полицаи пересчитывали колонну, затем докладывали старшему полицаю. И только после 1,5-2-х часового стояния нас вели на кухню, где мы получали кружку «кофе» и буханку хлеба на пятерых. В обед опять строили, чтобы получить литр баланды. На ужин - литр чуть-чуть подслащенного сахарным буряком чая.

У нас окончательно сформировалась постоянная пятерка: нас четверо бывших курсантов ЯВАШСБ и молодой солдат из 18 бригады. Мы обзавелись нехитрым имуществом: каждый имел по шинели, котелку, ложке и вещмешку. Часть удалось выменять у полицаев и могильщиков на наши ботинки, хотя они и были у нас еще раньше разрезаны на носках. Мы в Дундуковской, перед отправкой на фронт, получили добротные кожаные ботинки. И вот здесь в Бердичеве нам удалось сделать обмен: вместо своих ботинок мы получили обувь похуже, но в придачу получили или шинель старенькую, или вещмешок. Обычно такой обмен производился с могильщиками. Они каждое утро вывозили за пределы лагеря большую телегу на двух колесах с трупами пленных, а прежде чем собрать умерших в братскую могилу (ров или просто канава), их раздевали наголо. Мертвым одежда не нужна, зато живые в ней крайне нуждались. Вот они-то, могильщики и производили обмен своих «трофеев» на более ценные вещи у пленных.

Были у нашей пятерки и свои весы. Они состояли из тоненькой палочки длиной сантиметров 20, посреди которой была привязана нитка сантиметров 10 с узелком на конце. К концам этого своеобразного коромысла привязывались две небольшие веревочки по 10-15 см с тоненькими деревянными кольшками на концах. Такие весы позволяли очень точно разделить буханочку

хлеба на пять равных частей. Получив утром по порции «кофе» и буханочку хлеба, мы шли на свое место и усаживались в кружок. Один из нас (делалось это каждый день по очереди) расстилал свой опорожненный вещмешок на землю и под внимательными взглядами друзей ножом сначала делал надрезы на буханке, замерял веревочкой, уточнял, а затем уже разрезал буханку на 5 частей. После этого начиналось взвешивание кусочков. Воткнув колышек весов в одну из паяк, а другой колышек – в другую пайку, уравнивал их, отрезая от одной и добавляя к другой. Одна из паяк отставлялась в сторону, а с оставшейся уравнивались остальные три пайки.

Когда эта процедура заканчивалась, один из нас отвергивался в сторону и на вопрос «Кому?» называл имя одного из нас: «Жене!», «Борису!», «Алексею!» и т. д.

Этот ритуал продолжался около часа и только после этого мы приступали к еде. Некоторые делили пайку (250 граммов) на две части, одну съедали утром, вторую днем с баландой. Пробовали и мы с Борисом так же делать, но ничего не вышло: дотерпеть до обеда не удавалось, как это мог делать Евгений. Опасности потерять пайку не было, так как ее мы тщательно завертывали в тряпочку и убирали в вещмешок. А вещмешок, шинель, котелок мы никогда и нигде не оставляли, всегда носили с собой.

... В Бердичеве, на площади между казармами, был большой базар. Пленных здесь было тысяч 30, поэтому целый день на базаре шла оживленная торговля. Это была обыкновенная толкучка, где можно было обменять все на все. Курящие пленные обменивали свои полпайки хлеба на 5-6 закруток махорки, меняли шинели, гимнастерки, брюки, ботинки, котелки, перочинные ножи, самодельные иголки, нитки из распущенных поясных ремней. Здесь же были и своеобразные мастерские, где с помощью простых инструментов (кусок железа и заостренный нож) из кусочка медной проволоки могли тебе сделать иголку с ушком. Здесь же играли в самодельное лото, а хозяин его брал с

играющих определенную плату. В карты играли только полицаи и повара.

Имели хождение советские деньги, но здесь брали только рубли, тройки и пятерки. Деньги с портретами В. И. Ленина (10, 30 и 50 рублей) из-под полы скупали повара, санитары и некоторые полицаи. Но большинство пленных старалось эти деньги не показывать. Ходили также немецкие «остмарки», но пленные их почти не брали.

Жили мы в кирпичном здании. Здесь на каждом этаже были установлены 3-х этажные нары по обе стороны с узким проходом посередине. Пленные спали вплотную друг к другу на голых деревянных нарах. Мы не снимали шинелей, только одну по очереди расстилали под себя, а того, кто спал эту ночь без шинели, клали посередине.

В 10 часов вечера над лагерем завывала сирена. По этому сигналу все должны были покинуть улицу и забраться в помещение на свои нары. Утром в 6 часов снова гремела сирена, по сигналу которой под ударами плеток полицаяв все мгновенно покидали помещение и выбегали на проверку. После того как последний раз пересчитывал на проверке старший полицай, выходил из караулки комендант лагеря, рыжий и высокий оберлейтенант. В сопровождении собаки он медленно обходил ряды выстроившихся пленных и время от времени останавливался напротив кого-либо, тыкал пальцем в грудь пленному и что-то выкрикивал своим хриплым голосом. Тот час же по приказу старшего полицейского несчастного пленного полицай выдерживали из колонны и гнали в карцер. Комендант не любил беспорядка и строго наказывал тех, кто не смотрел прямо, а опускал голову вниз.

... Из лагеря после утренней проверки и завтрака ежедневно брали 5-6 рабочих команд по 50 человек для работ вне лагеря. Пленные разбирали развалины зданий вблизи лагеря, расчищали дорожки, ухаживали за газонами около домиков охраны лагеря. Пленные стремились попасть в эти команды, так как там, за про-

волокой лагеря, имелась возможность общения с мирным населением. Абсолютное большинство советских людей, оказавшихся на временно оккупированных немцами областях, помогали пленным чем только могли, передавали некоторые сведения, помогали питанием. На разборке зданий вместе с пленными работало и гражданское население и здесь у них можно было что-нибудь обменять или попросить. Особенно ценным для нас были две вещи: махорка и горчица. Курящие пленные на базаре за 3-6 закуток махорки отдавали свою порцию баланды, а за 10-12 закуток – пайку хлеба. Горчица, которую мы у местных жителей покупали порошком в пачках, тоже имела большую ценность: ее разводили водой в котелке и продавали столовыми ложками. Пленные покупали ее, чтобы добавить в баланду и отбить тот противный горький вкус, которым она отличалась от обычной пищи. Положишь в нее ложку горчицы и есть уже можно. Столовая ложка горчицы на базаре стоила 2-3 закутки махорки, так что тот, кто за пределами лагеря сумел у гражданских за шинель выменять или за ботинки 2-3 пачки горчицы, становился своеобразным миллионером. Нашей пятерке долго не удавалось попасть в рабочую команду, но, наконец, мы попали в одну из них. В середине сентября нас погрузили на автомашины и под усиленным конвоем повезли. Через несколько часов мы прибыли в небольшой лагерь, расположенный в лесу. Это было недалеко от Бердичева, возле города Казатин (40-50 км от Бердичева). Здесь в лесном лагере размещалось человек 300 пленных. Охрана была исключительной: колючая проволока в три ряда, вышки с пулеметами и прожекторами и собаки-овчарки на проволоке вокруг всего лагеря. Под усиленным конвоем нас выводили в лес, где мы должны были работать на заготовке дров. Мы умудрялись «работать» так, что результатов почти не было видно. Двухручковой пилой, вдвоем, сидя (козуль не было) мы за день распиливали одно дерево на 4-5 плах. Конвоиры не беспокоились о нашей производительности труда, они только очень зорко следили за тем, чтобы никто из нас не убе-

жал. Они сами дрожали от страха: кругом был лес, и, кроме того, какими-то неведомыми путями до нас дошли сведения, что вблизи от лагеря действуют партизаны. Об этом знали, наверное, и немцы. Не прошло и недели, а нас неожиданно построили в колонну и быстрым маршем обратно повели в Бердичев.

На пути при выходе из леса произошел интересный случай. Мы шли по дороге, а по бокам, метрах в пяти от колонны, шли конвоиры с собаками. Собак на поводке вели немцы с автоматами, а между ними шли полицейские с карабинами. Один из полицейских нашел в канаве, по которой он шел какой-то участок пути, противопехотную гранату. На ходу подозвав своего товарища, он стал показывать свою находку. Раздался страшный взрыв, полицейский разнесло в куски. Пострадали и идущие в колонне пленные: двое были убиты, пятеро ранены. Поднялась паника. Не зная, что произошло, кто и что взорвал, немцы-конвоиры открыли огонь из автоматов поверх голов колонны и этим заставили всех лечь на дорогу. Пока разбирались (а немцы думали, что на колонну напали партизаны), часть пленных рванулась в сторону и, несмотря на огонь, сумела уйти в лес. Наконец, все успокоилось. Колонну вновь подняли, построили и повели дальше. Для устрашения пленных и для успокоения конвоиры почти непрерывно палили из автоматов одну очередь за другой. Собаки, возбужденные стрельбой, рвались с поводков на пленных. Останки полицейских и пленных закопали здесь же у дороги, раненных товарищей разместили на повозках позади колонны. Почему-то конвоиры побоялись на этот раз их пристрелить, как это они делали всегда.

... В Бердичеве опять началось однообразное времяпровождение. Утренняя проверка, завтрак, томительное ожидание обеда, баланда, ужин. В помещения днем заходить запрещалось, надо было целый день или мокнуть на улице под дождем или жариться на солнце.

В конце сентября нам опять «повезло»: опять мы попадем в рабочую команду. На закрытых машинах нас повезли куда-то и

тоже под еще более усиленной охраной. На каждой автомашине на краю борта сидело по два вооруженных автоматами немца-конвоира, а в кабине кроме шофера сидел третий конвоир с собакой. Позади колонны шла крытая автомашина с полицаями. Ехали мы около часа, затем разгрузились на окраине одной деревеньки. Здесь возле какого-то сарая получили в руки лопаты, начали копать узкую, но глубокую траншею. Охрана была усилена: нас сопровождали немцы с собаками, полицаи – на каждых пять пленных был охранник. Каждому выделялся участок в пять метров, на котором надо было вырыть узкую (только боком в ней можно было стоять), но глубокую до метра глубиной траншею. Работали с утра до потемок с перерывами на обед. Кормили той же баландой, кофе, но хлеба уже выдавали по 300 граммов, то есть буханочку на 4 человека. Траншея проходила вдоль дороги под окнами домов, почти вплотную к стенам дома, поэтому жители незаметно от конвоиров бросали нам прямо в траншею кусочки хлеба, вареные картофелины, морковь, огурцы. И все это моментально поедалось незаметно от конвоиров. Конвоиры свирепствовали, все время подгоняли во время работы. Особенно запомнился один здоровый рыжий финн. Он постоянно обходил вдоль траншеи с палкой и почти каждого ударял ею. Увернуться удавалось немногим.

С наступлением темноты нас загоняли в конюшню на краю деревни. Дверей и рам у нее не было, сквозняк и дождь постоянно гуляли по помещению. Работало нас человек 150. За три дня мы проложили немногим больше полукилометра траншеи. К концу третьего дня мы с Борисом заболели дизентерией. На другой день нас на работу не отправили, благодаря переводчику (он немного симпатизировал пленным) нас отправили на автомашине обратно в Бердичев, в санчасть. Сопровождал нас Евгений. Хотя он и не болел, но благодаря переводчику ему удалось вместе с нами уехать в лагерь в качестве сопровождающего. С вечера у нас с Борисом подскочила температура, мы просто горели от жары, были в каком-то полузабытье. Видимо, немцы испуга-

лись эпидемии и поспешили от нас избавиться. В кузове автомашины, куда мы с трудом забрались с помощью Евгения и прижались к кабине, с краю уселся немец-конвоир с автоматом.

Когда врачи санчасти узнали, откуда мы приехали, они постарались нас запрятать подальше. Это нас спасло. Позднее выяснилось, что мы были в составе такой рабочей команды, которая прокладывала кабель в ставку Гитлера в Виннице. Мы работали где-то в районе г. Хмельник Винницкой области. И нам благодаря неизвестным бердичевским врачам удалось избежать страшной судьбы. Позднее стало известно, что немцы всех пленных, которые работали на прокладке кабеля, расстреляли, чтобы сохранить в тайне место прохождения кабеля. О нас интересовались в санчасти, как сказали нам врачи, но немцам ответили, что все трое прибывших оттуда на третий день умерли от дизентерии. Немцы успокоились, а мы под другими фамилиями через три недели вышли из санчасти. Врачи посоветовали не особенно маячить перед глазами немцев, а постараться попасть на транспорт в другой лагерь. Мы так и сделали. В конце ноября 1942 года мы уже были в концлагере Житомир¹⁹⁷.

Ноябрь 1942 – май 1943 года. Лагерь военнопленных в гор. Житомир

Житомир – это большой город, областной центр Украины, расположенный севернее Бердичева километров на 50. Нас перебросили сюда из Бердичева пешком. За два дня наша колонна в 400-500 человек преодолела это расстояние и прибыла к вечеру в лагерь Житомир.

Это был более крупный лагерь. Здесь, по рассказам местных пленных, нашего брата насчитывалось более 50 000 человек. Лагерь располагался в Богунии, бывшем военном городке, в окрестностях Житомира. Несколько стандартных трехэтажных красных кирпичных казарм были битком набиты пленными. Как

¹⁹⁷ Шталаг 358.

и в Бердичеве, на каждом этаже вдоль стен стояли трехъярусные нары, где вплотную друг к другу лежали наши товарищи. За ночь поворачивались с одного бока на другой два раза по команде старосты этажа. Мы сумели захватить небольшой кусочек нар на втором ярусе 2-го этажа казармы. Спали не раздеваясь.

Кормежка и здесь была по-немецки однообразной, как и в Бердичеве. Только базар в центре лагеря был побольше. Здесь все можно было купить.

... 24 января 1943 года я заболел тифом. Это было не случайно. Как было сказано, спали мы всегда одетыми, в бане не мылись. Естественно, что у нас в белье появилась тьма тьмущая вшей. Одним из дневных занятий всех пленных было уничтожение этих противных тварей. Но ничего не помогало. И вот результат: я заболел тифом. Мои друзья с помощью санитаров отнесли меня в тифозный барак. Это было одноэтажное деревянное здание, скорее всего бывший склад. Одноэтажные нары на высоте в полметра от пола, и вплотную на них лежали больные. Я в бараке лежал первые семь дней без памяти. Когда очнулся, постепенно в голове стали проясняться, как в тумане, последние дни перед болезнью. Чуть-чуть помнил, как несли меня на носилках из казармы в барак. На улице стоял сильный мороз, и я отморозил себе кончики пальцев ног.

... Когда я очнулся, первым вопросом моим к санитарам был:

- Сколько дней я был без памяти?
- Семь суток!
- А где мои пайки за это время?

На первый вопрос санитары ответили спокойно, но на второй начали ругаться:

– Лежи, доходяга! Скажи спасибо, что выжил. О пайках не спрашивай - их нет. А почему – сам поймешь позднее, если не загнешься!

С этого дня началось мое постепенное выздоровление. На больных немцы выдавали такой же паек, как и всем остальным.

Но санитары тоже делали свое дело: за счет умерших, но не вынесенных из барака, за счет тех, кто был еще жив, но лежал без памяти, нам выздоравливающим давали небольшую добавку к ежедневной пайке хлеба и литру баланды. Даже утренний «кофе» был немного сладковат.

Дней через 15 я уже мог сползать с нар и потихоньку прохаживаться по бараку, а еще через некоторое время смог даже выйти на улицу. Стоял теплый, солнечный день. С трудом передвигая ноги, закутавшись в шинель (после прожаривания нам их выдавали на руки) я с помощью санитары вышел на улицу подышать свежим воздухом. От радости я даже заплакал: жив!!!

... Наш тифозный барак был отделен от остального лагеря двойным рядом колючей проволоки. Между рядами тянулся коридор метра в два шириной. И по этому коридору шагал немец-конвоир с автоматом в руках. Пройдя по прямой до угла, он по уставному делал поворот и шагал размеренным шагом до другого угла. Так, не останавливаясь, он отмерял своими солдатскими сапогами с низенькими и широкими голенищами весь периметр вокруг тифозного барака. Немцы боялись тифа, поэтому они огородили наш барак колючей проволокой на расстоянии 50-70 метров от стен барака. Наш барак был лагерем в лагере. Почти ежедневно по нескольку раз санитары приносили на носилках новых больных и каждый день на тележке вывозили к братскому кладбищу умерших. Мы уже привыкли к этому и не удивлялись. Весь барак был разделен на две части с небольшим тамбуром посередине. В одной половине лежали только что принесенные больные, некоторые даже без сознания, и немного поправившихся, в другой половине – выздоравливающие. Но это не всегда соблюдалось, и иногда в нашу половину выздоравливающих прямо с носилок заносили больных из общего лагеря. Это зависело от наличия мест в «карантине».

... Однажды с вечера рядом со мной положили только что принесенного с общего лагеря больного, здорового бугая-полиция. Он был без сознания горел как зачумленный, что-то

бредил, тяжело дышал. Я сразу обратил внимание на его прочные армейские ботинки, темно-синие суконные брюки (перешитые из галифе) и суконную гимнастерку.

Возникла мысль взять что-нибудь себе, если полицей ночью умрет. Всю эту ночь я не спал, внимательно следя за соседом. Среди ночи я немного задремал. Когда проснулся, первым делом ощупал тело полицая. Холодом повеяло от него, значит загнулся. Обдумав, что делать, потихоньку сполз с нар, подобрался к его ногам и, расшнуровав ботинки, снял их. Еще с вечера я присмотрел и место, куда их спрятать от санитаров. В углу недалеко от нар стояла железная круглая печка довольно вместительных размеров. Она не топилась, и ее топка использовалась как мусорная яма: туда санитары бросали разное ненужное им барахло. Вот туда-то, вглубь топки, я и засунул свою добычу, аккуратно подгреб высыпавшееся барахло, затолкав все это в печку и под нары. Когда рассвело (в бараке света не было, и санитары ночью спали в своей комнатухе), я еще раз внимательно осмотрел пол возле печки, подобрал остатки мусора.

Пришедшие утром санитары обнаружили мертвого полицая, раздели его наголо (мертвым даже полицаям одежда не нужна) и отправили его одежду в жарилку на дезинфекцию. Вспомнили они и о ботинках, но среди них возникло сомнение: были ли они у мертвого полицая или его товарищи-полицай уже успели его «раскулачить», тем более что ни шинели, ни вещмешка при нем тоже действительно не было. Санитары ушли, они рады были, что хоть такие трофеи им достались. А я оказался владельцем большого богатства. За такие ботинки можно было выменять на базаре до 15 паек хлеба или 2-3 пачки махорки. С неделю я выжидал, а затем опять ночью вытащил их из печки и спрятал в своем вещмешке. За полпайки хлеба я выменял у ребят четвертушку оберточной бумаги, за две ложки баланды на время получил огрызок карандаша и написал записку Евгению Китину в общий лагерь.

... Когда мы прогуливались возле барака, к проволоке извне подходили пленные из общего барака, и мы с ними переговаривались в тот момент, когда от этого места подальше отходил немец-конвоир. Среди них был «особенный» конвоир: он никогда не поворачивался назад, что бы там ни происходило. Он шагал прямо до поворота, делал на углу поворот и только при этом он взглядом окидывал всю территорию тифозного барака, и шагал дальше. Этим мы и пользовались. Пока он шел до угла, мы переговаривались и даже перебрасывали через проволоку небольшие предметы. В написанной записке я указал номер барака, где проживал Евгений и, привязав записку к небольшому камешку, перебросил ее через проволоку. А через час к забору подошли взволнованные Евгений с Борисом. Они радовались моему выздоровлению. Ведь из каждого десятка тифозников выживали 2-3 человека. Меня спасло то, что я был худощав, сказала и та закалка, которую мы получили в Ярославской школе.

Я сообщил друзьям втихомолку о своей добыче. Договорились, что я переправлю ботинки им, а они сумеют их загнать в барак или на базаре. Встретились мы через два дня, когда почти все санитары ушли в общий лагерь за питанием. Они там долго задерживались: получали на нас баланду, а заодно загоняли на базаре одежду, обувь и другое имущество умерших тифозников. Вот этим-то их отсутствием мы и воспользовались. Один за другим я перебросил ботинки за проволоку, друзья их подобрали и быстро ушли к себе в барак. Евгений сумел мои ботинки продать в своем бараке одному из врачей за 6 паек хлеба. Их врач передавал Евгению через день, а он мне перебрасывал через проволоку тоже через день. Эта добавка фактически поставила меня на ноги, и уже в конце февраля я был переведен в отдельный барак, где жили немного поправившиеся после тифа пленные. Немцы боялись все-таки массовой эпидемии и заставили врачей даже после выздоровления направлять не в общий лагерь, а в особый барак типа «карантина».

Именно здесь мне 22 февраля исполнилось 20 лет. Отметить его как-то было совершенно невозможно, так как даже с друзьями я связи не имел. Борис и Евгений знали, что я в бараке выздоравливающих, но нас разделяло не только несколько рядов колючей проволоки, но и бараки полицаев, кухня, склады. В начале марта группу более здоровых перевели в общий лагерь. Попал в эту группу и я. Сунув сопровождающему нас санитару полпайки хлеба, я уговорил его отпустить меня в тот барак, где жили в это время мои друзья.

И вот мы опять вместе. Так обрадовались, что даже не сдержались от слез. Рассказам и воспоминаниям не было конца.

Оказалось, что за время моей болезни произошли изменения. Если после прибытия мы размещались в трехэтажном кирпичном здании, то сейчас друзей перевели в деревянное двухэтажное здание с двухъярусными сплошными нарами. За этот же период погиб один из наших друзей, с которым мы выходили из окружения и который вместе с нами перенес ужас Волошина и Бердичева. Он просто не выдержал и... сошел с ума. В один из февральских дней он с криком «Ура!!!» бросился на колючую проволоку. Немцы с вышки ударили очередью из пулемета, и наш товарищ погиб. Ребята рассказывали, что он всю ночь о чем-то бредил, а все утро молчал. Это случилось, когда все стали строиться в колонну для проверки. Нас осталось четверо: с нами, ярославцами, так и оставался тот молодой парень из 18 бригады, который пристал к нашему «колхозу» еще в Колодезном Хуторе. Но больше мы держались нашей тройкой, хотя на обед и завтрак надо было строиться пятками. Опять начались те же изнурительные проверки утром и вечером, от которых во время болезни я все же немного отдохнул.

... В апреле знакомый Евгению врач Красносельский привлек сначала Евгения, а через него уже и нас с Борисом к очень важному делу. Они с Евгением были земляки, оба из Ленинграда. Это их и свело вместе. Еще до этого врач Красносельский помогал Евгению то лишней порцией баланды, то сунет пайку

хлеба. Ведь именно через него в свое время Евгений сумел обменять мои трофейные ботинки на хлеб. Вот этот врач и привлек Евгения к работе подпольной организации. Мы должны были каждый день из каменного здания, расположенного почти у самой проволоки, тайком выносить по котелку земли и, пронеся его незаметно в пустующие деревянные бараки на краю лагеря, высыпать песок из котелков на земляной пол. Пленные иногда посещали эти помещения, чтобы справить естественные потребности. Здесь иногда пленные рылись в земле, стремясь что-нибудь найти. В лагере ценность представляла любая вещь: железка, кусок проволоки, обрывок газеты и просто бумаги. Все это шло в дело, всему находили применение и даже продавали на базаре. Вот пленные и обшаривали эти уголки бывшего военного городка. Поэтому земля в конюшнях была всегда взрыхлена и высыпать котелок песка на нее не вызывало особого подозрения. Мы пытались у Евгения узнать, зачем мы все это делаем, но он сам об этом ничего не знал, а доктор Красносельский поставил нам такое условие: за каждый высыпанный котелок песка – котелок баланды, зато никаких разговоров и расспросов, дело держать в самой строгой тайне. Мы молчали, делали свое и честно зарабатывали свой дополнительный котелок баланды. Видимо не одна наша тройка занималась подобной работой, но мы ничего не знали и не замечали.

И только в начале мая все прояснилось. Оказалось, что группа пленных в строжайшей тайне строила подземный ход из лагеря за проволоку. С этой группой наверняка был связан и доктор Красносельский. У них была поставлена цель: через подкоп вывести большую группу пленных к партизанам. С последними была установлена связь и в определенный день отряд партизан должен был находиться в лесу недалеко от лагеря, чтобы принять беглецов.

Но в группу подпольщиков проник провокатор, немцы узнали о готовящемся побеге. Подкоп уже почти был готов. Тоннель шел из здания бывшей кочегарки, из комнаты, где раньше был

склад угля. По тоннелю шли трубы парового отопления. Этот-то тоннель подпольщики и сумели использовать как подземный ход, продлить его за пределы лагеря. Он проходил метров на 30 от немецкой казармы и не доходил до леса метров 100.

Когда стало известно о провале, руководители группы успели уйти в лес, а остальные подпольщики затаились и стали ждать, как развернутся дальнейшие события. Подготовка шла очень секретно, соблюдалась строгая конспирация, участники подкопа не знали друг друга в лицо. И это их спасло. Немцы от предателя узнали только то, что ведется подкоп, а где и кем не знали. Не мог узнать этого и предатель. А мы о подкопе узнали 5 мая 1943 года.

... Однажды вечером, перед ужином внезапно завывла сирена, ей ответили пулеметные очереди с вышек, крики полицаев, какая-то паника. Всех пленных загнали в казармы и бараки, а в лагерь ворвалась группа немцев с собаками. Начались тщательные поиски входа в подземный лаз. Немцы обнаружили подкоп, но уже поздно: около 20 человек успели завершить подкоп и уйти в лес.

На другой день (в этот день мы в связи с поисками остались в бараках и без ужина) немцы выстроили всех пленных на площадь. Комендант потребовал от пленных назвать участников подкопа, а подпольщиков сдать на милость немецких властей, которые проявят к ним милосердие. Тому, кто назовет участников подкопа, он даже обещал большую премию: свободу из плена, участок земли на Украине и корову, как будто немцы были здесь хозяевами земли.

Нашелся все же один предатель, который вышел из строя и назвал две фамилии пленных, которые участвовали в подкопе. После проверки полицаями их не нашли, оказалось, что они уже успели бежать. Комендант лагеря поблагодарил предателя и пообещал завтра выдать ему полагающуюся премию. Но предатель ее не получил: его нашли утром в туалете с проломленным черепом. Так что ни свобода этому подонку, ни корова ему уже не

потребуется, а вместо участка земли его просто могильщики сбросят в общую яму.

Комендант лагеря был в ярости, некоторые полицаи были разжалованы, а все пленные лагеря были лишены пищи на целый день.

Уже после войны я в одной из повестей случайно наткнулся на описание очевидца и участника этих событий в Житомире и Славуте. Как называлась эта повесть – забыл¹⁹⁸. Совсем недавно я прочитал об этом же уже в другой повести А. С. Васильева «Мы не сдались», М., Воениздат, 1963.

Врач Красносельский через Евгения предупредил нас, чтобы мы никому и ни при каких обстоятельствах о нашей работе не говорили.

Мы все понимали: ведь это грозило смертью не только Красносельскому, но и нам. Да мы и не знали тогда многое, ведь мы фактически знали только фамилию врача Красносельского, виделся с ним только один Евгений. Да и была ли это его настоящая фамилия – трудно сказать, ибо в тех условиях очень многие носили не свои фамилии.

В середине мая мы снова попадаем в другой лагерь. Это был знаменитый «Гросс-лазарет» Славута. Здесь мы пробыли до августа 1943 года.

Май 1943 – август 1943 год. «Гросс-лазарет Славута»

В бывшем военном городке на старой границе немцы разместили свой «гросс-лазарет». По их мнению, здесь проходили лечение десятки тысяч советских военнопленных. В действительности это был самый обыкновенный пересыльный концлагерь, где перед отправкой на территорию Рейха проходили фильтрацию наши военнопленные.

Бывший военный городок был построен в виде буквы «Г», где в восьми трехэтажных казармах размещалось до 70 000

¹⁹⁸ Возможно, имеются в виду воспоминания И. Ф. Хомича: Хомич И. Ф. Мы вернулись. Москва, 1959.

наших людей. Был здесь и отдельный женский блок, был и офицерский блок. Каждый блок размещался в отдельной казарме и был отдален от остальных блоков двойным рядом колючей проволоки. Правда, на день ворота открывали, и мы могли попасть из одного блока в другой. Исключение составляли стоящие в стороне женский и офицерский блоки. Они охранялись и днем немцами-конвоирами и общаться с ними можно было только голосом через проволоку.

Каждый раз при прибытии в новый лагерь все имели привычку искать земляков. Наша тройка искала всегда ленинградцев. И земляки находились, но такие же бедолаги как и мы. Более привилегированная часть пленных (врачи, санитары, повара, переводчики, могильщики и особенно полицаи) обычно скрывали свое землячество, видимо, боясь ответственности в будущем за свои действия здесь, в плену. А в победу наших войск верили все: и рядовые, и даже полицаи. Ведь Сталинград был уже позади. Немцы, точно встревоженные осы, огрызались на каждом шагу, даже при одном выкрике из колонны пленных слова «Сталинград!», а если замечали, кто это крикнул, забивали его до смерти. Это началось еще в Житомире, это же продолжалось и здесь.

В лагере тоже был большой базар на площади в центральном блоке. Здесь же, в казарме или прямо на базаре, были и различные «мастерские», где пленные-умельцы могли из старой шинели сшить брюки и куртку, а плотный воротник шинели шел на подошву к тапочкам. В ход шли матерчатые солдатские ремни, которые распускались на крепкие суровые нитки. Даже из простого заржавленного гвоздя мастера могли изготовить тебе небольшой нож. Из алюминиевых котелков делали замечательные портсигары, которые особенно любили полицаи. Здесь же изготовлялись перстни и так мастерски, что можно только удивляться, как они в таких условиях без инструментов творили чудеса.

Мы к этому времени так обносились, что от нашего красноармейского обмундирования остались одни лохмотья.

Когда нас привезли в Славуту и поместили в «карантин», то при первом же посещении бани нам выдали поношенное немецкое обмундирование. Немцы своих солдат хоронили в нательном белье, а верхнюю одежду снимали и выдавали ее пленным. На куртках и брюках мышиноного цвета масляной краской делались большие заметные буквы «SU», что означало «Советский Союз» (Sowjetunion). На куртке буквы были намалеваны на спине, а на брюках спереди на штанинах, на одной буква «S», на другой «U». Вместо ботинок нам выдали «колодки», то есть башмаки с деревянной подошвой и матерчатым передком.

Немцы в Славуте внимательно следили за порядком в лагере. Вдоль казарм руками пленных были сделаны газоны с зеленой травкой, а между ними дорожки из битого красного кирпича. Но под страхом смерти пленным запрещалось не только сорвать травинку с газона, но даже наклониться и пощупать зелень. Пленные с опасением проходили мимо этих газонов, даже на дорожки не рисковали ступить. Зато – порядок.

Следили немцы и за внешним видом пленных: если кто-либо появлялся на территории блока без куртки или иногда и без брюк, его немедленно полицаи вели к воротам, где провинившийся получал наказание: 10-15 ударов плеткой по ягодицам. И если у пленного одежду украли, ему после наказания выдавали новую. Куртки и брюки продавались и покупались на базаре. Так что можно было и вытерпеть это наказание, но зато получить новую одежду, а старую продать на базаре за 4-5 паек хлеба.

Наша тройка не была наделена коммерческими способностями, поэтому мы ничего не покупали и не продавали. Только иногда на троих покупали ложку горчицы, чтобы размешать ее в слишком горькой баланде.

... Однажды нам повезло. Мы попали в команду, которая работала на разборке старых бараков и сараев военного городка за

пределами лагеря. Нас в команде было 20 человек. И когда конвоиры привели нас на место работы, то мы увидели тьмутьмушую грибов-дождевиков. Их белая круглая форма придавала поляне вид площадки с рассыпавшимися на ней теннисными мячами. Когда конвоиры (немец и два полицая) объявили перерыв на обед, мы с их разрешения собрали три вместительных котелка этих грибов, очистили их от кожицы и поставили на костер вариться. Хотя никто из нас никогда в жизни не ел этих грибов, да мы и не знали, съедобны ли они или ядовиты, мы рискнули их сварить и попробовать есть.

Немец и полицайи тоже с интересом наблюдали, что произойдет. Сварив грибы, мы бросили жребий – кому начинать есть. Жребий достался Борису Буракову. Кстати, согласились есть только 10 человек.

И вот началось. Борис ест, а мы с нетерпением ждем, что будет: погибнет или останется жить. А Борис ест и улыбается. Видим, ничего с ним не происходит, зато полкотелка грибов уже нет. Хватит! Остальное мы поделили между собой и с радостью подкормились. С собой еще набрали по котелку грибов. Только соли не было. Соль в лагере ценилась на вес махорки. Ложка соли - ложка махорки – полпайки хлеба. Придя в лагерь, некоторые на базаре стали продавать принесенные грибы. С этого дня и другие команды стали приносить в лагерь дождевики, и они продавались на базаре на равных с другими товарами.

В Славуте тоже имелась подпольная организация пленных. Это чувствовалось во многом: поднимался моральный дух, крепла вера в скорую победу советского народа, какими-то неведомыми путями в лагерь поступали известия о состоянии на фронте. Мы уже знали, что Красная Армия громит немецких фашистов. Полицайи и повара тоже попритихли и не так зверствовали, как раньше. Лишь отдельные еще зверюги больше раздавали удары своими плетками.

Позднее, после войны, в художественной литературе появились подробные сведения о деятельности советского подполья в

Славуте и соседней Шепетовке. Ведь именно здесь «работал» главврачом больницы и одновременно руководил подпольем замечательный советский патриот, наш земляк Михайлов Федор Михайлович. Благодаря ему сотни пленных из Славутского лагеря были якобы для лечения переведены в Шепетовскую больницу и затем переправлены к партизанам. Предатель выдал Михайлова, и он был повешен немцами. Наше правительство за героизм и мужество посмертно присвоило ему звание Героя Советского Союза¹⁹⁹.

Позднее стало известно, что и в Славуте подпольщики осуществили подкоп под колючую проволоку и увели в лес большую группу пленных. Немцы, обеспокоенные этим, стали очень часто переводить пленных из одной части лагеря в другую, отделенную друг от друга колючей проволокой. Переход из них не допускался и ворота тщательно охранялись. По мере необходимости немцы после тщательной проверки, неоднократных обысков и осмотров со стороны врачей-немцев, отправляли пленных эшелонам в Германию. Мы стремились все трое всегда держаться вместе, но лишь небольшая оплошность разлучила нас с Борисом. Борис отлучился от нас всего на несколько минут (он ушел в туалет). А в это время неожиданно полицаи стали строить нас в колонну, оцепив часть территории нашего блока. Так они делали всегда, чтобы разобщить пленных. Нас быстро пересчитали и повели в другую часть лагеря. Борис, услышав шум, прибежал, но не успел: нас уже вывели за ворота. Наши попытки с Евгением вырваться из колонны и вернуться в свой блок, не увенчались успехом.

¹⁹⁹ Ф. М. Михайлов был казнен 2 августа 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. См.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2 т. Москва, 1988. Т. 2. С. 95.

Так в конце июля 1943 года мы расстались с одним из наших преданных друзей, Борисом Кузьмичем Бураковым. Мы встретились только в 1954 году²⁰⁰.

19 августа 1943 года. «Гросс-лазарет» Славута (продолжение)

Мы с Евгением Китиным остались вдвоем. Еще сильнее стало ощущаться чувство товарищества. Что нас ждало впереди – мы не знали. Но за год неволи убедились в том, что только крепкая дружба спасает от гибели. За эти месяцы мы повидали сотни смертей и, как правило, в первую очередь погибали пленные-одиночки. «Колхозы» выживали.

Сегодня нас с утра построили, быстро заставили получить пайку хлеба и кофе. Затем снова сигнал к построению. Почему-то полицаи, игравшие главную роль в построении, нервничали, торопились, а от этого еще больше беспорядка было. Построив колонну человек в 100, повели к одноэтажным деревянным конюшням. От колонны отделяли по 20 человек и заводили в конюшню. Здесь приказали стать возле одной стенки на расстоянии метра друг от друга (на стенках были метки) и раздеться наголо. Все свое имущество надо было сложить возле себя в кучку. Когда все разделись, немцы приказали отойти к противоположной стенке и стать против своего места. Все это делалось быстро, под непрерывные окрики и ругань конвоиров. То и дело раздавались удары плетками, возгласы «Русиш швайн!»

Когда все построились, немцы начали тщательный обыск. Сначала нас обыскали голых – заглядывали буквально везде: под мышками, в пахах и т. п. После этого немцы подходили к нашему барахлу и прощупывали буквально каждый шов, каждую складочку. Вещи из вещмешка просто вытряхнули на землю, перешерстили и только после тщательного осмотра каждую вещь бросали нам на противоположную сторону барака. Все ме-

²⁰⁰ Б. К. Бураков попал в лагерь военнопленных 302/II-N Гросс Борн/Редериц в Померании (сегодня на территории Польши).

таллические вещи, кроме котелков, были отобраны и выброшены. Немцы не торопились, и вся процедура заняла около часа. Обыск производили 5 немцев, так что на каждого фашиста приходилось по четыре пленных. За четверть часа можно очень тщательно обыскать одного человека. Мы не могли понять, почему так тщательно немцы нас обыскивают. И раньше немцы производили шмон, обыскивали при выводе из лагеря, обыскивали и при возвращении, делали неожиданные обыски и полицаи, отбирая наиболее ценные вещи у пленных. Но такого мы еще не видавали.

Когда закончился обыск, нас построили и повели к железнодорожной ветке, которая вплотную проходила вдоль забора из колючей проволоки. Здесь уже стоял состав из двухосных товарных вагонов-телятников. Нас подвели к одному из них и загнули внутрь. Значит – этап в другой лагерь.

В вагоне никаких нар, никакой подстилки. Только возле двери стояла деревянная параша. Мы с Евгением постарались занять более удобные места в углу вагона, недалеко от окна. Четыре небольших окошка на обе стороны были переплетены колючей проволокой. Но мы умудрялись подглядывать из окна, не высовывая голову. Один становился на четвереньки, а самый высокий становился ему на спину и, упираясь руками в стенку вагона, осматривал окрестности и сообщал подробности остальным.

Мы просидели в вагонах до вечера. За это время к нам в вагон добавили еще 20 человек. В вагоне опять наступила невообразимая теснота. К таким поездкам мы уже как-то привыкли и это уже не казалось каким-то особенным. Наш «впередсмотрящий» сообщил нам, что постепенно весь эшелон загрузили пленными. Эшелон по-прежнему стоял на месте.

... Уже под вечер возле дверей снаружи слышались отрывистые голоса немцев, дверь открылась, и конвоиры бросили в вагон 8 круглых буханочек хлеба, то есть одну на пятерых. Дверь сразу же закрылась, щелкнула щеколда.

Как обычно, буханки быстро распределили по пяткам. В вагоне, как это всегда бывало, сразу нашелся старший, к голосу и командам которого прислушивались все присутствующие. Иногда таких старших оказывалось двое-трое, тогда вопрос о старшем решался голосованием.

По команде старшего все пленные разбились на пятерки, каждая из которых и получила свою буханочку хлеба. Я все время пишу о хлебе, но необходимо отметить его настоящее содержание. Не знаю, из чего его немцы умудрялись выпекать, но никогда мы, даже очень голодные, не понимали, что мы едим: хлеб, глину или опилки. В нем было все, только муки была самая малость. Но даже и такой хлеб для нас составлял ценность. Полученный хлеб решили делить на всех, но как разломить буханочку на пять равных частей без ножа, как их уравновесить. К счастью и удивлению многих пленных в вагоне у троих оказались самодельные маленькие ножички. И это после такого-то тщательного обыска. Видимо, помогла родная земля, на которой мы стояли во время обыска и куда можно было запрятать эти малюсенькие ножички. Два были совсем малы: лезвие около 3 см и рукоятка сантиметра два. Его даже можно было незаметно пронести между пальцев руки. Один нож был побольше, длиной в указательный палец, причем бо́льшая часть — лезвие, остальное — ручка.

Как ребята сумели утаить от немцев эти вещи, уму непостижимо. Ведь при обыске немцы выбрасывали буквально все металлические вещи: ложки, иголки, отрезали пряжки от ремней или просто их совсем выбрасывали. И все же даже под страхом смерти люди смогли обмануть бдительное око конвоиров.

... Мы, не торопясь, разрезали по очереди длинным ножом свои буханочки на равные части, затем уравновесили их на весах и принялись за еду. И вдруг, совсем неожиданно и тихо, немцы откинули задвижку и откатали дверь вагона в сторону. Один из них быстро вскочил в вагон, и не успели мы опомниться, как он выхватил у сидящего возле двери старика пайку хлеба и заорал:

– «Мессер!!! Мессер!!!»

Мы уже понимали немецкий язык (кое-что осталось от школы, кое-чему научились здесь).

«Ножик зараза требует, ножик! Отдайте ему маленький, падле!» – это раздался голос нашего старшего.

Немцу по рядам передали один из маленьких ножичков. Тот спокойно примерил его лезвие к пайке хлеба и еще громче заорал:

– «Найн! Найн! Андере мессер! Гросс мессер!!!»

– «Другой, большой требует!»

Пришлось расстаться и с большим ножичком. Немец, примерив его к пайке выругался, огрел плеткой сидящего возле двери пленного и спрыгнул из вагона. Дверь захлопнули и теперь уже конвоиры прикрутили щеколду проволокой. Такую же операцию немцы проделали со всеми вагонами. Эшелон тщательно охранялся: помимо немцев-конвоиров на тормозных площадках, некоторые находились у пулеметов на вышках вагонов. Еще когда нас вели к эшелону, мы заметили эти возвышающиеся над крышами вагонов небольшие площадки, где были установлены пулеметы.

Перед отъездом, уже в сумерках нас вывели из вагона и напоили водой из колонки. Некоторые догадались набрать воды в котелки. Одновременно заставили освободить и парашу от содержимого.

Простояв на путях почти целый день, эшелон, наконец, тронулся. Мы все же узнали, что нас везут в Германию. Видимо кто-то из немцев проговорился друг другу, их услышали и новость моментально облетела весь эшелон. Поэтому-то была такая усиленная охрана. Еще перед посадкой в вагоны мы прошли дезинфекцию: нас наголо остригли, заставили окунуться в большую бочку с какой-то темноватой жидкостью и далее помыли в бане. Баня – это двадцать сосков душа, из которых на несколько секунд сначала льется с фырканием почти кипятком, а затем холодная вода. Вот под этот душ нас и загоняли голыми.

Даже выдали на 10 человек малюсенький со спичечный коробок кусочек мыла – какого-то сероватого вещества, вообще не дающего пены. Немцы-конвоиры внимательно следили, чтобы никто не ушел из «бани» сухим. Пока мылись, пока ждали своей очереди, наша одежда проходила прожаривание. А потом – в вагон.

Ехали мы долго, больше недели. На некоторых станциях нам раз в день выдавали хлеб, а один раз в сутки выводили из вагона за баландой. Тот же стандартный литр той же стандартной немецкой баланды. Утром заносили в вагон небольшую бадью с водой.

В Бресте снова большая остановка и снова «баня». Снова нас окунают в бочку с мутной и вонючей жидкостью. Немцы были злющими как потревоженные осы. Оказалось, что по пути к Бресту, на последнем этапе, из одного вагона часть пленных совершила дерзкий побег. Они утаенным ножом трое суток резали пол в вагоне, проделали отверстие в днище и на ходу на последнем перегоне перед Брестом ушли в это отверстие. Немцы, наблюдавшие очень внимательно первые дни, успокоились и сейчас бесились от того, что при такой усиленной охране не смогли уследить.

... Здесь в Бресте нам даже повезло. Когда после бани нас вели к вагону, несколько человек попросились у конвоира в туалет. Тем более что это дощатое временное сооружение находилось здесь же возле вагонов. Немец остановил нашу группу, и мы побежали в туалет. Возле него на земле у стенки валялись 4 или 5 заплесневевших буханочек хлеба. Это были не круглые, а форменные небольшие хлебцы, которые выдавались немцам. Видимо они его и выбросили из своего вагона.

Подобранный хлеб мы тщательно обмыли возле вагона (рядом была водопроводная колонка) и поделили между всеми пленными из нашего вагона. А в вагоне, срезав позеленевшие части корочки, съели его.

Вокзал в Бресте был почти полностью разрушен. Чувствовалось, что здесь 22 июня 1941 года шли ожесточенные бои. Тогда

мы еще не знали о героической обороне Бреста и крепости. Их подвиг вошел в летопись Великой Отечественной войны.

Среди пленных каким-то чудом распространился слух о больших боях в этом районе. Это поднимало дух среди нас и какое-то душевное уважение к героям первых дней войны.

Вместе с нашим эшелонам направлялся в Германию и целый вагон полицаев, поваров и санитаров из Славутского лагеря. Все они как привилегированная группа держались особняком, ехали в первом вагоне, и полицаи даже помогали немцам в охране пленных на станциях. Правда, оружия у них уже не было. Полицаи особенно старались заслужить благословление от немецких конвоиров.

Итак, последний русский город мы покинули. Тяжело было как-то на душе. Все сразу примолкли в вагоне. Ведь мы теперь ехали по чужой земле по территории Польши и Германии. Наш эшелон теперь старались загнать в дальний тупик, на улицу почти не выводили. Только утром открывали дверь, выдавали хлеб, разрешали двум вынести и опорожнить парашу и наполнить бадейку водой.

Рано утром 1 сентября эшелон остановился на станции. Осторожно заглянув сквозь заплетенное проволокой окно, мы прочитали на здании вокзала надпись на немецком языке: «Герлиц». Простояли на путях часа четыре. Затем нас выгнали из вагонов, построили в колонну по 5 человек, несколько раз пересчитали и погнали на окраину города. Нас тщательно охраняли конвоиры-немцы. Откуда-то появились и овчарки, которые все рвались на поводках конвоиров в сторону колонны.

Лагерь на окраине города был плотно обнесен тройным рядом колючей проволоки²⁰¹. Расположен он был в виде секторов,

²⁰¹ Шталаг VIIA располагался на южной окраине Гёрлица. Партия военнопленных, в которой находился А. В. Федоров, прибыла в лагерь 17 августа 1943 г. Город Гёрлиц расположен на реке Нейсе и сейчас на западном берегу находится немецкий город Гёрлиц, а на восточном – польский город Згожелец.

сходящихся к центру. Здесь в центре – кухня и какие-то склады. Комендатура и караульное помещение было расположено у входа в лагерь. В секторах – лагеря военнопленных разных стран. В одном секторе были англичане и американцы, в другом французы, дальше шли сербы, итальянцы и русские. Итальянский сектор был новый, так как Италия только что вышла из войны и своих бывших союзников немцы тоже упрятали в лагерь²⁰².

Между секторами – высокий проволочный двойной забор с широким проходом. По нему ходили часовые-немцы. Внутри сектора вдоль проволоки колючей была в метре от нее натянута простая проволока на метровой высоте, за которую пленным запрещалось заходить. Много запрещалось в этом лагере: нельзя было разговаривать через проволоку с пленными из других стран, нельзя было после отбоя выходить из бараков и т. д. Короче, запретов было больше, чем разрешений.

... Полицай и повара, которых везли вместе с нами, постарались еще на станции стать во главе колонны. Они надеялись, что им и здесь удастся устроиться на тепленькое местечко. Но это им не удалось.

Когда подвели к лагерю, колонну остановили и опять несколько раз пересчитали. Из лагеря вышли местные полицай, здоровые, откормленные битюги. Но что нас сразу удивило – это какое-то благожелательное отношение к нам пленным и, наоборот, особенно враждебное отношение к бывшим полицаям и поварам. Я пишу «бывшим» так как новые хозяева сразу заявили, что наводить порядки здесь, в Герлитце, будут только они, а начальство из Славуты передают в распоряжение прибывших оттуда пленных.

После нескольких пересчетов, различного согласования между нашими конвоирами и местным начальством – немцами – нас повели в русский сектор. Здесь стояли одноэтажные дере-

²⁰² Правительство П. Бадольо подписало перемирие с США и Великобританией 3 сентября 1943 г. Объявлено о подписании перемирия было 9 сентября.

вянные однотипичные бараки. Внутри них по обе стороны от узкого прохода стояли трехэтажные деревянные нары. Они были сплошные, но разделены на маленькие клетушки для каждого пленного. Каждая такая клетушка была отделена от другой бортиками высотой в ладонь. Очень напоминало подобие гроба. Бери крышку и забивай.

... Полицаи и повара, привезенные вместе с нами из Славуты, забились в угол одного из барачков. Они теперь были на правах простых рядовых пленных. Сразу же по всему русскому сектору разнеслась весть: сейчас будет суд над предателями. В нашем русском секторе было всего человек 1 200-1 500. Почти все хотели быть свидетелями этого необычного суда, но вместить всех в барачке было невозможно. Поэтому местные полицаи быстро навели порядок и впустили в свое помещение только около 200 пленных. Помещение, где жили полицаи, было просторнее, нары здесь были в один ряд, вот здесь и решено было устроить процесс над предателями нашей Родины. Барачок заполнили до отказа. Привели подсудимых. Среди пленных нашлись судьи, обвинители и адвокаты. Все они клятвенно подтвердили, что имеют высшее юридическое образование, об окончании соответствующих учебных заведений. В ходе судебного разбирательства, которое было проведено очень толково, выяснилась полная картина преступлений, совершенных подсудимыми. К суду было привлечено 32 человека. Из них сразу же при единодушном одобрении были освобождены от наказания 6 человек (4 санитаров и 2 полицейских). Они в Славуте отличались человечностью и особых преступлений против пленных не совершили. Но суд предупредил их, что за службу у немцев полицаи будут нести ответ после победы перед советским судом. Оставшихся 26 человек судили по всем правилам советского судопроизводства. Пленные давали свидетельские показания, обвинители – обвиняли, защитник – искал смягчающие обстоятельства.

Пленные были так враждебно настроены против этих выродков, что дело могло дойти до самосуда. Поэтому подсудимые

были отделены от остальных специальной охраной из наиболее здоровых пленных. Местные полиция не вмешивались в процесс, но присутствовали здесь же.

Помнится, один старик все тянулся к здоровенному полицая по прозвищу «Бык», чтобы ударить его снятой с ноги колодкой. Он плакал и повторял, что «Бык» его довел до такого состояния, избив его в Славуте до полусмерти.

Суд шел около 4-х часов. Наконец, приговор: «... Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики народный суд лагеря военнопленных Герлитц приговорил предателей советского народа...»

Четверо особо опасных преступников были приговорены к смертной казни.

В приговоре было указано, что приговор будет приведен в исполнение в течение 24 часов. Обжалованию приговор ввиду чрезвычайных условий плена не подлежал.

12 полицаяв были приговорены к 10 годам тюремного заключения, 8 человек к 8 годам и два повара – к 5 годам.

В приговоре было указано, что документы по данному судебному разбирательству будут переданы соответствующим судебным органам Советского Союза после войны. Отбытие наказания приговоренным к различным срокам заключения, как было указано в приговоре, откладывается до окончания войны. Весь ход процесса, показания свидетелей и обвиняемых были записаны в протоколе на маленьких листочках бумаги. Было подчеркнуто, что неправильные сведения подсудимых о своих данных (фамилия, имя, отчество, год рождения, место жительства до армии, звание и занимаемая должность в армии до пленения) только усилят ответственность перед советским народом. Где бы они ни укрылись, советский суд их найдет. Думаю, что те полиция и повара, которым суд определил сохранение жизни, правильно отвечали суду. Время уже было не в пользу Германии: их войска откатывались на запад, и судьба войны решалась в пользу Советского Союза. Преступники знали, что из сотен

пленных, сидящих на этом процессе, все же выживут некоторые до победы и им, предателям, трудно будет уйти от возмездия.

Приговоренные к смерти действительно этого заслужили: они издевались над пленными хуже немцев, десятки и сотни загубленных душ было на их совести. Они, видимо, ждали расплаты, но не ожидали так быстро.

... Утром в одном из туалетов на цементном полу были обнаружены трупы четырех казненных полицаев. Кто и как это сделал, неизвестно. Но кажется, что все же помощь была оказана нашим славутским и со стороны местных полицаев. По всей вероятности, все руководство полицией, поварами, санчастью в лагере было в руках патриотов. За все время пребывания в лагере не наблюдалось со стороны их никакого издевательства над пленными. Это было даже как-то неожиданно.

Весь лагерь получал пищу из одной кухни, расположенной в центре секторов. Здесь три раза в день сходились за питанием команды из всех секторов. Желаящих попасть в такую команду было всегда много. Команда в 40 человек несла большие деревянные кадушки, к бортам которых были прибиты двухметровые палки. Вот за эти-то ручки и несли вдвоем с каждой стороны кадушку с кухни: утром «кофе», днем – обычную баланду и вечером – «чай». Пайку хлеба выдавали утром в секторе у полицейского барака.

Положение здесь было лучше, чем в предыдущих лагерях. Часто французы и американцы отказывались от своей порции баланды и мы, русские, получали по полному котелку ее. немец-конвоир на кухне не был очень строг и иногда команды русских и французов приходили за баландой одновременно. Рядом с кухней стоял туалет. С разрешения конвоира русские заходили в него, но предварительно выждав момент, когда там уже побывал француз. Всегда после посещения его в туалете оставались или пачка сигарет, или пачка галет, пайка хлеба.

Это они специально умудрялись оставлять для нас. Иногда французы тайком от конвоира передавали нам целые рюкзаки

продуктов питания. Делалось это так: кадушки были с крышками и внутрь ее французы укладывали вещмешок с сухарями, сигаретами, галетами, бумагой. Кадушки возле кухни незаметно заменялись, и наша команда становилась владельцем большого богатства. После прихода в свой сектор содержимое кадушки делилось между всеми членами команды, ходившей за питанием. Правда сначала полицаи проверяли вещмешок и кое-что отбирали для себя. Команда на это не обижалась, так как полицаи, сопровождающие нас на кухню, отвлекали немца-конвоира и помогали нам.

Кроме этой помощи французы (их сектор примыкал к нашему), невзирая на запреты, часто перебрасывали через проволочный забор пачки сигарет. Эта помощь была искренней. Очень высокомерно относились к нам англичане и американцы. Иногда французы даже хором скандировали слово «Сталинград!!!»

Этим было сказано все: и их восхищение мужеством советских людей, и общая ненависть к фашистам. После такого поступка пленных-французов загоняли в бараки и лишали прогулок на воздухе.

Англичане и американцы пользовались большими правами, чем остальные. Нам с горки хорошо было видно, как они играли в своем секторе в волейбол, футбол. От них редко можно было получить пачку сигарет, хотя они тоже получали ежемесячно посылки от Международного Красного Креста. Три раза в месяц все военнопленные кроме русского сектора получали от Красного Креста трехкилограммовые посылки. В этот день баланду варили только для русского сектора, остальные ее не брали. Зато и баланда была погуще и немного вкусней.

Хорошо относились к нам и сербы (югославы). Они часто кричали через проволоку:

– Сталин! Тито! Сталин! Тито!

Их тоже немцы за это наказывали, но выкрики продолжались. Виновных, как всегда, не находилось: сербы стояли большими группами, а кричал один. Итальянцы только недавно ока-

зались в лагере. Они, видимо, никак не могли понять, как же они оказались в таком положении. Ведь совсем недавно они вместе с немцами топтали своими солдатскими сапогами советскую землю. К ним немцы относились также как к советским военнопленным.

Продолжение еще не написано.

Воспоминания Ивана Николаевича Знаменского

Иван Николаевич Знаменский родился 21 мая в селе Усть-Кон Алтайского края. В октябре 1940 г. был зачислен курсантом в Краснодарскую авиационную школу стрелков-бомбардиров, в мае 1941 г. переведен в ЯВАШ. В мае 1942 г. вместе с другими курсантами-явашевцами принимал участие в боевых действиях на Крымском фронте, был ранен. После лечения признан негодным к строевой службе. С декабря 1942 г. служил в органах военной юстиции, в 1945 г. заочно закончил военно-юридический институт. Демобилизован в 1977 г. в звании полковника юстиции. Награжден двумя медалями «За боевые заслуги» и рядом других медалей, орденами Красной Звезды и Отечественной войны I степени. Умер 14 февраля 1990 г., похоронен в Смоленске. Воспоминания написаны по просьбе внука Андрея Знаменского.

Хан-Алтай

Берегите, как зеницу ока! – говорят люди, когда хотят убежать от беды что-то сокровенное, самое дорогое.

Глаз человека, его око – ворота в мир. Лучом света оно освещает мир и отснятую картину отражает на экран нашего сознания. И человек счастлив от того. Он растворяет в себе красоту мира. Он жив ею. Она делает его Человеком! Отнимите у него ее, погасите краски, расцвечивающие природу, и он не человек; он робот, существо без души. Холодный, как кусок железа.

Есть на земном шаре уголок земли, который, будь на то моя воля, я показывал бы каждому человеку: хорошему – как награду, плохому – как укор и залог исправления. Ибо чувство прекрасного излечивает душевные и физические недуги надежнее, чем лучшие, патентованные лекарства.

Уголок этот – Горный Алтай! Он привольно раскинул свои горы, реки и долины от Приобской степи до скалистых хребтов

Монголии и Китая. Он укрыл себя высоченным полотном голубого неба.

Хан-Алтай! Услада глаз и души! Земная радость и счастье человека. Страна всех четырех стихий: водной, лесной, каменной и снежной.

Много славных мест в нашей русской стране. Много голубых озер, высоких гор; много широких долин и буйных рек. Все они прекрасны каждый по-своему. И лишь один Горный Алтай вмещает в себя все краски мира. Лишь его она одарила всей красотой непостижимой матери-природы.

Полюбуйтесь озерами земли.

Поэты слагают стихи об их красоте; сравнивают с голубыми глазами русских красавиц. Воспет в веках священный Байкал. Искони стоит человек в бурке на дальней горе замороженный тихой чашей Севана. Цепочки туристов тянутся вверх по тропе к высокогорной Рице. Любовно люди сохраняют озера Карелии. Хрустально свежи зеркальные озера Южного Урала...

Все они по праву разделяют славу, вызывают в отзывчивой душе человека восхищение и восторг.

Но счастье миновало вас, если вы не бывали в Горном Алтае, если вам не довелось выйти на берег Телецкого озера. Алтын-Кель – золотое озеро. Здесь все вместе: и Иссык-Куль, и Тургояк, и Чебаркуль, только... еще лучше. Хотите быть красивым – поглядите на себя в зеркало Алтын-Кёля. Оно не обманет ваших надежд. Хотите быть сильным – опустите в небо руку, примите в себя силу и прохладу, освежите усталую кровь.

А еще лучше – скажите, чтобы вам оставили место в лодке с красным парусом, рядом с гребцами. Вы увидите водопад Корбу; кругом будет блеснуть живое серебро лучей. Не пугайтесь, если вместе с вами в зеркала воды будут глядеться прибрежные скалы – они мохнаты, безмолвны, загадочны; но они беззлобны, они не принесут вам беды. А вон, там, на берегу, на каменном валуне – видите? Да, это одинокий рыбак, с длинным, как колодезный журавль, удилищем. Он неподвижен, словно изваяние,

потому что слишком чистая вода, пугливый хариус видит его, как он прикуривает папиросу или сделал неосторожное движение, сменив усталую ногу...

А горы!.. Вы любите их? Вы знаете их? Вы видели их своими глазами? Да? Значит, вы счастливый человек. Создавая горы, природа знала, чем порадовать человека. Помните Кавказ? «Кавказ надо мною, один в вышине стою...» Пушкина, Лермонтова без Кавказа невозможно себе представить. Казбек! Снежная острая вершина, облитая снежным молоком. Над облаками встаньте на вершину Ахун-Горы. Пройдите хоть один раз по Военно-Грузинской дороге на рассвете, когда там еще нет машин. Поезжайте в Забайкалье, из окна вагона скорого поезда полюбуйтесь скалистыми обрывами, промчитесь по гулким тоннелям. За Комсомольском-на-Амуре перевалите Сихотэ-Алинь. Или устройтесь удобнее в кресле самолета и зависните на минуту над синими, угрюмыми горами Ала-Тау. С рюкзаком за плечами пройдите вдоль Синего Шихана.

Все хорошо! Все красиво!..

Но все это не Алтай. Горы Алтая – это и Карпаты, это и Эльбрус, это и Каменный пояс, но... еще лучше! Если не дрогнет ваше сердце, не забьется часто-часто при виде гор Алтая, значит, вы не поэт, вы бесчувственный человек; вы пень, деревянная колода! Нет человека в нашей стороне, который бы не любил Чуйского тракта. Только не берите себе машину, не спешите садиться в автобус – пусть вам заседлают коня, привыкшего к перевалам и горным тропам не хуже дикой косули. Не бойтесь, конь не уронит вас в пропасть, только не дергайте поводом, не мешайте ему. Отважьтесь поглядеть с седла вниз, где далеко на дне пенится бесшумная река, – ее звук не доходит до вашей вышины. Ваша дорога, то поднимаясь на перевалы, то извиваясь между скал, приведет вас к подножью седовласой Белухи, у Нижнего Уймона. Вы видели на картинках Арарат? Так Белуха – это еще выше, и лучше!.. Седая вершина ее, будто богатырский шлем, уходит далеко в небо, за облака. А кругом каменный по-

кой, веками никто не нарушал его, тишина. Может быть, только утром рано куран протрубит свой свадебный клич. Да, в природе нет ничего красивее гор кроме... самих гор.

На обратном пути из Кош-Агача, на отдохнувших конях не поленитесь повернуть в сторону от тракта, минуйте долины Абая и Усть-Кана, спуститесь вниз по Чарышу к золотоносному Кумиру. Грохот ущелья, кручи, сверканье солнца...

Не забудьте, что ехать на Алтай лучше всего весной, когда в горах цветет багульник, а распадки сопок расцвечены жаркими огоньками. Воздух чист и густ – хоть берите в руки стакан, черпайте его, пейте, словно шипучий кумыс.

Теперь я знаю, что вы не захотите видеть никакие другие горы, кроме Алтайских. Это было бы все равно, что вместо свежего, росистого, пунцово-налитого помидора вам предложили стакан томатного сока - кисло и солоно вместе...

Может быть, вспомним и о реках?.. Этих живых артериях земли. Ими, слава богу, Россию никто не обделил. Скажите вслух одно слово – Волга! И каждый снимет с головы шапку. У меня нет для нее эпитетов, они были сказаны до меня. Я смог бы о ней спеть песню – широкую и раздольную. А кто не знает, не слышал или не видел сурового Енисея и Ангары – его невесты, упрямой дочери Байкала? С чем сравнить их буйную силу. Остановите их, встаньте им поперек, и стон земли потрясет воздух. Самонадеянному человеку только кажется, что он победил реки, заковал их в оковы. Богатырь порвет цепи. Или расколет, словно орех, землю!

Далеко-далеко, на краю земли течет по равнинам Амур-батюшка. Работяга и кулачный боец. В Хабаровске покупайте билет в каюту теплохода и катитесь вниз по реке до Николаевска, а там встаньте на крутом берегу. Амур – море! Амур – волны! Амур – океанская даль! Вы почувствуете, как уходит из души вашей робость, мысли ваши станут дерзкими, смелыми, вам захочется открывать новые земли, искать новую жизнь.

А великий Днепр?! Редкая птица долетит до середины Днепра – помните? А северная красавица Печора? А древняя, как старец, Двина? Несть им числа...

Но вы не видели белогривой красавицы с бирюзовыми глазами – Катунь, что в Горном Алтае. Косматая, молчаливо-холодная она бьется в ущельях и ушибленная, но не покоренная мчит свои воды в долину, словно упрямая дочь бежит от своих заботливых родителей.

Рядом с Катунью и ее сестра Бия. Это они вместе родили Обь. словно две сестры, протянув друг другу руки, переключаясь, они бегут вниз, в долину, чтобы навеки соединиться в чистом, девичьем поцелуе.

А если вы человек не робкого десятка, сколотите деревянный плот в верховьях Чулышмана, оттолкнитесь шестом - и дай вам бог здоровья! Чулышман не любит слабых. Он неукротим, словно степной конь без седла и узды. Он сбросит с себя любого, в ком хилая душа или слабая рука. Гром! Перекаты! Брызги до неба! Удары в каменные берега! Боль и торжество! – все в этом неистовом стремлении к свободе, к свету!..

Много сложено легенд о Катунь. Последняя, восточная легенда, которую хорошо знал Н. Рерих, гласит о том, что именно здесь, на берегах Катунь произойдет последняя битва Добра и Зла. Именно здесь Иван Сотысячный поразит копьём последнего дракона на земле. Дай бог силы священной реке в этой последней схватке!..

Пора сказать слово и о лесе.

Русский лес!.. На память приходит Беловежская пуца. Есть что-то былинное в его могучей тиши. Это чувство усиливается, когда из леса к кормушкам выходят зубры, плоские, шерстистые, независимые ни от кого и ни от чего. Или вспоминаются корабельные рощи Синего Шихана. Маленький человек стоит, задрав голову вверх, чтобы отыскать где-то там светлое окошко в небе. Девственна и непроходима Уссурийская тайга, куда человек не ходит без топора – им он прорубает себе путь. А может

быть, вам приходилось плутать в лесах Коми, в надежде отыскать охотничью избушку и не сгинуть среди топей и гнуса?

Да, все это лес, все это деревья... Но все это... дрова, в сравнении с лесами Горного Алтая.

Я прошу вас войти со мной, словно в свой дом, в Алтайские леса. Они чисты, словно невеста, они пронизаны свежим ветром и солнцем. Здесь нет комарья – несносного спутника всякого леса. Здесь тебя никто не обидит, лес даст тебе и пищу, и кров. Поднимись на вершину горы, встань рядом с кедром, протяни руку, сорви с пахучей ветки новогоднюю игрушку – кедровую шишку. Отколупни скорлупку – на тебя взглянут два светло-коричневых глазка. Это и есть орехи. Или погляди вон туда, на скалу, где одиноко стоит береза. На ее ветках – разноцветные лоскутки – это люди повесили их с надеждой на счастье и в исполнение желаний.

Я много сказал... Но я ничего не смог сказать о красоте Горного Алтая. Природа больше имеет таланта украсить мир, чем человек. Слова мои бессильны, они падают бесследно, словно вода в песок. Я ничего не сказал и о голубом небе... И о разноцветных коврах цветов... Я бессилен перед этой красотой – Увы! – и кладу на стол свое перо...

Новый человек

В селе Усть-Кан, разбросившего свои избы, словно детской рукой, вдоль Чарыша-реки, в тот день весенний, все было как всегда: и вчера, и сегодня, и завтра. Все, если не считать одного мало-заметного события. В одном из пятистенных домиков, под тесовой крышей мать родила ребенка. А за две недели до этого, в том же доме хоронили его отца. Ребенок был четвертым в семье. Никто не ждал его на этой земле. Он был теперь в тягость людям. Мать склонила над ним лицо не в светлой улыбке, а в горьких слезах.

– Господи! Как нам теперь жить? – шептала она сухими губами, стараясь прижать ребенка к иссохшей груди.

На дворе голодный год. Май 1921 года. Еще носились, как злой дух Кермес, конные разъезды белогвардейских отрядов. Еще вырезали в селах активистов новой власти казаки есаула Кайгородова, свистели казачьи плети над спинами истязаемых. Люди стали забывать вкус хлеба. Ворота дворов были раскрыты настежь – не было скота, некого было загонять в ограду. Тощие собаки перестали лаять – не было силы...

Коренное население края – ойроты (ставшие потом алтайцами), разбросанное по долинам родовыми кочевьями, жило еще по старым законам, точнее сказать – обычаям. Впрочем, русских селений уже было много. С 1756 г. когда зайсаны Горного Алтая²⁰³ приняли решение присоединиться к России, в горы двинулись поселенцы из центральных губерний России. Больше всего, кажется, было Вятских безземельных крестьян. Рядом с поселенцами, а то и впереди их шли, подоткнув полы ряса за пояс, попы и притчи. Они строили церкви и немедля приступали к улавливанию языческих душ, обращение их в лоно Христовой веры. Дело двигалось трудно, неподатливо, но и слеза скалу точит: усилия святых отцов не пропадали в туне...

Аборигены – народ доверчивый. Они с охотой перенимали русские обычаи пить водку, ругаться по матерному. Некоторые перешли к оседлой жизни, рядом с аилами построили избышки на зимнее время. Но дальше дело не шло. Алтайцы, если же не ароковали, то охотничали в тайге, добывая соболя, горностая, рыже-огненных лисиц, колонка, хорька... Белкам никто не ведал счета. Жили по-прежнему в холодных аилах, круглый год носили на себе толстые, отбеленные шубы. Бань не имели и не умывались от рождения, боясь смыть с себя счастье.

Посреди аилов, похожих на островерхие конусные колпачки, разбросанных случайной рукой на поляне, как орудие казни возвышалась длинная жердь подобно колодцу с журавлем, под-

²⁰³ У алтайцев – наследственные владельцы отоков, улусов.

няв длинную шею, на которой была растянута шкура коня, забитого в жертву богам.

Люди не удивлялись, если из аила слышались дикие выкрики и треск бубна беснующегося шамана, они знали, что там лежит больной человек. Алтайцы долго противились новым порядкам, они привычно поклонились еще священным горам, рекам и деревьям.

Алтай, легендарною дымкой повитой,
Увенчанный белой короной снегов,
Из темных веков старины позабытой,
Глядит сквозь завесу густых облаков.
Он видел, как люди в мистическом страхе,
В сношеньях молитвенных с духами гор,
Пред камнем бездушным склонились во прахе,
Кровавые жертвы несли на костер.

Так писал один из первых русских путешественников, побывавший в Горном Алтае.

Земля жива заботами людей. У нее нет другого предназначенья, как сберечь человека, сохранить ему жизнь, помочь справиться с бедой.

– Мать-земля! Господи! Помогите вам с Иванушкой... – плакала мать над зыбкой нового человека, пришедшего в мир так не ко времени.

Она просила, чтобы люди приняли ее дитя, чтобы земля дала ему место – хоть небольшой клочок.

Собрались соседки поглазеть на нового пришельца, всплакнуть по обычаю в фартук; поохали, поохали, да тихонько домой: не своя беда! На сердце не оставляет рубцов.

Говорят, беда не приходит одна, она не любит одиночества. У несчастной семьи со двора пропала корова-кормилица, уцелевшая по воле бога после всех передраг войны. Новому человеку приходил конец, его одолели голодные болезни, кровавые поносы, бессилие. Вину возлагали на алтайцев, которые, надо думать, пустили коровушку на мясо. Кривоногий рахит доживал

последние дни. Проездом из Нижнего Уймона брат отца (дядя Ваня) просил отдать ребенка в сыновья, хотя по справедливости сказать, у него своей детворы был полон двор.

– Нет! Умирать, так всем вместе! – ответила мать. Подступался с такой же просьбой другой добрый человек. Ответ матери был тот же.

Но в каждом горе бывают и просветы. Самые ненастные дни сменяются когда-то и солнечным лучом. Человеку нужен хоть краешек света. Иначе – как жить?!

Коровка нашлась так же неожиданно, как и пропала. Ее привели алтайцы, на которых грешили. Кружка парного молока быстро поставила на ноги, и он заковывал среди зеленой травы двора, как порядочный человек. Посреди двора стояла еще юрта, где отец любил принимать своих гостей – алтайцев, которые после смерти долго еще вспоминали его добрым словом. Мы, ребяташки, не один раз чувствовали это расположение добрых аборигенов на себе, когда, бывало, забегали в какой-то аил.

– Э! Балам Алексеича! Якши-якши... – и совали в руки кусочек сырчика-курута или чашку чегеня. Привозили свои нехитрые подарки и во двор вдовы. А она шила им за это рубахи.

Долго ли, коротко ли, а дни шли за днями, из них складывались месяцы, а там и годы! Каким бы ни было детство: голодным, холодным - оно всегда детство. Много ли надо ребенку для счастья? Краюшка черного хлеба или вместо нее – две-три мундирных, но хорошо посоленных картофелины. Перешитая из обносков рубаха, да штаны чуть ниже колен с заплатой. Лишь бы не быть битым без вины. Оставшиеся от отца и войны кое-какие шмотки быстро променяли в голодный 1921 год на хлеб и просо. На зиму оставили подшитые валенки на всех, да нагольный полушубок. Правда, старшей из дочерей – Клавдии осталась заячья шубенка, как свидетельство прежней роскоши.

Хорошо устроена память человека – она не держит в себе горя и обиды. Плохое к счастью, рано или поздно забывается, оно не накапливается из года в год – иначе оно взорвало бы все

препоны, как вода рвет плотину. Горе и зло вытеснили бы с земли самую жизнь.

Да, были и у нас радости.

Как-то в январский день в селе шумела зимняя ярмарка. С печи, где сидел Иванка, далеко не увидишь. Сорвавшись с голбца, босой Иван деранул во двор, а за оградой – сплошной массой человеческих голов кишел людской водоворот. Деревянные рожки, расписные гармошки, ленты, бусы! Один миг Ивану был дан для любованья. Повернувшись на голой пятке, он готов был к обратному броску, но тут под ногой увидел пряник: конь с розовой гривкой! Схватив его в руку, не веря в счастье, Ваня вприпрыжку бросился домой, отрывая от снега подмороженные ступни. Не пряник у него летал за пазухой – Жар-птица!.. Она жгла, согревала его грудь, она являлась ему потом во сне.

Может быть и лучше, когда человек живет в трудностях – лентяю и тунеядцу нечего вспомнить, он жил на всем готовом и привык без усилий получать все блага.

Прощай, мое детство! Приходи ко мне по ночам, дай мне еще раз поплакать и порадоваться!..

Мама

Нет детства без мамы, как нет жизни на земле без солнца. Особенно, когда ты без отца; когда некому защитить твоё детство от злых людей и беспощадных законов жизни – бить слабых и сирых. Тогда мама для тебя и кормилец, и утешитель, и защитник. Ты бежишь к ней от чужой обиды, прячешь лицо в ее фартук, обхватив колени слабыми руками. В них нет силы, чтобы дать сдачи твоему обидчику. С мамой вас уже двое, а двое – не один. Двое в дружбе, когда каждый может отдать жизнь за другого, многого стоят в этой шаткой жизни. Без отца ты хром на одну ногу, ж а без мамы – без двух ног сразу.

Вдовы новой войны хорошо понимают это. Моя мама осталась вдовой в тридцать лет, с четырьмя детьми на руках. День и ночь сидела она, склонившись над стареньким «Зингером», ду-

мая под стук машинки свои невеселые думы. Она обшивала интернат, поставила это дело на поток. Клепала штаны и рубахи для нетребовательных заказчиков, в том числе и алтайцев, делавших первые шаги к цивилизации. Помню, что в моде были галифе, их носили не только в сапоги, но с ботинками, обмотками, тапочками...

Часто мама, не откладывая работы, пела потихоньку песню. Это были песни-размышления.

Что склонилась ты над рекою
И задумчиво в волны глядишь...

Бывало, и всплакнет тут же. Что ж удивительного!.. Для себя пела, не для других.

Ты подрастал, я все мечтала,
Что юность бедная твоя
На старость, будет мне опорой
Опора верная твоя...

Была ли счастлива она хоть на минуту? Было ли ей легче хоть на час? Я думаю, были какие-то дни, когда она забывала свое горе. Я говорю о книгах. Мама очень любила читать. Она жила жизнью своих героев и героинь. И все годы она помнила их, будь то «Всадник без головы» или «Пармская обитель». Литературные герои были для нее живыми людьми, с которыми она делила свои мысли, у которых просила совета. В детстве она не ходила в школу, сама где-то научилась читать и писать. Книжки сделали ее гордой, поднимали ее над сельской, бедняцкой действительностью. Она была одна наедине с собой, она боялась жалости людей и никогда не судачила ни о чем с соседками в пустых разговорах.

Из подруг ее я знаю одну: Машу-цыганку. Каждое лето за селом стоял у нас цыганский табор. И каждый год приходила к нам Маша подолгу с мамой о чем-то говорили. Бывало, и споют песню. Что их объединяло? У Маши тоже не было мужа, у нее была какая-то тяжелая судьба. Я подозревал, что Маша, и не цыганка, а русская, и с табором ходила, чтобы уйти от суетливой

черной жизни. К нам, детям, Маша относилась с какой-то болезненной добротой, мы любили ее, и нам было ее очень жалко. Одним словом, это была грустная дружба, хотя остались от нее светлые воспоминания.

Мама родилась в Новониколаевске (ныне Новосибирск) в рабочей семье среднего достатка. Дедушка был по роду занятий строитель. Он мог построить любой дом. Умел конопатить дома, плотничать, столярничать, крыть крыши, пилить из бревен доски... Но честным трудом не построишь себе хоромы – сам он имел пятистенки у Черного ручья и кормил четверых детей.

Замуж мама вышла 16 лет. В то время отцу было уже около 30 лет. Он пришел с японской войны и был кавалер хоть куда. До свадьбы они виделись один день – обычное дело в те времена, когда в браках все учитывалось, кроме любви. Впрочем, что такое любовь?.. Никто не знает. Некоторые ученые говорят, что это – болезнь, неестественное состояние человека. И как всякая болезнь, любовь проходит со временем. А нередко так же неожиданно переходит в ненависть. Как бы так ни было, родители жили дружно, при обычном господстве мужа в семье.

Практика семейных отношений говорит за то, что это самый подходящий вариант. Женщина должна быть слабее мужа, в этом ее привлекательность и назначение ее в семье, как воспитательницы детей, сострадательницы чужому горю. Главный ее инструмент – доброта. Мужчина суровее по характеру, сильнее, потому что именно он ведет борьбу за существование семьи и ему нельзя расслабляться перед лицом жизненных трудностей.

Но я опять ушел в сторону.

Что сказать еще о маме. В молодости она была красивой девушкой. По характеру – добра, но в меру. Модного тогда Л. Толстого с его непротиплением злу она принимала равнодушно.

Умерла мама 78 лет, на руках у детей. Все приехали на похороны, кроме старшего сына, умершего раньше ее, в возрасте 46 лет.

Мы все ее любили. Вечная ей память!..

Отрочество

Я уже говорил, что имел счастье родиться в одном из красивейших уголков земли: в Горном Алтае, близ китайско-монгольской границы, в селе Усть-Кан. Время было тревожное, переломное... Село было аймачным центром²⁰⁴ и состояло из четырех улиц, вдоль которых лепилось сотня-полторы деревянных пятистенков и простых изб. Улицы тянулись вдоль берега Чарыша и вместе с рекой делали большой поворот у Никольской горы. Здесь же у подножья горы в Чарыш впадала еще небольшая речка – Кан, что по-алтайски значит кровь.

На крутом берегу Чарыша стояла одинокая деревянная церковь – Знаменье, к тому времени уже без креста. В дни моего детства она служила клубом, там же помещалась изба-читальня, там же крутили кино. Церковь была своего рода культурным центром села. Летом на площади возле нее ребятня играла в лапту, тут же стояли «исполинские шаги», на которых парни кружили визгливых девок.

Много больших и малых гор на Алтае, никого тут ими не удивишь. Немало их и вокруг Усть-Кана: но Никольская гора – гордость села. Она крутой стеной падает откуда-то сверху, упираясь в берег Чарыша. Острые скалы, осыпи, колючие кусты и камни – серые, синие, желтые... Из села хорошо видна пещера, где когда-то обитали наши предки в шкурах зверей. Не дураки были наши волосатые родичи, умели выбрать место, ценили красоту, имели вкус...

Разумеется, у всякого человека есть свой уголок на земле, но я могу лишь пожалеть того, кто не родился в Усть-Кане, не видел настоящей красоты.

Я говорил уже, что детство мое было беспризорное, без отца. Но от людей я слышал о нем много хорошего. Он был участником двух войн 1905 и 1914 годов, унтер-офицер, Георгиевский кавалер. Но порвал со своей, сравнительно богатой семьей сразу,

²⁰⁴ Аймак – район.

как вернулся из окопов. При советской власти был служащим, работал бухгалтером в районном сельпо.

Романтики в нашем детстве было предостаточно. Целыми днями мы пропадали на реке, в горах, за селом. Домой прибежали только поспать, с порога падали на голбец, на сундук, а то и просто на пол и засыпали мертвым сном. А летом вовсе в избу не заявлялись, запасшись двумя-тремя картофелинами, уходили на рыбалку, на берегу Чарыша жгли ночные костры. Река, леса, горы, все вокруг кормило и поило нас. Были, конечно, и страхи, были и происшествия, когда звери и зверята выползали из своих убежищ и выходили, как и мы, на ночную охоту. Помнится случай, когда мы поймали медвежонка на самой окраине села, у нового кладбища. Косули табунками спускались с гор ближе к людям, особенно в зимние дни, в бескормицу. Волки по ночам хозяйничали в стайках, как дома. По весне на солнцепеке токовали косачи, их свадьбы были слышны с крыльца избы. Зайцы зимой торили снежные тропы, твердые как пешеходные дорожки. Ставь три петли – утром бери двух зайцев. Брось в реку три крючка на ночь – вытаскивай двух налимов.

Осенью ребятишки всем селом бегали в горы, за кедровыми орехами. Среди завала камней, я как-то раз неожиданно увидел жестяную банку, в которой оказался мешочек с царскими деньгами. Тайник! Испугался, бросил шишки, мотнулся домой. Я считал себя уже богачом, но дома, мама прогнала меня в милицию, сдавать клад. Осталась у меня случайно лишь мятая пятерка с царскими орлами. Гляжу сейчас на нее, вспоминаю...

Летом по воскресеньям все село высыпало на поляну. Парни в сатиновых, вышитых рубахах, девчата в цветных полущалках. Вечером, в сумерках плясали под гармошку, пели частушки.

– Эх! Жми-дави, выкаблучивай...

Кажется, откуда взяться этим рослым парням, ведь только окончилась гражданская. Но еще вчера такой заморыш хныкал на морозе и мотал соплю на рукав, а сегодня идет таким чертом, поигрывая концом шелкового пояса с кисточкой на концах.

Но лучше всех воспоминаний оставила у меня коммуна. Зима в тот год была особенно лютая. Обувка и одежонка – плевые. И не один раз по дороге в школу, бывало, забежишь к людям оттереть нос и уши. На катушку с лотком, приготовленным заранее, мы бегали по очереди, меняя на всех одну пару старых пимов, младшему из нас, конечно, все блага доставались в последнюю очередь. Если вообще доставались...

Но я начал говорить о коммуне. Особенно мне нравилась коммунарская столовая. Посреди комнаты стоял длинный стол и на нем в тарелках – О, боже! – высились горы нарезанного хлеба. Никогда раньше, да и потом я не видел такого изобилия хлеба, такого доступного богатства. Люди и позажиточнее нас, безотцовщины, не каждый день раньше ели досыта, а о нас не приходится и говорить. Хлеб в коммуне ели и в столовой, и дорогой в школу, и на уроках, и во сне... В том же кулацком доме, где была столовая, открыт дровяной сарай. Тут же стояла рядом с кучей колотых дров запряженная в сани коммунарская лошадь, общая для всех. Мы налетали на эти санки, накидывали туда дров и с песней везли дрова домой.

От наших же красных ударов
Погибнуть должны кулаки!..

– категорически пели мы.

Но гримасы судьбы! – как говорил алтайский интернатовец Кучук, когда чему-нибудь здорово удивлялся.

Да, гримаса судьбы. Сон скоро кончился. Как-то в один из морозных дней, по селу пополз слухок, что коммуна доживает последние дни. То и дело собирались кучки людей, слышались возмущенные слова:

– Для лодырей эта коммуна! Для голодранцев!

– Уравниловка! Гусь свинье не товарищ.

– На других хребта ломим!

Как-то утром во время занятий в класс забежал Шурка Кононов, крикнул с порога: «Коммуну грабят!»

Словно ураган пронесся по школе. Мы с братом бросились на птичий двор – в коммуны мы сдавали четыре курицы. Надо было срочно вернуть их домой. На птичнике стоял дым коромыслом!

– Тащи, бабы! Свое берем!

Найти своих несушек в этой свалке – нечего было и думать. Похватали первопопавших под руку – и давай бог ноги. Дома их, разумеется, никуда не выпускали, убегут к своим хозяевам. А через какое-то время, когда коммуны растащили и все успокоилось, глядим – наши куры у порога. Прибежали домой. Мама, конечно, выпустила чужих курчат – все по совести – но передрыга видимо, сказала на них отрицательно, и они забыли дорогу домой. Так, мы без всякого труда удвоили свое бедняцкое хозяйство. Теперь посудите сами, как не вспомнить нашу коммуны добрым словом.

Между тем домашние наши дела пошли наперекосяк. В 1931 году мама вышла замуж второй раз. Против всяких ожиданий родила, да еще двойню. Отчима перевели работать в алтайское урочище Яконур (15 км от нашего села), где не было русской школы. Старшие сестры и брат рассыпались как горох, кто куда, и остался я в Усть-Кане один, как перст. Домишко отцовский продали, а в конце села купили избушку на курьих ножках. Здесь я и поселился, приглашая на житье за плату нуждающихся в жилье квартирантов... С 10 лет я должен был сам заботиться о себе. Разумеется, время от времени я ходил пешком в Яконур к маме за харчами, но хлеба не было и у них. Питались в основном мясом (отчим был счетоводом в колхозе), чем алтайцы были довольны, так как хлеба они никогда не имели. Я ждал неделю, вторую, а то и месяц, когда появится в доме овсяная лепешка, и бежал снова в школу. Наступили зимние холода. Немудрено, что я простыл. И заболел. Провалился пластом, кажется, полгода. Все возможные болезни, которые знали в райбольнице, прошли через мое тело. Но, странное дело! Другие умирали, а я никому не на радость снова остался жить.

На следующий год я пошел в школу в другое село, в Черный Ануй, в надежде на поддержку дяди, младшего брата мамы. Туда же прибилась и Николай, мой старший брат. Осень мы держались, покуда у дяди была картошка. Ходили по огородам, вырезали кочерыжки из капусты. Но у дяди было своих четыре рта и, прикончив всю картошку из подвала, мы с братом потопали из села и из школы – сначала он, а потом я. Предварительно здорово подравшись с каким-то недорезанным кулачком. Идти пришлось уже по снегу, через горы, километров сорок. Без куска хлеба. Помню, не один раз набегали на ум невеселые мысли. Но до дому добрал. Пришлось снова идти в Усть-Кан и вступать в обязанности домовладельца. Я стал продолжать учебу, а брат подался в ученики киномеханика и радиста, то есть избрал себе культурный фронт.

Так прошел еще один год.

Хотя и медленно, но дело продвигалось вперед. Скоро я уже пошел в 7 класс. Видны были контуры новой жизни, поскольку учебе наступал конец. Неполное среднее образование – учиться выше, надо было ехать в город. Это была пустая мечта. Но не зря говорят люди, что человек предполагает, а судьба располагает. Снова она готовила мне неожиданный удар.

Но, прежде, маленькое отступление. Кто такие были Знаменские и как оказались они на Алтае? По линии отца родоначальником этой фамилии был коренной алтаец (или горный шорен) случайно забредший в Уст-Кан откуда-то с гор. Это было время ранней колонизации Горного Алтая русскими поселенцами. Новые пришельцы в первую очередь ставили церковь для улавливания языческих душ и обращения их в лоно церкви, иными словами, для крещения кочевников-алтайцев в православную веру. Нашего бродячего предка церковники привелили, накормили и, видя, что ему некуда деваться, дали должность сторожа. Скоро он стал лопатить по-русски несколько слов, а тут подвернулась под руку какая-то русская бабочка, такая же заблудшая душа. «Хочу жениться!» – воскликнул абориген. Раз

жениться, значит надо венчаться! К счастью молодых, трудностей никаких не было: ради русской жены и сытой жизни горец согласен был обратиться в любую веру вплоть до разбойной. Но как было поступить с фамилией нового раба божьего? Ведь у алтайцев ее нет, кроме имени, которое дают ребенку родители, поглядев на потолок. Батюшка не стал ломать свою голову и нарек новоиспеченного христианина по имени церкви Знамения – Знаменским. Так, эта духовная фамилия и идет в род уже около сотни лет. Со временем род обрусел окончательно. А кто-нибудь из Знаменских по традиции учился в духовной семинарии и постоянно оставался в прислужниках церкви: были среди них дьяконы, церковные старосты, были и другие духовные чины. До революции они были сравнительно зажиточными людьми, особенно родная сестра бабушки Знаменчихи вышла замуж за скотопромышленника Мокина, человека богатого и известного на Алтае и в Монголии, где у него была большая торговля. Но я уже говорил выше, что отец порвал с родителями еще во время империалистической войны²⁰⁵, он в окопах состоял в полковом комитете, хотя имел чин унтер-офицера и был Георгиевским кавалером.

Что касается нашей семьи после смерти отца, то завидного тут ничего не было, жили впроголодь, о былом влиянии прежних Знаменских напоминал только бабушкин, единственный в селе, двухэтажный дом, конфискованный после революции районными властями. Но фамилия Знаменских еще долго ассоциировалась в умах людей с церковно-духовным укладом жизни и богатством. Хорошо это или плохо было для нас нищевродов, сейчас скажу.

Как-то в зимний день, после уроков, нам объявили, что будет проходить общешкольное собрание. Все сбились в самом большом классе, пришел директор и объявил повестку дня: «Об исключении из школы ученика 7-го класса Знаменского». Гром

²⁰⁵ Первой мировой.

среди ясного неба! Я онемел, все пять чувств отказали мне разом. Так просидел я все собрание.

Не буду сейчас подробно излагать все перипетии дела, скажу только, что результат был плачевный. Меня действительно исключили из школы с формулировкой какой-то туманной, кулацко-политической. Наступали «знаменитые» сталинские 1936-1937 годы. И этим все сказано. Всякий старался внести свою лепту, чтобы быть на «уровне». В людях же подлых, конъюнктурных, способных ради карьеры и личного благополучия пожертвовать родным братом, у нас никогда недостатка не было, ни раньше, ни сейчас...

Итак, снова впереди полная неизвестность. Потопал я пешочком на разведку в село Абай (60 км) в соседнюю неполную среднюю школу, не имея ни копейки в кармане, ни куска хлеба на дорогу. Пришел туда ночью, в селе глухо, даже собаки не лают. Вдруг в темноте мелькнул огонек. Подхожу – кузница! И в ней, как и положено, настоящий кузнец. Я свалился прямо на земляной пол. Хороший человек дал мне отдышаться, расспросил по-человечески и отвел меня к себе домой. Долго они шептались в тот вечер с женой, а на утро вместе с их детьми я пошел в новую школу. Хозяева предъявили мне условия, что буду платить им по 50 руб. в месяц с полным пансионом. Я готов был согласиться и на 100 рублей, все равно я знал, что платить за меня было некому.

В последующие месяцы ничего существенного не произошло, если не считать, что меня второй раз исключили из школы. Правда, на этот раз определили условный срок для исправления, который я постарался выдержать без замечаний.

Весной, как ни странно, меня из долгов выкупили сестры, и словно новый пятак я заявился домой со свидетельством об окончании семилетки в кармане. Наступила полоса удач. Летом неожиданно приехала за мной старшая сестра и увезла с собой в Барнаул.

Так закончился первый этап моей веселой и грустной жизни.

Юность

Итак, если чуть изменить слова поэта, то получится так:

«Юношей в 15 лет я, наконец, увидел свет»...

С болью в душе покидал родной край и свое детство. Дорогу из села выбрали самую прямую, через перевалы. Конек наш, тащивший пустую телегу, едва передвигал ноги. Я всю дорогу (4 суток) шел позади возка, на котором сидели возница и какая-то попутчица, девчонка моих лет. Багаж у меня был не тяжел: в кармане шуршала тройка, которую сестра дала на дорогу, а в телеге лежала котомка на тот случай, когда разбогатею и некуда будет положить нажитое добро.

Отдыхая на перевалах, я все глядел в ту сторону, где оставалась моя маленькая родина и большая половинка души. Думал ли я тогда, что эта разлука навсегда и что всю жизнь потом эти горы, эти скалы и буйные реки будут сниться мне по ночам тревожно-сладко до крика и слез. Я шептал про себя Есенинское письмо сына своей матери:

Я вернусь, когда раскинет ветви.
По-весеннему наш белый сад,
Только ты меня уж на рассвете,
Не буди, как восемь лет назад.

И ответ матери сыну:
Милый сын, письмо я получила,
И спешу писать тебе в ответ,
С каждым днем слабеют мои силы,
И не знаю – свидимся иль нет.

Жизнь, вырвав меня из тихого уголка, закрутила, завьюжила в городской суете, среди чужих людей.

Шел 1936 год. В Барнауле я пошел учиться в школу, в 8 класс. Сестра одела меня по-городскому, как говорится, скромно, но со вкусом. Не могу не вспомнить конфузного случая, случившегося в первые дни моего приобщения к городской цивилизации.

Жили мы в городской гостинице. По правилам проживания там мне надо было пройти санобработку. Сестра снабдила меня бельем, и я пошел в баню, здесь же, при гостинице. Я двинул по коридору, потом свернул в указанную мне горничной дверь, но бани там не обнаружил. В сырой от пара комнате стояло большое эмалированное корыто, и кругом какие-то трубы, краны... Долго я примеривался с какой стороны начать дело, стал пробовать что-то крутить. И вдруг сверху на меня хлынул поток воды. С испугу стал крутить быстрее... Влево – не помогает! Снова вправо – еще хуже!.. Наконец, с водой я кое-как сладил, но второй раз судьбу испытывать не стал. Взгляд мой упал на большой таз, стоявший на табуретке. В нем была вода. Это меня спасло. Я плеснул из него воды в лицо, смочил волосы, причесал их снова. И был готов!

– Что ты так быстро пришел? – спросила сестра, подозрительно оглядев меня.

– А что там долго чикаться!

Но все это были трудности роста. Кстати сказать, в эти же первые городские дни я впервые увидел звуковой фильм, «Аэроград»²⁰⁶. Впечатление от говорящих людей, от музыки было, конечно, незабываемым. В селе у нас было немое кино, один-два раза в месяц. Чтобы поглядеть картину, мы шли к киномеханику и нанимались крутить динамо-машину (электричество еще не было проведено), чтобы дать свет. Один вечер крутишь, а второй вечер смотришь кино.

А в один из летних дней мне крупно повезло – киномеханик доверил мне продавать билеты. Кино, помнится, было с участием молодого И. Ильинского, и я едва успевал «обилечивать» зрителей. После сеанса вырученные деньги, по расчетам механика, я отдал ему. Но мне показалось, что в кармане у меня хрустят какие-то бумажки. Я вышел на улицу и у чьего-то освещенного окна вынул их на белый свет. И точно: это были три бумажки по рублю. Деньги! Прибежал домой я все рассказал матери. Я хотел сделать свой пер-

²⁰⁶ Советский художественный фильм 1935 г. режиссера Александра Довженко.

вый трудовой взнос в копилку семьи. Я считал это чудом. Но мама решила иначе: утром она отправила меня отдать деньги кинемеханику. Только тогда я понял материальный закон, что чудес не бывает, что из ничего – чего не сделаешь. Если ты взял что-то в одном месте, то столько же не хватит в другом...

На этой грустной ноте и заканчиваю взгляд в прошлое и снова возвращаюсь в Барнаул.

В истории страны этот период ничем исключительным не выделялся. С другой стороны, он был одним из наиболее благополучнейшим из годов. Старые раны немного подлечили, а новые испытания были еще впереди. Повсюду приветствовали ударный труд, с газет не сходили портреты Паши Ангелиной, Марии Демченко. Молодежь с песнями ехала на Дальний Восток. На памяти каждого была героическая эпопея по спасению члюскинцев. Еще и сейчас, глядя на кадры кинохроники тех лет, можно видеть, как на открытых машинах среди снегопада листовок и цветов, ехали герои по улицам Москвы. Вокруг на тротуарах неистовствовал народ в радости и гордости за своих сынов. Чкалов впервые покориł Северный полюс. Готовился туда Папанин. Успешно заканчивалась вторая пятилетка²⁰⁷. Одним словом – рапорты, победы, триумф!..

Зимой, в ноябре 1936 года открылся знаменитый VIII съезд Советов СССР. Люди, стоя у репродукторов, слушали доклад Сталина о Советской конституции, а 5 декабря был объявлен всенародным праздником. Социализм стал реальностью. Страна ликовала! Мы, комсомольцы, мотались как черти по собраниям, слушали лекции, говорили что-то сами, пели и декламировали стихи.

В это же время было принято решение отметить 100-летний юбилей со дня гибели А. С. Пушкина. Учили его стихи.

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, труда и вдохновения...

²⁰⁷ Вторая пятилетка 1933-1937 гг.

Знаю, что не буду оригинальным, но не могу удержаться, чтобы еще раз подчеркнуть народную любовь к Пушкину. К сожалению, сегодня поэта знают далеко не все молодые люди. Один юноша, как-то на мою просьбу прочитав что-нибудь из Пушкина, не мог припомнить и двух строк. Обокрал себя мальчиш. Наказал на всю жизнь. Отнял у себя не одно чудное мгновение.

...Учеба моя в городе шла не столь успешно, как у себя в сельской школе. Впрочем, и не мудрено. В глухом алтайском селе преподавание было не столь высоким. Многие предметы, например, историю, иностранный язык вовсе не проходили из-за отсутствия учителей. Если ко всему этому добавить, что не один раз пропускал занятия по разным причинам по месяцу и больше, заявляясь в школу, когда бывал уже вычеркнут из списков, то можно себе представить мою подготовку. Если быть правдивым до конца, то не помню ни одного случая, чтобы выполнял домашние задания. А бывало и так, что я не мог попасть на первые уроки потому, что босой ожидал, когда на дороге растает иней, (последние заморозки), чтобы бежать в школу.

Так или иначе, но скоро я убедился, что от дальнейших занятий в школе придется отказаться. А вскоре обстоятельства подтолкнули дело. У сестры умер муж, и она осталась одна с тремя детьми. Следовательно, и мне нужно было делать оргвыводы. Обдумав крепко свое положение, я решил махнуть в г. Кемерово, и поступить в горно-угольный техникум. Выбор мой был обусловлен тем, что здесь было слово «горный» и этого было достаточно, чтобы все мои симпатии были на стороне техникума. Решение о самостоятельной жизни было полностью в духе того времени, когда с детства старались не плодить тунеядцев. Скоро я предстал перед приемной комиссией. Все шло поначалу хорошо, но по злосчастной математике получил неуд! Математика всегда была моим горем. Проценты, равенство и другие арифметические действия я исчислял хорошо. Но почему в алгебре: « $a+b$ » равнялось « c », я никак не мог взять в толк.

— Где логика? — спрашивал я у самого себя. И не находил ответа.

– Почему сумма двух букв равняется какой-то третьей? Убей меня бог! – выходила нелепость какая-то.

В учебной части мне предложили не забирать документов, а остаться кандидатом в студенты. Это было здорово придумано! Нескольких человек держали в резерве на случай возможного отчисления тех, кто по какой-то причине отсеивался в первое время. Причины были как объективные, так и субъективные. А до того как освободится вакансия, кандидаты посещали занятия, и кроме того, преподаватели тянули их до «кондиции», чтобы не отставали от программы. Сейчас нечто похожее, кажется, делается на подготовительных курсах.

Может быть, и было бы все хорошо, но скоро выяснилось, что слово «горный» никакого отношения к техникуму не имеет. В нем готовили шахтеров для Кузбасса. Оказалось все наоборот: вместо высоких гор надо было спускаться под землю. Все это я понял, когда побывал в шахте. Кроме того, стипендия студентов была скуповатой, без каких-либо излишеств. Платили по 30 рублей в месяц, при цене хлеба 90 копеек за кило. Следовательно, в день приходилось по килограмму черного хлеба и по три кружки кипятку. На приварок денег уже не было. О белом хлебе тогда не имели ни малейшего представления. Мне кажется, что тогда белую булку ел только тот, кто сейчас ест паюсную икру.

Но, что там не говори, а хорошо, когда ты молод и все двери для тебя открыты! Я понял, что математика будет мстить мне всю жизнь и надо было менять профиль деятельности, держаться от нее подальше. Кроме того, не вредно было и подхарчиться. Силенки убывали на глазах.

Я повернулся на одной ноге на 180° и подался... в учителя! Для этого мне достаточно было перейти по льду через реку Томь. И я поступил на шестимесячные курсы по подготовке учителей начальных школ. Здесь мы стали получать по 60 рублей в месяц, то есть вдвое больше прежнего. А это для нас уже был капитал. Правда, это не означало, что я стал упитаннее. Общежития нам не подавалось, и мы вдвоем с другом - Иваном Вагиным, сняли ком-

нату в частном домишке, недалеко от городского зверинца. На курсах нас гоняли без всякого сострадания. Торопились подковать к новому учебному году. Жили мы с Иваном дружно, тихо и без всяких происшествий, по формуле: курсы – комнатенка, и снова комната - курсы. Иногда у нас заводился в кармане лишний рублишка. Один раз в месяц мы позволяли сбежать в кино. Помнится, в кумирах экрана тогда ходил Николай Черкасов²⁰⁸. Рассказывали, как однажды он снимался с орлом на плече. Хищник во время съемок стал клевать Черкасова в ухо. Шла съемка и актер вытерпел до конца, хотя кровь заливала ему плечо. В зверинец мы с Иваном не ходили ни разу, потому что рано утром звери по соседству каждый день открывали такой концерт, что мы быстро вскакивали со своей подстилки на полу и давали деру на речку, умываться. Постелью нам служили, смотря по погоде, или Ванин плащ, или мой полушубок: в холод мы укрывались полушубком, а плащ стелили на пол. В теплые дни делали наоборот.

Помнится, со мной в эти дни произошел очередной конфуз. Ребята всем классом во время обеденной перемены побежали на реку купаться (было уже лето). Выбрали безлюдное место и, раздевшись догола, бросились в холодную воду. Решили плыть наперегонки на другой берег, но вскоре я обнаружил, что плыву один. Ребята отстали. Едва я догреб до цели, я понял, что обратно переплыть реку у меня не хватит сил. Друзья мои между тем, оделись и побежали на занятия. И так, я словно Робинзон остался на другом берегу, без штанов. Но там были люди и отдыхающие катались на лодках, поэтому мне пришлось сидеть в воде. Наконец мне повезло: я ухватился сзади за лодку, словно за буксир и в таком виде был доставлен на водную станцию. Здесь народу было еще больше, а главное до нашего места надо было идти далеко вверх по реке. Прошло уже больше часа, а Томь – это не Черное море. По берегу без штанов тоже не пойдешь. Наконец я кое-как добрал до своего места, но – увы! – бельиш-

²⁰⁸ Черкасов Николай Константинович (1903-1966).

ка моего не оказалось. Тут я узнал, что друзья снесли его старухе, жившей в хатке на берегу. Туда я послал ребяташек, которые, видя мое бедственное положение, сбегали за барахлом.

Дальше с Иваном у нас шло все хорошо. Но вдруг при всем его могучем теле он неожиданно заболел. Что с ним случилось, никто не знал. Обращаться куда-то за помощью было не в наших правилах, мы привыкли надеяться только на себя.

Так и лежал Иван на полу, укрывшись полушубком. Какая бы болезнь ни была – рассудили мы – нужно усиленное питание. Решили пожертвовать Ивановым плащом. Базар был рядом и скоро наш больнойпил молоко, запивая им сырковую массу – питание для нас недоступное в обычных условиях.

Но бог не без милости – Иван поднялся.

– Ничего! Успокаивал он себя. – Кости целы, мясо нарастет!

Я не пытался его оспаривать: кости действительно были на месте и выступали наружу со всех сторон.

Долго ли, скоро ли, а время шло... К осени мы постигли все науки и готовы были вступить на стезю народного просвещения. Распределения долго ждать не пришлось. Взяв полушубок под мышку, я двинулся на базар искать колхозную подводу в свою деревню, этой же ночью, в дождь и слякоть я прибыл в деревню, лишившись в самый короткий срок своих парусиновых туфель на литой, резиновой подошве. В раскисшем от дождя полушубке я явился в школу, готовый выполнить свое высокое предназначение.

Устроившись с жильем, я решил подвести некоторые итоги последнего года. За год моего отсутствия из дома и свободной жизни полностью оправдал себя тезис, чем раньше человек испытает трудности в жизни, тем легче ему потом будет в жизни. Разлука с родными пошла мне на пользу, я почувствовал себя на собственных ногах. Семнадцать лет – тот возраст, когда человек хочет показать все на что он способен! Все или ничего!

Вот девиз юности – никаких половинок. Компромиссы – удел старости.

1938 год. К концу учебы на курсах учителей я понял, что иждивенчество мое на шее государства стало затягиваться – пора было работать и на отдачу, приносить какую-то пользу людям.

Страна напряженно трудилась, готовилась к решающим событиям. Шли последние бои в Испании. Интернациональные бригады были обманом выведены из страны, Франко праздновал кровавую победу над республикой²⁰⁹. Возвратились домой и наши добровольцы. Все почувствовали запах настоящей войны. Японские самураи хозяйничали на севере Китая у наших границ и вели наступление в глубь Китая. Наши летчики-истребители и тут вели бои, на этот раз на стороне китайского народа. В Европе – налился кровью фашизм. Только что пала Чехословакия²¹⁰, свастика все ближе придвигалась к нашим границам.

Невооруженным глазом было видно, что назревает новая война.

Теперь было неизвестно лишь одно – когда именно...

Но жизнь шла своим чередом. Страна работала, а если оставалось свободное время, то и веселилась. Молодежь, комсомолия, пела бодрые песни.

Мы мирные люди, но наш бронепоезд
Стоит на запасном пути...

Мое учительствование началось без особых осложнений. Деревня Марчиха – чувашский колхоз дворов до ста. Школа располагалась по существу в одной, не столь уж вместительной комнате с кирпичной печкой в углу. Занятия проводились одновременно с двумя классами (в школе был еще один учитель) в две смены. Коллега мой был тоже холостой, не столь молодой. Постарше меня и, конечно, опытнее. Скоро он женился. От деревенского безделья нашел себе занятие по душе...

Мне же в деревне жить нравилось. Я с удовольствием ходил по осенним полям, глядел, как идет жатва хлеба. Особенно приятное зрелище, когда работает комбайн.

²⁰⁹ 1 апреля 1939 г.

²¹⁰ 15 марта 1939 г.

Главным событием политической жизни страны был выход в свет «Истории ВКП(б)»²¹¹. Мы, учителя, ездили каждую неделю верхом на лошадях в соседнее село, где была неполная средняя школа. На этих сборах мы выступали обязательно, и нам как школятам ставили оценки. Первые три главы осилили сравнительно быстро. На четвертой забуксовали (диалектический материализм). Говорили, что главу написал сам Сталин. Так это или нет, но характерные черты диалектического материализма довались с большим трудом. Конечно, были и курьезные случаи. Объясняя, например, диалектический тезис взаимозависимости явлений, один учитель приводил пример: однажды у крестьянина на поле увеличился урожай. Все удивлялись этому, но объяснить не могли. Как-то случайно люди обратили внимание, что в селе поселилась старая дева. Она, как и все старые девы любили кошек. Кошки же пожирала мышей. А мыши пожирала урожай. Все стало ясно, взаимозависимость явлений была налицо. Но не все так просто было объяснить. Как, например, понимать, что количественные изменения, накапливаясь до определенной черты, превращаются в качественные, новые формы. Мы не могли понять, в чем разница между рублем и ста копейками. Или. Из тысячи зайцев можно ли получить одного слона. Бились до тех пор, покуда на областном сборе в Кемерово один умный человек не объяснил нам, что речь идет о социальных явлениях. То есть факты, тенденции, накапливающиеся год от года, например, отрицательные явления царизма, приводят, в конце концов, к взрыву, то есть к революционному скачку.

Кстати, нечто похожее происходит в стране сейчас. На 27-ом съезде²¹² т. Горбачев отметил, что негативные явления последних лет, накапливающиеся годами, привели к своего рода взрыву, к новым решительным мерам и крутым изменениям во всех сферах общественного бытия. Нужен скачок, ломка старого

²¹¹ Учебник «История ВКП(б). Краткий курс» был опубликован в 1938 г.

²¹² XXVII съезд КПСС проходил 25 февраля – 6 марта 1986 г.

сознания! Теоретики-философы, если не сегодня, то завтра назовут этот скачок революционным.

Но вернемся в 1938 год.

Несмотря на материальные трудности, народ в городе (да и в деревне) жил весело. Старые раны постепенно зарубцовывались, а новые испытания были еще впереди. Люди как бы обрели второе дыхание. Пятилетки выполнялись за три года. Комсомолия бурлила, словно река на перекате: шум, смех, танцы под патефонные пластинки (модными были вальсы, танго). Летом игры на полянах: салки, мяч, городки. Мы с коллегой – директором школы держали себя среди молодежи сдержанно – учителя! – но поглядеть на веселье было всегда интересно. Зимой собирались в колхозной конторе, и бухгалтер, работавший по вечерам, только кряхтел с досадой. Кино в деревне не было, как не было клуба вообще. У нас в школе было с полсотни книжек, все мы их перечитали по несколько раз.

Со своими подопечными проблем у меня не было, учил я их по-своему, особенно по русскому языку. Видя, что чувашские ребята нетвердо знают правописание, я давал им какой-нибудь рассказ из книги и велел переписывать его в свои тетради. И так каждый день! Я рассчитал, что если они хорошо запомнят хоть несколько новых слов каждый день, то за год это будет не так уж мало. К моему удовлетворению к концу учебного года ребята действительно многое узнали, а некоторые знали рассказы наизусть. Они отлично могли прочесть на память «Ваньку Жукова», «Принца и нищего», хотя сегодня я очень сомневаюсь, чтобы это входило в их программу. Сидеть за перепиской по два часа в день ученикам, конечно, было нелегко. К концу занятий они уставали и пробовали ныть.

– А пение будет? – спрашивали они.

– Петь, ребята, будем дома... – И вместо пения они снова переписывали текст. С дисциплиной хлопот не было, ребятишки были еще малы и не избалованы. Правда, Вася Иванов ездил в

школу на свиданье. Но это было после уроков и касалось его личных прав. Свободу личности надо уважать с детства...

Зима показалась мне короткой. Не успел я претворить в жизнь все свои педагогические задумки, как на деревьях зачирикали воробьи. Весна!.. Надо было готовить мою мелкоту к переводу в следующий класс. Диктанты каждый день. Работа с рассказом каждый день. И, надо сказать, дело подвигалось неплохо. Подкачал, правда, Иванов. В своем диктанте он накостылял 10 ошибок, а для «удочки» надо было не больше семи. Что делать? Я понимал, что если его не перевести в 3-й класс, то родители больше не пустят его в школу, заставят возиться дома с младшими братьями, благо их было предостаточно. Уже приходилось воевать с его родителями. Делать было нечего, нужен был подлог. Три ошибки я исправил химическими чернилами (будто Вася это сам сделал), а семь оставшихся подчеркнул красным карандашом. Грешен – зло оказалось выше моей воли. Утешать себя можно было только тем, что есть же на свете ложь во спасение, святая ложь. Когда, например, умирающему больному врач говорит:

– Мы еще спляшем с тобой на свадьбе!..

Иванов, наверное, до сих пор не ведает, сколько душевных мук стоило его первому учителю, первый раз пошедшему против своей совести.

Устроив, таким образом, выпуск своим двум классам, я оказался свободным от всяких занятий и дел. Это какое-то неловкое чувство, словно ты в чем-то виноват: все работают, а ты сидишь без дела. И впереди было еще два месяца летнего отпуска. Сдохнуть можно от безделья. Придешь осенью в школу, почему-то боялся я, а тебе скажут: «Где ты был? Тут уж другой на твоём месте».

Наконец, я убедился, что все учителя тоже ушли в отпуск. И я стал снаряжаться домой. Возвращаться в родные пенаты было не стыдно. Во-первых, позади был трудовой год. Правда, работать мне приходилось и раньше. Но это было в летние каникулы. Был я на сенокосе в совхозе, производил обмеры усадеб и огородов, и

даже торговал квасом от районной столовой. Но это все была забава, а не работа. Теперь у меня были и стаж, и специальность.

Во-вторых, я неплохо, по-моему, выглядел. На ногах имел хромовые сапоги, купленные на базаре у татарина, спекулянта. Ради правды надо сказать, что после первого же дождя краску с них смыл, и оказалось, что они из свиной кожи, на которой торчали пеньки сбритой шерсти. Незадолго до этого я сшил себе новую рубаху. В сельпо привезли два отреза мануфактуры и давали ее по списку. Я выбрал себе положенные три метра – красного в белую клеточку мадепалана²¹³. Местные умельцы быстро сварганили мне выходную одежду.

Главный же мой козырь был в том, что за отпуск я получил деньги, сумму для меня чрезвычайно большую. На них можно было купить половину настоящего шевиотового костюма, если бы, конечно, такие костюмы продавались.

Деньги жгли мой карман, будили разные планы и желания.

Одним словом, я двинул домой. В Барнауле к тому времени у старшей сестры сложился свой небольшой колхоз из девяти человек: мама, бабушка и бабушка (ее родители), восьмилетний младший брат и годовалая дочка старшего брата, который служил в армии на Дальнем Востоке (жена его после отъезда брата в армию по неизвестным причинам покончила с собой). К этой публике надо добавить троих своих детей, из которых старшей дочери было семь лет. Значит: восемь иждивенцев и один работник. Мой приезд оказался весьма кстати. На второй же день я пошел на работу. Отпуск, слава богу, кончился. Я снова был при деле.

Было лето 1939 года.

Барнаул жил обычной трудовой жизнью. Повсюду укрепляли трудовую дисциплину, боролись с прогульщиками и летунами. По воскресеньям весь город высыпал на улицу – из Красных казарм бойцы уходили в летние лагеря. Это был всегородской праздник. По улицам шли запыленные воины. Одеты они были

²¹³ Имеется в виду, вероятно, мадаполам.

просто: х/б гимнастерки, на голове такие же выцветшие пилотки, на ногах грубые ботинки на резиновой подошве и спираль обмоток. Но разве в этом было дело?! Настроение у всех было боевым. Бойцы пели песни, били подошвами землю так, что пыль стояла коромыслом. Девушки с тротуаров то и дело подбегали к строю бойцов, совали в руки цветы, успевали целовать всех подряд. Бойцы краснели, кряхтели, отбивались от девчонок, косо глядели на соседа, боясь насмешки. Командиры, шедшие впереди, были серьезны, цветов не принимали – они всецело были поглощены заботами, чтобы воинский строй выглядел внушительно.

Население любило армию. Молодежь считала за честь носить на груди оборонный значок. Престижнее всего был «Ворошиловский стрелок». Все знали, что К. Е. Ворошилов бил только в десятку, пуля в пулю. Все тянулись догнать своего наркома.

В парке культуры и отдыха высилась парашютная вышка, где постоянно выстраивалась очередь желающих прыгнуть «с неба». Стояли ребята и девчата. Первый прыжок – ощущение на всю жизнь! Некоторые охотники снова и снова становились в очередь, возбужденные и покрасневшие от переизбытка чувств, испытанных в полете. У оградки их выводили из очереди, чтобы не мешали другим.

– Ладно, завтра еще приду!.. – не отчаивались любители острых ощущений.

Каждый день можно было бегать в комнату «Осоавиахима» и понюхать боевые отравляющие вещества: иприт, люизит. Здесь ограничений не было – нюхай, сколько хочешь!..

Армию боготворили. Как-то пришлось увидеть нам в зимний день, в воскресенье, как сибирские стрелки устроили любимые состязания. На лыжах они парами и по одному мчались на буксире за всадником на коне. Это было зрелище! Лошадь мчит-ся во весь галоп, а за ней держась за ремни, будто по воздуху, летели лыжники в новеньких полушубках с карабинами за плечами. На голове у бойцов – у всадника и у лыжника – шлемы с высокими шишаками и красной звездой. Соревнование, похоже

на нынешние водные лыжи, но конечно, все эмоциональнее; а главное чувство гордости до слез за наших сибирских парней.

Позже эти парни отстоят Москву и принесут народу первую победу над фашизмом.

По работе у меня было все в порядке. Правда, об учительстве пришлось забыть, устроился я в контору «Райтрансторгпит», что по-русски обозначало торговую организацию на железной дороге. Ныне это ОРС. Был я там сначала секретарем – занятие, показавшееся не мужским и не солидным. Пришлось переходить в статистику. Конечно, и это была не должность для здорового парня. Помог случай, а точнее начальник конторы – он направил меня на курсы плановиков в Новосибирск (Кривошеково), которые я окончил с отличием, и вернулся в свою контору уже в новом качестве. Хотя продолжал чувствовать себя не очень уютно в торговой организации, ибо, правду сказать, работа в такой организации была тогда не очень престижным занятием.

Тогда часто повторяли слова Суворова, что если человек был три года интендантом, то его надо расстреливать без суда и следствия. В самом деле, кто будет разбираться, какой ты человек, когда все знают, что раз ты в торговле – значит, жулик. Это философский силлогизм: «Все торгаши – жулики. Ты торгаш. Значит, жулик!»

Хочу сказать, кстати, несколько слов о курсах. По-моему, это была хорошая система подготовки кадров. Сейчас все люди стремятся получить корочки – дипломы, а работать никто не хочет. И это естественно: у каждого голова варит на миллионы, и разве по его масштабам заниматься черной работой. Продавец нынче 2-3 года после десятилетки, учитель начальной школы учится целых 14 лет. Все умные, требовательные, а работать скоро будет некому.

Надо сократить институты и техникумы до минимума. Пусть они выпускают только специалистов высокого класса, руководителей производства. А рядовых работников учить надо на краткосрочных курсах не более одного года. Не всем же дипло-

мы выдавать – это слишком накладно, да и людей только развращает. Всякая бездарь со школьной скамьи «тянется» до диплома. И что странно – получает его!..

Но это, к слову, так сказать...

Два слова о 1939 годе.

Международная обстановка продолжала накаляться. 1 сентября Германия напала на Польшу. Англия и Франция встали на сторону Польши. Началась вторая мировая война! Мы следили за газетами, слушали радио, но опасности, как ни странно, для себя не чувствовали. Может быть, были несмышленишками в политике и не придавали значения, что начинается мировой пожар, который очень скоро достанет и нас. А пока с немцами у нас был мир, подписанный накануне августа 1939 г. Война, казалось, где-то была еще далеко.

Во всяком случае, наш конторский Дон Жуан И. Урванцев по-прежнему каждый вечер бегал на танцы в городской парк. И часто хвастал своими «победами». У нас в коллективе его никто не любил. Ко всему своему пижонству имел он дурную привычку «стрелять» папироски, свои покупал только один раз в месяц с полочки (одну пачку), тогда он угощал всех. Курили мы гвоздики марки «Беркут» по 35 копеек за пачку. Кстати, марки папирос были по всему Союзу одинаковые, трех сортов. «Красная Звезда» – 1 рубль пачку, «Беломорканал» – 2 рубля 20 копеек и «Казбек» – 3 рубля 50 копеек. «Казбек» курили самые богатые, такие, примерно, которые сейчас гоняются за золотом и хрусталем для своих интересов, во всяком случае, среди моих знакомых таких, кто курил бы «Казбек», не наблюдалось.

Я упомянул, что танцор наш и ловелас был неприятной личностью. По своим симпатиям и поступкам он был похож на нынешних фарцовщиков и дискоабалдуев. В то время их было единицы на весь город. Во время войны он, разумеется, был уличен в подлом поступке. Так подтвердилась еще раз истина: если сегодня человек – сволочь, то и завтра он будет таким же. Не надо строить иллюзий, что нынешний стилига когда-то станет героем.

Нет, не станет. Легче уголовника перевоспитать, чем такого «интеллигента».

Но я отвлекся.

Осенью того года наши войска совершили освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. Это была, в сущности, не военная операция, а скорее праздничная демонстрация. Воинов наших встречали радостными объятиями как белорусы, так и украинцы. Тогда же закончились бои на Халхин-Голе против япошек. Масштабы этих боев мы представляли тогда слабо, считая, что это были стычки местного значения. Лишь позднее выяснилось, что в боях участвовали десятки тысяч штыков с каждой стороны и были значительные потери. Японцы, надо сказать, вели себя все время агрессивно, сосредоточили на наших границах миллионную армию и редкий день проходил без провокаций. Впрочем, после Халхин-Гола они заметно остыли. Для нас, сибиряков Дальневосточный фронт казался ближе, чем западные границы, и поэтому мы считали его главным, игнорируя опасность с запада.

Комсомолия продолжала шуметь всюю. Бегали по субботникам, агитировали на выборах, мотались кучками в театр. На груди у каждого блестел значок ГТО. В этот год я особенно приистрастился к книгам, много читал. Бывало, всю ночь напролет сидел с книгой и на работу утром шел не выспавшись, с красными глазами.

Семейные мои обстоятельства снова круто изменились. Нельзя только сказать, что в лучшую сторону. Сестра вышла замуж за военного прокурора на железной дороге. Уехала к нему на квартиру и забрала своих ребятишек, остальная публика осталась со мной. Мама моталась по хозяйству, зимой топила печь, ухаживала за стариками (бабка пластом лежала на кровати), ходила за детским питанием для маленькой Светы (дочки брата). Младший братишка пошел в школу. Одним словом, все занимались каждый своим делом, жили бедно, но дружно. Домик наш,

выделенный от железной дороги, стоял на окраине города, у пустыря. Тогда говорили: «Живем в Шанхае».

В тот год, надо сказать, была какая-то вспышка хулиганства, и непросто с мордобоем, а с поножовщиной. С вечера приходилось вооружаться каждому, кто хотел миновать наш пустырь. Были неприятности и у меня, покуда не завел дружбу с атаманом нашей улицы «Цолей». За ним я был как за каменной стеной.

Кстати сказать, сейчас наша улица превратилась в один из красивейших уголков Барнаула (Ленинский проспект у железнодорожной выемки).

Так мы встретили 1940 год.

Дышать становилось все труднее. Теперь и нам непосвященным в военные дела было ясно, что обстановка осложнилась. Зимой с Финского фронта стали поступать раненые, часто слышалась фраза «Линия Маннергейма». Снабжение ухудшилось, снова появились очереди за хлебом. Но не помню, чтобы кто-то ныл и злобился. Люди, наверное, еще не успели привыкнуть к сытой, обильной жизни и новые трудности были им не в новинку. К очередям, слава богу, мы привыкли давно, и они не давали на наше сознание, не убивали веры.

Призывы в армию проходили весело, военные были на гребне славы. У нас в доме поселился двоюродный брат, окончивший морскую службу на Тихом океане. Девушки носили его на руках... Мне он подарил тельняшку. Все мои друзья увидели во мне морского волка и дали кличку «Боцман».

Японцы продолжали точить свои тесаки. Забегая вперед, хочу сказать, что потом стало известно, что в то время они готовили против нас бактериологическую войну. С этим мне лично пришлось встретиться после победы на Дальнем Востоке в 1945 г. В Манчжурии была обнаружена фабрика смерти, готовившая эпидемию чумы, сибирской язвы и другие средства ведения войны (это был так называемый отряд генерала Исии Сиро, помнится, №701). После Победы мы простили этим козоглазым все их пакости, а они нынче снова точат на нас зубы.

Сколько раз учили нас, дураков-русских за нашу простоту, но мы по-старому лезем со своим добром к каждому, где надо и где не надо.

Хотя мы не участвовали в войне, армия делала свое дело. Летом 1940 г. наши войска вошли в Эстонию, Латвию, Литву, а осенью на сессии Верховного Совета все три республики были приняты в Союз ССР.

Тогда же была возвращена России Молдавия и Северная Буковина, утраченные нами в 1918 году.

Все эти операции были бескровными. Местное население с энтузиазмом встречало Красную Армию. Западные границы оказались значительно расширенными, и отодвинутым подальше от важных центров страны. Ожидали этого момента с радостью. Я не один раз слышал, что воевать – это исстари привычное дело для русских людей. Говорили, что сам Ворошилов будто бы сказал какому-то дипломату: «Вы учтите, что русские не только умеют, но и любят воевать. Кажется, это так и есть. Во всяком случае, опыт нашего народа с далеких предков подтверждает, что русский солдат – лучший в мире. Надо его только раскатать; он просыпается только, тогда, когда дадут ему по носу».

Мы тоже не собирались сдаваться! Пишу это не для того, чтобы побахвалиться. Дескать были люди в наше время... Мне хотелось бы просто порассуждать, почему мы такими были? При материальных недостатках, трудностях. Почему-то верили, что мы самые сильные, самые счастливые. Ведь сейчас молодежь это не чувствует. Уже в школе она инертна, безразлична, чем-то недовольна. Оживляются, когда речь заходит о шмотках с наклейками. Это молодые... старики!.. И не надо уверять никого, что они будут героями, когда это потребуется. (Я исключаю, конечно, ребят из трудовой семьи – освоителей Севера, Дальнего Востока и т. д.)

Может быть, мы тогда слишком доверяли нашему правительству? Может быть, действительно были сильны и превосходили других в своем развитии? Может быть, это была просто

наша самонадеянность – характерная черта молодежи? Может быть, мы просто не знали всей правды о состоянии страны? И то, и другое, и третье... Сталину, Ворошилову, Молотову мы действительно верили. Народ любил их. Это были старые революционеры, простые в быту, несуетливы, немногословны, правдивы. Армия наша по тем временам была действительно не слабой. Наши самолеты летали через Северный полюс. Истребители на воздушных парадах выделяли такие фигуры высокого пилотажа, что голова кружилась. Наши танки сходу валили деревья, вылазили из болот, словно одноногие черти. А гарцующая кавалерия! Загляденье.

Мы не думали, что кто-то может быть в военной технике сильнее нас. И как это ни парадоксально, это незнание было нам на пользу во время войны с немцами, так как в первое, самое тяжелое время мы, рядовые бойцы, верили, что мы непобедимы, несмотря на горькие минуты и ошибки. А скоро и действительно стали бить врага: хотя бы и не техникой. Или – точнее не одной только техникой... Но об этом позже.

Осенью 1940 г. я, наконец, получил повестку в военкомат. «С собой иметь кружку, ложку, пару белья»... Кто-то уже проявлял заботу, чтобы мы имели ложку, значит, будут кормить, поить... Вперед без страха и сомнений!..

Но у меня вдруг неожиданно возникло препятствие. Из-за большой семьи мне предложили отсрочку от призыва по семейным обстоятельствам. Я стал было в тупик. Но, рассудив на семейном совете, мы решили так. У бабки и деда были другие дети, кроме мамы: две дочери и сын. Значит, можно было сдать старичков по принадлежности. По правде сказать, они и так зажились у нас. У других детей материально им было не хуже. Брат мой тоже заканчивал службу, остался в армии на офицерской (виноват, командирской) должности и собирался взять к себе свою дочь. Туда же уехала сестра – в Читу, со своим мужем. В самый раз, значит, и маме ехать туда же, к сыну и дочери. Таким образом, все устроилось наилучшим образом и я, закинув котомку за плечи, двинулся на

сборный пункт. Меня провожали комсомольцы, товарищи. Простился с мамой дома, чтобы не видеть лишних слез. Кстати сказать, я никогда не любил, чтобы меня встречали и провожали. Один лучше себя чувствуешь, да и никому не в тягость.

Зачислили меня в какую-то команду. Много в ней было ребят из аэрофлота, в фуражках и полной форме, даже не стриженных под «ноль»²¹⁴. «В чем дело?» – думал я про себя. Наконец узнаю: я зачислен курсантом в Краснодарское Военно-Авиационное училище!²¹⁵ Учиться на военного летчика. Сталинский сокол! Вот это фортуна. Наконец-то она повернулась ко мне лицом. Срок обучения два года; воинское звание – младший лейтенант. Специальность – летчик наблюдатель, по-нашему – штурман.

В тот же день мы погрузились в теплушку, натаскали на нары матрацев, набили их сеном. Затопили печурку и вперед под стук колес, навстречу новой жизни...

Это было 15 октября 1940 года.

²¹⁴ Курсанты Гражданского воздушного флота. В 1940 г. часть школ аэрофлота была преобразована в военные, а курсанты стали военнослужащими. См., напр.: Лазарев О. В. Указ. соч.

²¹⁵ Речь идет о Краснодарской авиационной школе стрелков-бомбардиров. Приказом наркома обороны от 3 марта 1941 г. она была переформирована в Краснодарское объединенное военное авиационное училище для подготовки командиров-летчиков бомбардировочной авиации и командиров-штурманов ближнебомбардировочной авиации. Шесть учебных эскадрилий, готовивших стрелков-бомбардиров, были распределены по другим авиационным школам. Эскадрилья, в которой служил И. Н. Знаменский, 7 мая 1941 г. вошла в состав Ярославской военной авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШ).

Воспоминания Сергея Викторовича Белостокова

Сергей Викторович Белостоков родился 5 октября 1921 г. в городе Пскове, в январе 1941 г. поступил в ЯВАШСБ. На фронте с мая 1942 г. до конца Великой Отечественной войны. Награжден медалью «За отвагу» и орденом Отечественной войны II степени. С. В. Белостоков умер в августе 2007 г. Воспоминания написаны по просьбе ярославского историка-исследователя Рафаила Владимировича Балашова в виде четырех писем с 10 февраля по 18 декабря 1990 г. Оригиналы писем хранятся в Государственном архиве Ярославской области в фонде Р. В. Балашова. ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Письма участников Великой Отечественной войны Р.В. Балашову со сведениями по истории Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШ) (27 июля 1989 – 6 нояб. 1995). Л. 5-40.

Попробую ответить на поставленные Вами вопросы.

1. Когда возникла школа?

Данных о приказе министерства обороны об организации Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров у меня нет. Видимо, этот приказ появился в 1940 году. Примерно в середине года. История моего появления в ЯВАШСБ следующая.

Жил я в Выборгском р-не гор. Ленинграда, а работал в Петроградском. Во втором полугодии 1940 года молодежь с нашего завода (допризывного возраста) вызвали в военкомат и предложили идти учиться в Оренбургскую военно-авиационную школу штурманов. Мне и двум моим друзьям это предложение понравилось, но мы работали на оборонном заводе, имели наркоматовскую бронь и военный стол запретил нам нашу «самодеятельность». В нашем цеху работало большое количество молодежи, все имели бронь, но в армии все же надо было служить. Тем более был один момент, когда один наш товарищ 1-го мая отпраздновал свадьбу, а 15-го мая его призвали в армию. Этот момент еще более утвердил необходимость идти в авиашколу, тем более что штурманское дело мне нравилось, а военный стол у меня была возможность обойти.

Я обратился в райвоенкомат по месту жительства (Выборгский район), но там сказали, что набор в Оренбургскую школу окончен, но предложили Ярославскую, тоже штурманскую, в которую я и написал заявление.

Прошло около месяца в молчании, но потом вызвали, и мы начали проходить медицинскую комиссию. Комиссия была очень серьезная. Многих отсеяли, но я прошел ее без ограничения, после чего было приказано ждать вызов из РВК²¹⁶. Это было примерно в октябре-ноябре месяце 1940 г. Вызов пришел в декабре месяце, день сбора и отправки был назначен на 17-го декабря. На оформление расчета оставался лишь один день, оформить расчет я не успел, а документы оставил своему товарищу. (Поэтому у меня по документам разницей в датах: в армии я с декабря месяца 1940 г., а расчет оформлен в январе 1941 г.).

Вот таким образом я оказался в Ярославле в декабре месяце 1940 г. Разместили нас, прибывших из Ленинграда, на речном вокзале. Жили мы там с конца декабря и начало января месяца 1941 г., одновременно проходили медицинскую и мандатную комиссию. После прохождения этих комиссий нашу группу, прибывшую из Ленинграда, построили перед штабом школы, зачитали список тех, кто зачислен курсантом, а остальных отправили обратно в Ленинград. (Почти 50 % от нашей группы). С этого момента я официально стал курсантом ЯВАШСБ.

Первый комплект занятий у нас сразу же начался, в первую очередь мы (группа из 6 человек) примерно в течение трех недель оборудовали помещения школы радиосвязью (в первую очередь все учебные кабинеты). 23 февраля мы приняли военную присягу. После этого у нас начались занятия по очень строго выдерживаемому режиму дня.

2. Состав школы

Из каких городов был призыв в школу, я не знаю. В нашей группе было большинство ленинградцев, да и с группой, с кото-

²¹⁶ Районного военного комиссариата, райвоенкомата.

рой я приехал в Ярославль из Ленинграда, было немного более 100 человек (правда, половина не прошла комиссии). На начало занятий было сформировано 2 учебных эскадрильи; в эскадрилье было по 2 учебных отряда, в отряд входило 5 учебных отделений, каждое из которых состояло из 27 человек.

В дальнейшем из Краснодара прибыла в полном составе эскадрилья курсантов, которая получила название «3 эскадрилья» (мы их почему-то называли «гогочками»).

«3» - Я оказался в составе 9-го классного отделения 2-го отряда 2-й эскадрильи. Командиром нашего отряда был ст. л-т Хиленко²¹⁷, старшиной отряда – старшина Коршунов. Командир нашей эскадрильи был капитан Калнин. Первой эскадрилей командовал капитан Зеленцов. Штурманом нашего (2-го) отряда был ст. л-т Епишкин²¹⁸, начальником школы был полковник Шустер, учебной частью командовал капитан Кострица. Из наших преподавателей помню ст.л-та Зинченко, который преподавал нам навигацию, майора Овчинникова, который ведал курсом радиосвязи. Капитан Клюев²¹⁹, если не ошибаюсь, был комиссаром нашей эскадрильи (2-й).

Состав 9-го классного отделения: Богданов, Бусаров, С. В. Белостоков, Большаков, Д. В. Батюшков, Горбатенко, Епи-

²¹⁷ Владимир Иванович Хиленко 1910 г.р. с октября 1942 г. служил штурманом 289 штурмового авиаполка, награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», орденом Красной Звезды. Демобилизован в 1948 г. в звании майора.

²¹⁸ Возможно, Иван Федорович Епишкин 1915 г.р. В документах значится проходящим службу в Краснодарской военной авиационной школе пилотов и Высшей офиц. авиац. инстр. школы СКВО. Демобилизован в 1950 г. в звании старшего лейтенанта.

²¹⁹ Павел Георгиевич Клюев 1907 г.р. с мая 1944 г. служил помощником начальника оперативно-разведывательного отдела 233 штурмовой авиадивизии. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», двумя орденами Красной Звезды и орденом Красного Знамени. Демобилизован в 1955 г. в звании подполковника.

махов, Елисеев, М. Зайцев, Б.П. Захаров, Исаев, Корсаков, А. И. Лигачев, Б. М. Немцов, Никандров, П. Л. Осипов, Образцов, Поликарпов, П. Е. Ромейко (командир отд.), Н. Субботин, Савченко, Соколов, Тимофеев, Трощенко, Тараканов, Н. Федоров, А. В. Щегольков.

Вся учебная работа проходила в помещениях школы по ул. Емельяна Ярославского дом 62, ныне средняя школа №53. Все остальное время мы проводили в жилом корпусе и прилегающей к нему дворовой территории, где находился и наш хороший тир, и спортплощадка.

Какие учебные дисциплины нам преподавали: воздушная навигация, топография, воздушная стрельба, бомбометание, радиосвязь, тактика (общая и авиации), материальная часть (приборы навигации, связи, вооружения, бомбометания), аэрофото съемка, физподготовка, строевая подготовка, уставы, политзанятия, практическая летная подготовка по навигации, бомбометанию, воздушной стрельбе, аэрофотосъемке, воздушной разведке, радиосвязи.

Распорядок дня у нас был примерно такой: подъем, физзарядка, умывание, тренировочный час по радиосвязи в помещении учебного корпуса, завтрак, занятия в учебном корпусе, обед, занятия в учебном корпусе, самоподготовка, личное время, отбой. График или распорядок дня выдерживался очень строго, и мы очень к нему привыкли, до того, что в воскресенье, когда распорядок дня был более-менее свободным, мы чувствовали себя неуверенно, неустроенно. Нагрузка с занятиями была большая, особенно она увеличилась с началом войны – учебное время доходило до 10-11 часов в день. Помимо практической части занятий была объемная летная подготовка, которая начиналась очень рано, вылетали мы на учебные занятия в 5-6 часов утра.

Аэродром наш был под Ярославлем, а с началом войны нас перебазировали на полевой аэродром, который находился под г. Ростов-Ярославль около озера Неро. Ездили мы туда поотрядно и выполняли большую программу летной подготовки. В этом

же районе находился полигон для воздушно-наземной стрельбы и бомбометания. Жили мы в казармах по другую сторону ж. д. относительно аэродрома (северная часть города). В нашей группе был летчик-инструктор Родинка Сергей Лаврентьевич. Прибыл к нам он в начале 1945 г. *(Так в тексте – А. Е.)* в звании сержанта. Демобилизован в 1946-м году по состоянию здоровья (ранения, контузии) в звании полковника (командир штурмового полка), Герой Советского Союза. Сын живет в Москве²²⁰.

Вообще, по оставшемуся впечатлению, преподавательский и инструкторский состав был довольно опытным, и мы с удовольствием занимались. Досуг (а времени для этого по распорядку дня было немного) мы проводили в нашей (неплохой) ленинской комнате, на нашей спортплощадке и в клубе соседнего интендантского училища. Ходили туда строем через проходные, но большей частью и через забор, который разгораживал наши территории. Вечером, перед отбоем, были прогулки по городу строем, поотрядно. Строем ходили очень хорошо, непринужденно, с песнями, а песни исполняли строевые и нестроевые, подлаживая их под ритм шага. Эти наши прогулки с песнями нравились населению.

Какова характеристика панорамы города Ярославля с воздуха – затрудняюсь сказать. Зрительно запомнилась Волга, мост через Волгу, набережная и Кремль. Четко сохранилась в памяти г. Кострома. С высоты город в плане напоминал развернутый веер, приткнувшийся к р. Волге своей нижней частью. Хорошо помню озеро Неро с примкнувшим к нему городом с кремлем. Озеро напоминало по очертанию грушу с обкусанной верхней частью и, судя по оттенкам воды, мелководное.

Четко зрительно представляю вид с воздуха р. Волга и самолета, севшего на пахоту с убранными шасси на противополо-

²²⁰ Автор ошибается. С. Л. Родинка (1916-1977) был демобилизован в звании гвардии майора, в штурмовом авиаполку командовал эскадрилей. См.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2 т. Москва, 1988. Т. 2. С. 361.

ложной стороне реки относительно нашего аэродрома. Это два самолета ДБ-3ф (бомбардировщики), которые ушли из-под удара с аэродрома г. Таллин, один из них сел удачно на аэродром, второй сел за рекой на «пузо» (с убранными шасси). Мы разговаривали с пилотами самолета. Это был полный экипаж по своему составу, но с разных самолетов. Одеты они были в комбинезоны, одетыми на нательное белье, так как уходили из-под удара по аэродрому ночью. Много летного состава там погибло, так как когда они бежали на аэродром, по ним в Таллине стреляли из-за угла, из-под ворот и т. п. Никаких необходимых вещей у них с собой не было.

Были и у нас печальные эпизоды, когда курсант погиб под трактором и одного застрелили на посту наш же часовой, балуясь с заряженной винтовкой.

Мы охраняли мост через р. Которосль и гарнизонные склады (это после начала войны). Учились мы все активно, хорошо. К этому подталкивала начавшаяся война и желание быстрее окончить учебный курс, чтобы самим включиться в действующую армию. Поэтому получение тройки – это у нас было «ЧП» и проработка на «ковре» начальником учебной части. Я не помню, кто у нас был отличником учебы, все мы шли в учебе едино, дружно, помогая друг другу.

Комсоргом нашей группы был Саша Черненко – живой, заводной парень, с которым я все время занимался выпуском боевых листов и другими комсомольскими делами. Командиром учебной группы был Павел Ромейко – спокойный, уравновешенный человек с неунывающим характером. Как только дневальный давал сигнал подъема, он садился на койку, кричал «Подъем» и начинал петь «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали!», задавая бодрый тон всем остальным. В общем курсанты были народ неунывающий и активный. Был случай, когда наш отряд подняли по тревоге, и мы за одну ночь вырыли на аэродроме котлован для огромной цистерны с бензином.

А вот, пожалуй, самые приятные и радостные для курсантов дни были для выполнения полетных заданий.

Не думали мы, что все может обернуться для нас негативной стороной суровой и беспощадной войны. Дальнейшую нашу дорогу я продолжу в следующем письме.

* * *

Прошлый раз я кончил письмо на том, что в связи с войной наш аэродром в Ярославле заняли под боевую авиацию дальнего действия, а нам дали летную площадку под Ростовом Ярославским. Ездили мы туда поотрядно, выполняли задачи навигационного плана, но в основном по бомбометанию и стрельбе с самолета по наземным целям. В этот период очень важным событием было то, что из курсантов нашей школы формировали эскадрилью ночных бомбардировщиков на самолетах Р-5. Летчика назначало командование школы из наших инструкторов, а инструктор подбирал себе курсанта для выполнения задачи штурмана. С нашего отделения был взят курсант Свинолупов. Моего инструктора С. Л. Родинка тоже назначили в состав эскадрильи, штурманом он хотел взять меня, для чего приехал в Ярославль (летный состав находился в Ростове Ярославском)²²¹. Командир отряда сразу нас не отпустил, так как через несколько дней должен был ехать весь отряд, а когда мы приехали в Ростов всем

²²¹ Согласно наградным документам С. Л. Родинки, на фронте он находился с 28 октября или с 22 ноября 1942 г. Участвовал в боях на Юго-Западном фронте, а не на Можайском направлении. Сведения о формировании из числа офицеров и курсантов ЯВАШ эскадрильи не подтверждаются ни одним другим документом. Когда и при каких обстоятельствах прекратилась его служба в ЯВАШ, неизвестно. Сведения С. В. Белостокова об отправке курсантов и офицеров школы во фронтовые части в августе 1941 г. подтверждаются в наградном листе другого курсанта ЯВАШ, И. Н. Знаменского. В документе указано, что он находился на фронте с августа по октябрь 1941 г. в качестве летчика-наблюдателя 1 Отдельного легкобомбардировочного авиаполка Северо-Западного фронта.

отрядом, то эскадрилью уже сформировали, и мы остались «за бортом». Нашему огорчению не было предела, но...

Судя по рассказам летчиков из этой эскадрильи, которые к нам приезжали, эскадрилья очень успешно действовала на можайском направлении. Многие экипажи погибли, а оставшихся летчиков перевели на штурмовики, а наших курсантов – штурманами на Пе-2 (пикирующие бомбардировщики).

Исходя из каких соображений и по какому приказу, я не знаю, но где-то в конце 3-го квартала 1941 года нас начали эвакуировать из Ярославля под г. Ульяновск в м. Чердаклы. Эвакуировали весь состав школы. Подробного плана перебазирования школы я не знаю. Часть ее, видимо, переправлялась поездом, мы же ехали пароходом от Ярославля до Ульяновска. На пароходе, на носу и на корме, были установлены турельные установки с пулеметами «ШКАС», но обороняться нам не пришлось, а вот по стаям уток мы стреляли, правда, безуспешно.

Дорога была веселой – много пели, один из курсантов очень хорошо играл на баяне. Были у нас и останки, на которых мы запасались помидорами. Как нас кормили на пароходе, я не помню, но помидоры с хлебом были, наверное, основной едой – крупные, мясистые, искристые при изломе. Погода всю дорогу была очень хорошая со всеми красотами осени, да и путешествие по Волге – это большое удовольствие.

От Ульяновска в Чердаклы мы ехали поездом, можно сказать, на пустое место. Разместили нас в помещении недостроенной больницы, где хватило места лишь для расстановки двухэтажных коек. Водопровода не было, туалет соорудили на улице. Первое время для умывания воду брали из колодца, а зимой умывались снегом при любом морозе, а морозы доходили до 52 градусов! Обедали в столовой поселка, которая находилась от нашего корпуса метрах в 600-700.

История нашего бытия в Чердаклах довольно своеобразная. Первое время были сложности с нашим устройством, так как нас, видимо, не особенно ждали, никаких помещений для нас не

готовили. Столовая была рассчитана на жителей поселка, а нас добавилось более тысячи человек. Хлебопекарня тоже не справлялась с такой дополнительной нагрузкой, да и снабжение продуктами, видимо, не было подготовлено к такому увеличению потребности.

Поэтому какой-то период времени нам приходилось потуже затягивать пояс. Но в данной ситуации мы обоюдно друг друга выручали. Там был колхоз, в котором были большие посевные площади пшеницы, ячменя, проса, подсолнуха, а людей было мало – мужчин поглотила армия. Время – осень, урожай большой, убирать некому. Вот в этой обстановке и пригодились руки курсантов, тем более нам нечего было делать из-за отсутствия учебной базы. Руководство школы и колхоза договорились о взаимопомощи на очень простой основе: мы убираем урожай, а колхоз нас кормит. Это нас весьма устраивало!

Ездили мы на поля поотрядно, сроком на неделю, один отряд менял другой, так что работа шла непрерывно. Мы работали с удовольствием, так как скучали от безделья, а колхоз нас от души кормил! На ночь мы в поселок не возвращались, работали от зари до темна. Спали мы в скирдах соломы, где делали себе своеобразную «пещеру», а когда ложились спать, то вход закрывали соломой. В один из последних дней работы мы вылезли из своей «пещеры», а вокруг лежал снег! В общем, все, что было в наших силах, мы для колхоза сделали, и не просто одними руками, а используя технику, вплоть до комбайна, так как у нас были ребята из сельской местности, да и из городов ребята владели техникой неплохо.

За период работы в поле руководство наладило обеспечение продуктами, работу столовой и хлебопекарни. Но остальные условия не изменились. В помещении было печное отопление, а с топливом в той лесостепной местности было сложно. Топили в основном кизяком, дополнительную добычу которого проводили с применением различных способов находчивости. Но все равно

в помещении было не столь тепло. Были случаи, когда в большие морозы у спящих около стены примерзали к стене волосы.

Зима в этот год стояла на удивление суровая (1941-1942 гг.), морозы доходили до 52-х градусов, после упали до 45-47 градусов, а в основном держались 25-37 градусов. В одиночку мы не ходили, ибо надо было смотреть за лицом друг друга, особенно даже при малом ветре, так как мигом появлялось пятно обморожения. Очень сложно было стоять в карауле. Зимой уже прибыла техника, самолеты расположились на замерзшем озере, пространство открытое, мороз, ветер, а охранять необходимо. На посту стояли в унтах с унтяжами, меховом комбинезоне, меховом шлеме, меховых рукавицах и только по одному часу – больше не выдерживали. Очень сложно было разводящему караула – смена постов через час.

Погода зимняя в тех краях удивительная: в морозную, безветренную погоду воздух искрится, как будто он насыщен очень мелкими кристаллами блестящего вещества, дым идет вертикально вверх. Снег там не идет так, как в наших краях. Там начинает мести поземка, которая поднимается со временем все выше и выше, метет несколько дней, заметая дома до самой крыши. На аэродроме (на озере) наматывает такие прочные заструги, которые нам приходилось срубать железными лопатами.

С того времени, когда прибыла техника и установилась устойчиво зима, а соответственно, и образовался наш аэродром, мы начали полеты. Условия полетов были довольно сложными, так как кабина у самолета открытая, морозы 35-37 градусов. Если курсант совершал только один полет, то инструктор повторял его неоднократно, но это было необходимо. Отрабатывали мы навигационные задания, а в основном отрабатывали различные варианты воздушной стрельбы по конусу на параллельных, встречных, пересекающихся курсах.

Задачи были очень интересными, но были и курьезные случаи. Были обморожения лица, так как стреляли из пулемета стоя в кабине самолета, а кабина, открытая, да плюс к этому сильный

поток воздуха от винта самолета при температуре 35-37 градусов. Был случай, когда сбились с курса инструктор с курсантом, долго летали, пока не вышли на линейный ориентир, сделали в поселке посадку, восстановили ориентировку и вернулись на аэродром, изрядно промерзнув.

Не знаю по какой причине, но полеты по воздушной стрельбе вместо штурмана ст. л-та Епишкина подготавливал я, а руководил командир отряда ст. л-т Хиленко. В один из таких морозных дней во время выполнения задачи по стрельбе я тоже изрядно отморозил себе щеку.

Был у нас случай, когда во время выполнения полетной задачи самолет посадили у деревни, купили там махорки (дешевле, чем в поселке) и вернулись на аэродром. Об этом никто не знал, но из деревни позвонили в поселок, дошло это до начальника школы, в итоге инструктора отстранили на месяц от полетов, курсанту – 10 суток ареста (но это только формально, так как гауптвахты там не было).

Остались в памяти Чердаклы морозами, пургой, походами в столовую в метель, работой в колхозе. Очень интересное было впечатление, когда в марте месяце морозы упали до 25-27 градусов, то казалось, что снег вот-вот растает, а он хрустел под ногами как сахарный песок.

Был у нас и неприятный небольшой период, когда после приезда в Чердаклы и обустройства на «пустом» месте развелись у нас насекомые. Но мы довольно быстро от них избавились и собственными усилиями, и тем, что нас регулярно возили в Ульяновск в баню, где была и соответствующая обработка белья. Это довольно распространенное явление фронтовой жизни, но у меня оно было в Чердаклах первый и единственный раз.

В общем в Чердаклах мы закончили программу летной подготовки, теоретическая часть была тоже закончена. Насколько это точно, я не буду утверждать, но со слов нашего командира отряда при обоюдном с ним разговоре, он сказал, что на нас уже подготовлена аттестация. В отношении меня он сказал, что атте-

ставали на штурмана звена со званием ст. сержант, но это все со слов, а не по документам.

Так, в основном, прошло наше время в Чердаклах. На основании какого приказа, я не знаю, но весной 1942 г. была дана команда на передислокацию нас на новое место. Отправляли нас по классам и отделениям, летный и командный состав с нами не отправляли. Уезжали мы по железной дороге, сопровождал нас до конца пути ст. л-т Фельфикс²²². Дорога была сложная, но благодаря находчивости и изворотливости нашего сопровождающего мы все время ехали только в пассажирских вагонах, несмотря на многочисленные пересадки. Маршрут наш прошел через Инзу, Пензу, Балашов, Поворино, Ростов-на-Дону, Тихорецк, Армавир, Грозный, где и окончился наш маршрут.

Это была дорога военного времени со всеми ее сложностями и неприятностями. Но самое тяжелое впечатление произвели эвакуированные ленинградцы, которых мы встретили то ли в Балашове, то ли в Поворино на вокзале. Ходили они группами по 3-4 человека, держась под руки друг друга, с опухшими лицами, еле передвигая ноги. Трудно было представить, кто кого поддерживал – крайние средних или наоборот. Единственное, чем мы могли им помочь – это отдать им свои продукты, а их у нас был запас достаточный, да и каждый день мы их получали по аттестату сухим пайком на 28 человек. Что мы и сделали к их великой радости.

В Грозный мы прибыли утром, и первое знакомство с городом мы начали с базара, с его характерных картинок кавказского края...

²²² Правильно: Фельдфикс. Михаил Лазаревич Фельдфикс 1907 г.р. После расформирования ЯВАШ служил в 907 батальоне аэродромного обслуживания на 3 Украинском фронте. Награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «30 лет Советской Армии и Флота». Демобилизован в 1953 г. в звании майора. Умер в 1984 г., похоронен в Москве.

Попробую продолжить дальше нашу историю несостоявшихся штурманов.

Прибыли мы в г. Грозный утром рано 5 марта 1942 года. (P.S. По моей военной записной книжке в Чердаклы мы прибыли 26.X.1941 г. Все остальные даты пойдут, согласно записей в этой книжке).

Сопровождал нашу группу старший лейтенант Фельфикс, он в этом городе ранее был, обстановку знал, а посему знакомство с городом начал с базара. Хотя была война, но южный базар ее почти не ощущал. На базаре мы насытились фруктами и попробовались виноградного вина, именно попробовались, ибо было его очень много, и каждый хозяин предлагал его попробовать! Что осталось в памяти о том базаре – это обилие фруктов, вина, ряженки, приготовленной по различным рецептам, и обилие дешевых, отлично сшитых хромовых и шевровых русских сапог. В дальнейшем почти вся наша группа приобрела себе на базаре сапоги и переделали их вместо кирзовых.

После знакомства с базаром мы прибыли в нашу часть. Насколько помню, это была тоже летная школа. Разместили нас в помещении бывшего торгового техникума (или училища), помещение довольно объемное, но для жилья не приспособленное. Выдали нам топчаны, все постельные принадлежности, а оборудовались мы уже сами. Помещение было своеобразным – в центре широкий коридор во всю длину здания, а по обе стороны комнаты (видимо, классы), достаточные по площади для размещения топчанов всего классного отделения.

По какой причине, не помню, но командира классного отделения с нами не оказалось, и отделением было приказано командовать мне. Занятия с нами проводились в корпусе школы, а на аэродром мы ездили поездом. Видимо, там было и пехотное училище, так как они тоже, но не поездом, а пешком ходили на полные занятия в район аэродрома. Подробных деталей нашего гроз-

ненского учебного периода я не помню, да он и не был долгим – нас готовили для работы на скоростной материальной части.

Жили мы как в замкнутом треугольнике: жилое помещение – корпус школы – аэродром. По каждому направлению от жилого помещения был определен в градусах курс движения, включая и соседние магазины, так что в случае убытия по какому-либо направлению мы говорили «ушел по такому-то курсу». Остались в памяти магазины: продуктов нет, а все полки были заложены пирамидами стеариновых свечей и банок с консервами из крабов. При современности, когда консервы из крабов являются недосыгаемым деликатесом, это звучит как анекдот, но это было так и притом они были дешевле, так как при нашей «зарплате» в 70 рублей они были для нас вполне доступными. Следствием их доступности были горы пустых банок под окнами каждого классного отделения.

Запомнился город и местным национальным колоритом. Особенно удивляли нас мужчины в национальных кавказских костюмах и обязательно с огромными кинжалами, а если он двигался на базар, то верхом на ишаке, а женщина несла огромный мешок с товаром.

Пробыли мы в Грозном недолго. В один прекрасный день нас построили во дворе школы и начальник школы, комбриг, объяснив нам военную обстановку на фронтах, предложил нам возможность попасть на фронт. Согласие было единодушное. Я не помню длительности подготовки для отправки нас на формировочный пункт, но в один прекрасный день нас посадили в вагоны, и мы тронулись в путь, а эшелон сопровождали истребители.

Путь наш поездом был недолгий, и доставили нас на формировочный пункт ст. Прохладная²²³ 15 апреля 1942 г. Это не просто станция, это была фабрика скоростной подготовки фронтového материала. Именно скоростного. Оттуда ежедневно вы-

²²³ Сейчас – город Прохладный в Кабардино-Балкарской Республике.

ходили на пополнение маршевые роты. Нас определили в учебный батальон и начали готовить из нас пулеметчиков! Наш наставник, «дядька», старший сержант, возрастом вдвойне старше нашего, обижался на нас за то, что мы пропускали мимо ушей все его наставления по пулеметным делам, и пожаловался командиру батальона. Но когда мы объяснили комбату, кто мы есть и что мы капитально подготовлены и теоретически, и практически по работе с автоматическим оружием, то разрешили нам свободное времяпрепровождение, только уходить за сопки – подальше от глаз начальства. Практическую часть нашего «обучения» мы выполнили, то есть дважды отстрелялись со станкового пулемета и «максим» к великому удовольствию нашего «дядьки».

Время на формировочном пункте для нас прошло без особых нагрузок, не считая того, что мы там «досыта» наелись мамалыги в жидком и более густом виде и селедки, которую ежедневно давали на ужин. Станция Прохладная действительно соответствует своему названию – там действительно прохладно. Видимо, дело в том, что местность расположена между двух возвышенностей, которые расположены по направлению господствующих ветров. Время нашего пребывания там уложилось в две недели. Из нас сформировали маршевые роты, на прощание был хороший концерт, погрузили в эшелон и отправили...

29-го апреля 1942 г. Мы прибыли на станцию Тоннельная. Здесь мы в какой-то мере определились в направлении нашего движения. Там же один майор, узнав, что мы из авиации, активно агитировал нас в воздушно-десантные войска, но мы не согласились. На станции мы не задержались и пешим ходом двинулись к Анапе. Нас разделяло всего лишь 30 км пути. В авиашколе в Ярославле у нас были тренировочные (20) марш-броски на расстояние в 25 км, но 30 км мы не ходили. Погода была хорошая, и мы довольно спокойно дошли до Анапы, но старались идти не по асфальту, а по обочине, ибо по асфальту можно сильно «набить» подошвы ног. Дошли мы спокойно, но на пределе наших сил, правда, более старшие товарищи говорили, что мож-

но пройти и 50 км. В тот момент мы этому не верили, так как и за 30 км мы основательно выдохлись. В дальнейшем этому пришлось поверить, испытав собственными ногами расстояние в 50 км и более.

В Анапу мы пришли 30 апреля 1942 г. и расположились в винограднике северо-западнее города. До ночи мы отдохнули спокойно, но в ночь на 1-е мая была довольно сильная бомбежка, правда, без ущерба для нас. Дальнейший наш путь лежал в Тамань, так же пешим ходом. Дошли мы до Тамани спокойно, хотя вероятность бомбежки была большая. Там нам стало окончательно ясно, что наша конечная точка – это р-н города Керчь.

В Тамани мы пробыли несколько дней в ожидании возможности более безопасной переброски нас через Керченский пролив. По нашим предположениям, мы должны были переправиться ночью, но нас на пароходе переправили в Керчь утром 5 мая 1942 г. Переправа была опасная, но прошла благополучно, без потерь.

Итак, мы ступили на Керченскую землю, в которой примерно 7-8 человек из 10-ти остались навсегда. Я имею в виду наших курсантов. Сразу, с пристани, нас направили в Аджимушкайские каменоломни, те каменоломни, которые в дальнейшем стали печально-героическим местом защитников города Керчь, местом, где остались в памяти народной и наши курсанты ЯВАШСБ. Ночь мы провели в каменоломнях, выдержали две бомбежки, но для нас безопасные, так как крыша над головой была довольно прочная, и это можно отнести к нашему первому маленькому боевому крещению.

Рано утром нас повели в сторону передовой. Шли долго, дорога была тяжелой, на ноги налипало много грязи – сапоги делались «пудовыми». По пути наше пополнение распределяли по различным подразделениям передовой. В итоге наши ребята рассеялись по всей передовой маленькими группами, а я один попал в ячейку управления командира батальона. Маленькая деталь для того времени – нас отправили на передовую без ору-

жия. Одна винтовка давалась на несколько человек, касок и лопаток не было, правда, патронов было в достатке, я их прихватил штук 300.

Батальоном, в который я попал, командовал ст. лейтенант, звали его Александр Михайлович, фамилии точно не помню, кажется Черных. Мы быстро познакомились, и он мне сделал самый дорогой «подарок» – дал винтовку СВТ со снайперским прицелом. Подарок не имел цены, ибо находиться на передовой, не имея оружия – это очень и очень тоскливо!

Размещались мы в окопчике, но помимо его у каждого был свой одиночный окоп для укрытия в момент обстрела и для сна. Справа была группа связи. Позиция батальона располагалась на гребне высоты (большой протяженностью), слева – дорога на Феодосию, на правом фланге – другой батальон, немного справа сзади – артиллерия (полевая), сзади, метров 150-200 от нас – зенитная батарея среднего калибра, за ней высота скрывала от нас пос. Марфовка.

Перед нами метров 700-800 открытого пространства нейтральной территории, плавно переходящего в возвышенность, на возвышенности немцы. Ко всему этому можно добавить пару мессершмитов Me-109, целый день барражирующих над позициями наших частей, периодически либо обстреливая, либо сбрасывая бомбы, и хорошую ясную солнечную погоду. В снайперский прицел очень хорошо было видно совершенно открытое передвижение немцев, но с нашей стороны ни одного выстрела артиллерии, ни одной бомбы!

Вот такова кратце общая картина «мирного сосуществования» в период затишья перед трагическими днями нашего поражения в мае 1942 г. Условия быта были вполне терпимые: жилплощадь – окоп, крыша – шинель, питание – «старались» привыкнуть обходиться без него. Горячее питание подвезти было невозможно. Немецкие истребители непрерывно дежурили в воздухе, обстреливали и бомбили все движущееся, гонялись даже за одним идущим человеком. За несколько дней старшина

дважды сумел пробраться к нам, принес сухари и табак. Воду добывали сами, лучшая вода была из соседней лужи или из дальнего болотца (недалеко от зенитной батареи). Хотя в этой воде попадались жуки, а на другом конце болотца лежал труп, вода была вполне приемлема. Без пищи можно было выдержать много дней, но без воды – «и не туды, и ни сюды»!

С большим риском для собственной «шкуры», но за водой приходилось ходить, где первый раз и получил «по шее». Подойдя к болотцу с водой, а оно находилось вблизи зенитной батареи, я остановился около воронки от снаряда. В это время батарея дала залп по летящим мессершмитам, а они в ответ сбросили две бомбы. Очнулся я в воронке, в глазах был туман, боль в спине, но ноги и руки шевелились. Видимо, меня контузило взрывом, а по спине изрядно «припечтало» комом сухой земли, от чего я и потерял сознание. До окопа я дошел почти на ощупь, так как видел только на расстоянии вытянутой руки, а дальше было все в тумане. Все это со временем разошлось, на второй день я чувствовал себя нормально (на память осталось понижение слуха правым ухом). Такова была цена котелка воды, но я ее все же принес!

На нашем участке было сравнительно спокойно, но участок слева от нас жил бурной жизнью. Там постоянно шел обстрел, штурмовки самолетов, то немецких, то наших. В общем, левая сторона была «веселая». К нам долетали лишь случайные пули и осколки, но нам везло – один раз пуля прошла по плечу, содрав кожу, а осколок прошел между нашими головами (моей и комбата), врезавшись в бруствер окопа.

Странно вела наша артиллерия: зенитная батарея давала 2-3 залпа, хотя истребители немецкие ходили «по головам» с утра до вечера, а полевая артиллерия (крупного калибра) на правом фланге вообще не стреляла даже при четко видимом передвижении немцев на их участке. В дальнейшем нам артиллеристы говорили, что им давали 2-3 снаряда на орудие в день!

За несколько дней пребывания на передовой нам трижды давали команду «приготовиться к атаке», но после отменяли. Там я впервые увидел залп «катюш» термитными снарядами по дороге, где они засекли немецкую колонну с машинами на левом фланге от нас. Зрелище это малоприятное, но впечатляющее.

В секторе нашего обзора наша авиация активных действий не проявляла кроме штурмовки позиций на левом фланге. Истребителей мы тоже не видели. Но один момент был классический! Над нашими позициями появился наш истребитель И-153 «Чайка». На него сразу набросились два Ме-109. Бой был как в кино! Наша «Чайка» имела скорость меньше, чем у Ме-109, но у нее был лучше вертикальный маневр. На небе были разорванные кучевые облака, и «Чайка», используя облака как укрытие и свой хороший вертикальный маневр, «играла» с мессером вокруг облаков. В конце концов, вынырнув из облаков, она сбила один мессер. Вся передовая, наблюдавшая эту картину, «гремела от восторга»! Так же с восторгом передовая (нашего участка) «улюлюкала» на зайца, который ошалело (от стрельбы) бежал по высоте вдоль передовой.

Время пребывания в р-не Керчи слилось в какой-то единый комок, разделить его я не могу, твердо знаю две даты – прибытие в Керчь и отплытие от его берега 17-го мая. О том, что наступление немцев на Керченском полуострове началось 8-го мая, и о том, что наши войска оставили г. Керчь по приказу командования 15 мая, я узнал позднее, а в промежутке все было как один странный, бесконечный и кошмарный день (о том, что кошмарный – эта оценка была дана позже!)

Наступление немцев, видимо, развивалось довольно успешно. Слева, справа, сзади нас гремел бой, но на нашем участке было подозрительно тихо, не считая периодического обстрела с минометов. Похоже, что мы находились в «мешке». В один день (даты я не знаю) очень рано утром, когда из низины местности на нас надвигался густой туман, комбат дал мне группу солдат (22-23 человека) и приказал перекрыть слева от нас дорогу, про-

держаться до полудня, а после отойти, найти батальон на новой позиции и присоединиться к нему. Батальон снялся с позиции и скрылся в надвигающемся тумане без единого выстрела со стороны немцев.

Мы отошли к дороге и расположились по обе ее стороны, просто залегли, сгребя перед собой кучки сена или соломы. Окопаться никто не мог, так как лопаток не было. Я находился в лучшем положении, так как у меня был штык-нож от винтовки СВТ, которым я разрыхлял сухую землю, выбрасывая ее руками. Таким образом я сделал себе лунку, куда и залег.

Противник, видимо, не заметил ухода батальона с позиции, но возможность использования дороги все время разведывал. У нас получалась своеобразная дуэль, не совсем равноценная, но дуэль. Немцы продвигались к дороге – стреляли мы (из винтовок), он отходил, а после обстреливал нас (из минометов)! Находиться под минометным огнем без укрытия при настильном разлете осколков при взрыве мины – «удовольствие» малоприятное! Но другой возможности у нас не было! Приказ есть приказ! Хотя мы и сознавали, что наше положение чисто гибельное, но надо было обеспечить спокойный отход батальона, а это более 420 человек.

Дуэль наша продолжалась без перерыва, но наша сторона постепенно замолкала. Часов у меня не было, но судя по положению солнца, время давно перевалило за полдень, немцы по дороге не прошли, но наши все замолчали, замолкли и с немецкой стороны. Мы свою задачу выполнили.

Поднялся я один, на мой зов никто не откликнулся, никто не шевельнулся. Состояние было какое-то безразличное, страшное утомление и зловещая тишина. В это время я вспомнил, что комбат не сказал, где их искать, но отходить надо было только к Керчи, другого пути не было. Дорога переваливала через высотку, сворачивала направо в сторону Керчи, слева тянулась возвышенность, за которой были немцы, справа шел бой в зоне, примыкающей к заливу, в середине был какой-то нейтральный

промежуток земли шириною метров 300-400 и никаких воинских частей. Ощущение было такое, что оказался в каком-то зловещем вакууме, но надо было идти, коль я остался жив.

Перед поворотом дороги, метрах в пятидесяти от перевала дороги через гребень наших позиций стоял дом с невысокой оградой из известкового камня, около которой стоял самолет У-2, внешне целый, но без винта. Не мог я пройти мимо, надо было в кабину заглянуть. Заглянул, но сзади услышал звук лязгающего металла, выскочил из кабины и спрятался за забор. Через некоторое время на перевале дороги, с той стороны, где была наша группа, появился танк и остановился! Расстояние до танка – на бросок гранаты, но у меня лишь две лимонки. Это для танка «что слону дробина». Винтовка тоже бесполезна. На мое счастье по расстоянию и положению танка я находился в мертвой зоне и пулемета, и орудия танка. Видимо, это был танк разведки. Он постоял, поворачивал башней и откатился назад. Надо было оттуда быстро «исчезать»!

Опасность должна придавать скорость ногам, но то нервное перенапряжение, в котором долго пришлось находиться, да и то, что несколько дней кроме сухарей ничего не ел, все сказалось в том, что ноги шли только лишь тихонько! Идти по дороге – а она проходила вдоль возвышенности – нелогично (за высотой немцы). Справа бой. Оставалось только идти по открытой местности по середине того «ничейного» промежутка земли.

Пройдя какое-то расстояние, я увидел одинокую оседланную кавалерийскую лошадь в очень понуром виде! Но я ей очень обрадовался, ведь это передышка в ходьбе. Я мог ехать. Страшно сейчас вспоминать, но я не мог сесть на лошадь, я мог поставить ногу в стремя, но подняться в седло у меня не хватало сил. Это в 20 лет! Выручила горка камней, с которой я «перевалился» в седло, а после уже развернулся и сел. Проехал я верхом на коне большое расстояние, когда передо мной появилась серьезная преграда – парк. Слева парка – дорога у возвышенности, за

ней немцы, справа бой, парк простреливался очень плотным минометным и артиллерийским огнем, но одна дорога – через парк.

Лошадь остановилась, а в парк не пошла. Каким путем мне удалось заставить ее двигаться, я не помню. Но она меня пронесла через парк на предельной скорости и, видимо, на последнем дыхании, ибо после выхода из парка она остановилась, и ничто не могло ее тронуть с места. Только тогда, когда я слез с седла, вместе мы постояли и немного пришли в себя, она на поводу пошла за мной.

Сколько мы так прошли, не знаю, но мы немного пришли в себя, и у меня хватило сил самостоятельно (без помощи горки камней) сесть в седло. Но дальнейшее событие заставило, как говорится «душе уйти в пятки»!

Через какое-то время езды по полю при отсутствии людей вдруг слышу откуда-то из-под земли хороший русский матюг и возглас «Куда ты прешься по минному полю»? Остановился, оглянулся, никого нет. Но коль предупреждение было, двигаться дальше нельзя. Кричу в ответ: «Я остановился, что делать дальше?» Отвечают: «Как въехал, так и выезжай!» Я внимательно осмотрел землю. Вижу, что ничего подозрительного нет, слез с лошади и начал разворачивать ее – другого выхода не было. Хотя момент был довольно критический, мне бросилось в глаза поведение лошади: прежде чем поставить ногу на землю, лошадь ногою как локатором как бы ощупывала землю, а после ставила ногу. Пройдя какое-то расстояние, я спросил, вышли или нет. Ответили, что нет. Прошли еще такое же расстояние. Опять вопрос. Ответ: «Вышли. Поворачивай направо, а после иди на нас». Вот когда я увидел в окопе двоих солдат за минным полем. Когда я подошел к ним, они мне сказали: «Ты, парень, родился в рубашке». Мне повезло еще раз!

До Керчи было уже недалеко, но никаких позиций с этой стороны я не видел. Отойдя от злосчастливого поля, я встретил одного сержанта. Дошли мы с ним до какого-то оврага, у которого мессер сбросил по нам бомбу, и нам пришлось кубарем

скатываться в овраг. После меня обогнала группа солдат, которую вел капитан. Похоже, что это были азербайджанцы. Без оружия, но с битком набитыми мешками. Перед самой Керчью около узкоколейки надо было перейти поляну, но это оказалось сделать не так просто. На этой поляне у пригорка, где была выемка, расположилась встреченная мной группа солдат. Все это хорошо просматривалось немцем с левой возвышенной стороны, и он начал их обстреливать минами. Он их уничтожил как стадо баранов, ибо из своей выемки после разрыва мины они выбежали, садились вокруг воронки и причитали: вай, вай! Следовала новая серия мин, а мне надо было проскочить этот участок – метров 100-150. Я высчитал интервал между минами и после взрыва мины «рванул» вперед. Если бы это были соревнования, то, видимо, это было бы рекордное спринтерское время!

Итак, я на окраине города. Зрелище невеселое: постоянные разрывы мин, снарядов, убитые. Много трупов было наших ребят – их было легко узнать по нашим шерстяным гимнастеркам с голубыми петлицами. На формировке мы сменили сапоги на ботинки с обмотками, но гимнастерку оставили свою.

Судя по окружающей обстановке, там царила какая-то анархия. Мелкие подразделения и отдельные военные стихийно организовывались в группы и остервенело шли на немецкие позиции. Это была стихия, все сметающая на своем пути от чувства безвыходности! (Зажатые в кольцо города воинские части, а справа 8 км воды).

Время дня и ночи смешались воедино в грохоте взрывов, пожаров и смертей. Не знаю, сколько времени прошло, пока я добрался к центру города, в район порта. Все на какое-то время забылось, когда я увидел старшину, который из автомашины раздавал сухари: брал сухарь, сухарем скреб из бочки масло, накрывал вторым сухарем и такой бутерброд раздавал всем желающим! Для тех, кто ни один день ничего не ел, этот старшина был «ангелом-спасителем»! Раздобыл и я этих бутербродов – жить стало веселее!

Но что делать дальше, неизвестно. Где наш батальон, не знаю. Весь людской клубок того, что называлось воинскими подразделениями, катился к берегу залива. Было это 16 мая. Похоже, что была полная дезорганизация и потеря управления обороной. Люди и техника прижимались к порту, столпотворение невероятное. Берег и пирсы сплошь забиты людьми. Живой вал народа накатывался на пирсы, стоящие на пирсах (причалах) скатываются в воду. Крики, стоны, стрельба и такой перекат народа кажется тектоническим. Никаких плавсредств, эвакуирующих людей и технику, нет.

В районе порта я встретил еще троих наших курсантов, и мы решили идти берегом к северу от города, имея цель найти какие-либо средства переправы, либо переправляться вплавь, зайдя выше Таманской косы, где было наиболее узкое место пролива. Шли мы по самому берегу пролива у воды, а наверху творилось что-то невообразимое. Видимо, там было скопление людей и техники, и немецкая авиация непрерывно бомбила бомбами крупного калибра. Трудно представить, что творилось наверху, но, видимо, описываемый «ад» померк бы перед тем, что творилось там. У воды люди от безвыходности сходили с ума (в натуре, а не образно), стрелялись, срывали с себя нашивки, пускались вплавь на бревне, автокамере и просто без ничего. На наше счастье ни одной бомбы не упало на край берега или в воду против нас – нам повезло!

Мы шли дальше. Пытались найти бревна, чтобы сделать плот, но попадались разваленные строения, бревна которых были скреплены скобами, а у нас кроме рук никакого инструмента не было. Дойти до намеченной точки нам не удалось. С мелкими стычками нам пришлось откатиться назад, и мы оказались в р-не завода Войкова. Было уже 17 мая. Плавсредств для переправы людей на таманский берег нет, но мы не теряли надежды, а нас уже было 6 человек. К вечеру в развалинах одного помещения я обнаружил деревянные чаны эллиптической формы, высотой не меньше метра, длиной около двух метров и шириной не меньше

метра. Это была спасительная находка! Немного разобрав завал, мы вытащили эти чаны, забили клиньями отверстия в стенке у дна; сколотили эти два чана вместе, дополнительно связали проволокой – получился «корабль»! Это был не просто корабль, а наша надежда на спасение из керченского ада.

Наших ребят было 6 человек, еще мы взяли в свою «команду» одного лейтенанта и сержанта, которые имели с собой целое «состояние» – это маленький чемодан брикетов концентрата пшенной каши, а мы все были голодные «как волки»! Для того чтобы отплыть, нам надо было дождаться темноты.

Когда основательно стемнело, мы спустили на воду наш «корабль», «загрузили» команду и отплыли, ориентируясь по звездам на таманской стороне. Двигателем нашего корабля были доски и восемь человеческих сил, горючее – наш молодой энтузиазм. На наше счастье обстрела по проливу не было, но пролив жил ночной жизнью спасающихся людей, криками, стонами, мольбой о помощи.

Мы плыли спокойно, «корабль» нашу команду выдерживал. Но где-то в середине полива нас прибило к какому-то ограждению из проволоки и течением настолько сильно прижало нас, что мы несколько часов не могли оторваться. В конце концов мы оторвались от этой преграды и на рассвете нас прибило к берегу. Первая оценка обстановки убедила нас, что мы находимся на крымском берегу!.. Наши попытки оторваться от берега были безуспешны, волной наш «корабль» настолько сильно прижало к берегу, что мы оказались бессильными что-либо сделать. Решили выйти на берег и там решить, что делать дальше.

Только мы вышли, как увидели группу людей без оружия в брезентовых робах. Оказались наши моряки-пограничники, а нас прибило к острову у Черного моря. Увидев невдалеке лодки, мы на радостях хотели их взять и доплыть до другого берега, но нам моряки сделать этого не дали. Пролив между островом и таманским берегом был шириною 2 800 метров, в прилив – 8 км. Соответственно течение в этом проливе было столь сильное, что

нас бы вынесло в море. Моряки пообещали перевезти в полдень нас на тот берег. Мы были до предела утомлены и голодны. Моряки и рыбаки этого острова угостили нас специального посла керченской селедкой, которую мы с особым удовольствием поели без хлеба, ибо такового у нас давно не было. В полдень нас посадили в лодку и на буксире у катера перевезли на таманский берег, дав на дорогу по котелку селедки.

Итак, 18 мая мы оказались на таманском берегу у Черного моря. Теперь дорога к Тамани. По пути к Тамани мы прошли мимо аэродрома, где рассказали летчикам о воздушном бое, который я описал. Оказалось, что это самолет с их аэродрома, и нам его показали.

Придя в Тамань, мы явились на сборный пункт, и первое, о чем мы их попросили – дать покушать! На сборном пункте в Тамани была обстановка, как на бирже труда: была масса «зазывал», которые предлагали идти в их часть по разным специальностям, но нас интересовала авиация. Нам рекомендовали податься на ст. Крымская, где находился штаб ВВС СКВО. А пока, выдав нам продуктовые аттестаты, разрешили 2-3 дня отдохнуть. С таманского берега хорошо просматривался керченский берег, который был в дыму и взрывах, особенно длительное время громыхали взрывы в районе Камышбурунской крепости. На другой день, 19 мая, к нам примкнул наш курсант Березин в морской форме. Он попал к морякам в Камыш-Буруне, которые остались взрывать склады боеприпасов, а после вместе с ними прибыл в Тамань.

Небольшой парадокс тех времен: на орудие давали в день 2-3 снаряда, а склад, полный боеприпасов, взорвали. Тоскливо было наблюдать керченский берег, а еще тоскливее было осознавать, сколько там осталось людей – наших воинов – без надежды на помощь.

Много лет я пытался найти описание майского немецкого наступления на Керченском полуострове, но кроме нескольких

строк ничего нет. Лишь недавно встретил цифру, что наши потери там были более 100 тыс. человек!

В Тамани наши ребята заставили меня снять шинель, разложили ее на земле и спросили, почему я остался жив. Вся моя шинель со стороны спины была разорвана осколками мин, а я был жив. Шинель мне пришлось сменить, но я второй раз услышал, что я родился в рубашке. Видимо, меня спасло то, что я штыком и руками сумел немного врыться в землю, и осколки прошли, задев лишь шинель.

Отдохнув 2-3 дня в Тамани, мы пошли на ст. Крымская. С целым рядом мелких приключений мы дошли до цели, разыскали штаб ВВС и более того, встретили там нашего бывшего преподавателя навигации ст. лейтенанта Зинченко. Но оказать нам содействие в устройстве в авиационную часть он не мог – свободного летного состава было много, а материальной части нет!

Нам вторично не повезло с авиацией, но Зинченко дал нам рекомендательное письмо комиссару 138 дивизии, штаб которой находился в станице Выселки Краснодарского края. По пути туда мы в Краснодаре увидели газету, где было сообщение, что по приказу верховного командования 15 мая нашими войсками оставлен г. Керчь, войска и техника эвакуированы в полном порядке. Что это был за порядок, мы прочувствовали на своей спине!!!

Но все же нам повезло. Нам – это тем, кому посчастливилось выйти из керченского пекла, малому количеству тех, кто пришел туда в начале мая! Мы выдержали первое крещение войной, но не последнее.

Я не помню фамилии всех ребят, с кем я оказался на таманском берегу, но среди них были Николай Смирнов, Володя Березин, Сергей Сельдинин.

Впереди были еще три года войны.

Попробую продолжить рассказ о наших «приключениях» после Крыма.

Нас собралось 6 человек. Это я, Смирнов, Березин, Сельдинин и еще двое, фамилии которых я не помню. С письмом, которое нам дал ст. л-т Зинченко, мы отправились на поиски 138-й ордена Красного знамени стрелковой дивизии с надеждой попасть там в артиллерию. Почему, не знаю, но было у нас такое желание. С Крымской мы вышли 21 мая, а 22-го были в Краснодаре, 27-го вернулись в Крымскую, 29-го опять были в Краснодаре, но ничего подходящего артиллерийского нам не «улыбнулось». Мы хотели в артиллерию ВГК (тяжелую), а нам предлагали дивизионную, даже через 2 месяца получить звание лейтенанта нас не привлекло. 31 мая мы добрались до станицы Выселки, где находился штаб дивизии. Комиссара дивизии в штабе не было, нам предложили дать направление в полк, но мы остались ждать комиссара. Здесь, около штаба, мы попались на глаза одному ст. лейтенанту, который подробно расспросил, кто мы и откуда, и предложил нам идти к нему в зенитную батарею.

Это нас вполне устраивало. Во-первых, это не пехота, а что-то в какой-то мере приближенное к авиации, тем более что мы хорошо знали теорию стрельбы вообще, а воздушную (и соответственно зенитную) особенно. Так мы оказались в 77 отдельной зенитно-артиллерийской батарее МЗА 138 СД.

Очень интересный подобрался состав батареи: кроме офицеров почти весь личный состав был из летно-технического состава – летчики, штурманы, борттехники, механики, стрелки-радисты. У нас были сформированы свои экипажи в полном составе (это неофициально), так что при «добыче» самолета мы могли свободно улететь. Явление это в тот период было печальное – кадры были, техники нет! Это вдвойне печальнее, так как немецкая авиация господствовала в воздухе, а мы отпора дать не могли.

Весь июнь и половину июля мы находились в станице Выселки в стадии формирования. Понемногу занимались, в большей степени бездельничали, часто патрулировали в самой станице и по хуторам. В нашем понятии хутор – это два-три дома, а на Кубани хутор – это 600-800 домов и прекрасный народ: добрый, отзывчивый, трудолюбивый. Особенно было приятно встречать там ленинградцев, которых разместили по хуторам и от всей души о них заботились, приводя в человеческое состояние после блокады.

Время подходило к концу формирования, но орудий мы так и не получили. Все наше вооружение – карабины! Дивизия отправлялась на фронт. Эшелон должен был следовать до ст. Дубовская, но из-за сильной бомбежки нас выгрузили на ст. Котельниково. Полки дивизии, а дивизией командовал полковник Людников, направились на передовые позиции (со слов, где-то в р-не ст. Цимлянская). Мы расположились в районе совхоза №3, и это было 18 июля 1942 г. Мы – это вновь сформированная «боевая» артиллерийская единица без орудий, но с надеждой их получить. Увы! Надежды наши так и не сбылись.

В районе совхоза мы пробыли до 2 августа, когда был получен приказ сменить наше место расположения, но в обратную сторону! Мы не имели точной информации о положении на нашем участке фронта, но просочились сведения, что немцы пытались пробить брешь на участке нашей дивизии, но им это не удалось. Удалось это сделать на флангах. Дивизии пришлось отходить в «мешке», в том числе и нам. Так что все наше «участие» в боевых действиях на Сталинградском фронте вылилось в промер собственными ногами расстояния от совхоза №3 до Сталинграда. Маршрут наш прошел по пунктам: ферма №7 – Ковалево – Майорский – Похлебкино – Верхнекурмоярское – Верхнеяблочный – Сафоново – Генеральская – х. Червлиный – Нижнерубежная – Верхнерубежная – совхоз «Буденный» – Верхнее-Царицынская – Песчанка – Сталинград, куда мы прибыли 18 августа 1942 г. Памятен нам этот маршрут по многим

моментам, в первую очередь в том, что проходил он под жесточайшими бомбежками на дорогах (без противодействия нашей авиации). Там я в первый и единственный раз видел на практике метод бомбометания с разворота. Очень интересная траектория полета бомбы, при которой трудно определить место ее падения. Все бомбежки я внимательно наблюдал, а если приходилось «плюхнуться» на землю, то ложился лицом вверх, наблюдая за полетом бомб. Сложно было двигаться – бомбежки, довольно теплая погода (июль м-ц) и отсутствие воды. Мы шли группой в 7 человек, на всех две фляги воды, и путь 25-30 км до следующей остановки. Странно вспоминать, но когда мы приходили к воде, то выпивали 1,5-2 двухлитровых котелка воды.

1942 год был особо урожайный, для нас особо диковинный, ибо мы ничего подобного никогда не видели. Обмолоченной пшеницей были забиты все амбары, все возможные емкости. Горы обмолоченной пшеницы на полях и огромные площади стоящей на корню. По отзывам старожилов, урожай был невиданный. Все это могло достаться немцу. Но, видимо, был приказ, все, что можно было убрать, раздавали жителям, все остальное сжигали. Печально было идти среди горящей пшеницы или по выжженному полю. Но другого пути не было!

Если на Кубани мы видели очень приветливый, доброжелательный, отзывчивый народ, то на Дону он был немного другой. Видимо, по натуре своей он был замкнут, и к этому надо добавить, что мы уходили, а они оставались под немецкую оккупацию. Тяжело было все это видеть.

Интересен другой момент, насколько безграничны возможности человека, особенно в экстремальных условиях. Первый большой переход нам пришлось совершать от ст. Тоннельная до Анапы – 33 км, устали «до чертиков», а «старики» говорят: «Можно пройти и все пятьдесят!» Нам пришлось поверить этому, когда сами на Дону выполняя задание, «отмахали» 76 км (расстояние точное, ибо у нас была карта), четыре часа отдохнули и еще добавили 28 км. Тогда мы сказали, что 50 км пройти –

это мелочи жизни! Правда, после этого мы три дня отдыхали, залечивая мозоли на ногах.

Питались мы в основном за счет «подножного» корма. Было вдоволь брошенного скота, овощи на полях всех видов и сортов, включая арбузы и табак (сушили табачные листья сами). Был смешной случай, когда мы, накопив муку, сварили целый котел украинских галушек и... вывалили их на землю, так как надо было срочно исчезнуть из-под бомбежки. В Песчанке, окраине Сталинграда, мы были свидетелями массированного налета немецких бомбардировщиков на Сталинград, но их не допустили. Был плотный зенитный огонь, которому мы немного завидовали как зенитчики без орудий, и отчаянный воздушный бой наших истребителей. Это был какой-то вращающийся клубок самолетов, из которого периодически падал горящий самолет, но дальше окраины города самолеты не прорвались.

18 августа нам была команда направиться на речной вокзал Сталинграда, где нас посадили на пароход, и мы отплыли. Куда?! 23 августа мы прибыли в город Сызрань, где пересели на поезд и 25 августа мы прибыли в Москву. Из Москвы на ст. Кунцево (под Москвой) на формировочный пункт, где формировались зенитные соединения. В Кунцево мы пробыли до 25 сентября 1942 г., а после нас перевели на формировочный пункт в Москву (в р-не Киевского вокзала).

Формировочный пункт формировал крупные зенитные соединения – полки, дивизии, оснащал их 85-мм пушками ЗА и 37-мм автоматами МЗА. Наша 77 отд. зен. арт. батарея («безлошадная») стала как бы первым камнем фундамента для образования 785 зенитно-артиллерийского полка в составе 7-й зенитно-артиллерийской дивизии. Командовал формировочным пунктом майор Рождественский – очень интересный человек, технически грамотный, прекрасно знающий военное дело. Был он членом правительственной комиссии по приемке на вооружение новой техники.

Мы так и держались своей курсантской группой. В полку нам предложили выбрать любую должность (в пределах нашего ранга). Смирнов и Березин сумели «захватить» даже дивизионную радиостанцию (мы были хорошо натренированы в работе на радиостанциях), я остался командиром орудия, так же другие.

Начальник формировочного пункта нас знал хорошо, знал нашу военную подготовку. Однажды он нам предложил идти на двухмесячные курсы лейтенантов по зенитной артиллерии. Мы все явашевцы единогласно согласились. Однако нас ждало разочарование. Курсы оказались другого профиля, они готовили пулеметчиков. Мы запротестовали, потребовали вернуть нам документы, но... Решили мы бежать, но кругом охрана, не выпускают. В общем, я и Смирнов Николай в каком-то углу перемахнули через забор и вернулись на формировочный пункт, оставив все свои документы на курсах. Четверо наших остались там. Доложили мы майору Рождественскому о наших злоключениях. Он нам посоветовал до вечера куда-нибудь скрыться, а утром нам выписали новые документы. Так мы остались зенитчиками: я командиром орудия, Смирнов – на радиостанции дивизии.

Здесь, на формировочном пункте, мы действительно готовились работать на орудиях МЗА 37мм, имея в своем распоряжении натуральные орудия, а не «воздух», как в Выселках. В первой половине декабря 1942 г. мы погрузились в эшелон и отправились на фронт. Какой???

14 декабря мы оказались на ст. Волховстрой. Нам стало ясно, что наш фронт – это Ленинградский. Прибыли мы на ст. Кабаны (восточный берег Ладожского озера), где пробыли до конца декабря, в ожидании, когда окрепнет лед на Ладоге и можно будет переправляться через нее на автомашинах. Новый 1943 год мы встретили на берегу Ладоги. С 1-го января начали пропускать машины грузовые, но не более 1,5 тонн грузоподъемностью. До начала нашей переправы мы понесли потери. При проверке ледовой трассы самолетом была обстреляна наша

штабная машина – погиб адъютант командира полка и тяжело ранен сам командир.

2-го января 1943 г. нам разрешили переправиться через озеро. Дорога была еще не надежная – масса трещин с деревянными мосточками через них и места провалов автомашин под лед. Ехали мы, усевшись по бортам автомашины, готовые как зайцы прыгать с нее в случае провала льда. Но все обошлось для нас благополучно, проскочили Ладогу быстро и без потерь. Первая наша остановка была на станции Ладожское озеро в зоне блокадного кольца. Станция сыграла очень большую роль в связи Ленинграда с Большой землей.

Дальше наш путь лежал к передовым позициям наших частей. Проехали, можно сказать, рядом с моим домом через станцию Кушелевка (станция в черте города), от которой до моего дома было 25 минут ходьбы, но я лишь опустил письмо, которое было написано в Москве. Наши позиции мы заняли за передовыми частями 136 дивизии против пос. Марьино с задачей прикрытия действий СД. Командовал дивизией полковник Симоняк, впоследствии ему было присвоено звание Героя Советского Союза и генерал-майора²²⁴.

О начале операции мы не знали, но по напряженной обстановке и какой-то особой тишине догадывались. 12 января рано утром нам выдали «НЗ» паек. Мы его распределяли по расчетам, и в это время грохнули залпы артиллерии и «катюш». Нас от этого «НЗ» сдуло как ветром, мы оказались на орудиях, но в воздухе никто не появлялся весь период артподготовки. Около двух часов снаряды летели через наши головы, так как мы находились между позициями пехоты и артиллерии. Лес закрывал от нас картину переправы через Неву – мы ее представляли по потоку раненых и убитых, которых доставляли в медсанбат, находящийся недалеко от нас. Река была форсирована, а 14 января и

²²⁴ Симоняк Николай Павлович (1901-1956). См.: Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2 т. Москва, 1988. Т. 2. С. 463.

мы получили приказ переправиться на другой берег и прикрыть наступающие части. Вот здесь мы воочию увидели всю сложность форсирования Невы.

Здесь мы увидели, как наша артподготовка «распахала» передовые позиции немцев и как сложен был подъем нашей пехоты на высокий, обледенелый берег реки. В январе блокада Ленинграда была прорвана – войска Ленинградского и Волховского фронтов встретились! Трудно передать радость нашу, а ленинградцев – особенно!

То превосходство авиации, которое имели немцы в 1941-1942 годах, было переломлено в нашу пользу. Под Ленинградом успешно действовала наша авиация. Мы в нашей зоне видимости наблюдали действия истребителей и штурмовиков. Огромную роль сыграло насыщение фронта зенитной артиллерией в виде крупных соединений – полков, дивизий. Мы прибыли на фронт в составе 7-й зенитной дивизии, а в действие вступили как армейский полк. Техника наша была современной по тому времени, обеспечение боеприпасами было безотказное, дополнительно мы пользовались немецкими снарядами МЗА – при больших углах возвышения они срабатывали безотказно. У нас всегда было в запасе 500-600 снарядов. За два дня боев по прорыву блокады мы загнали немецкую авиацию на высоту более 3-х км.

Артиллерия среднего калибра стреляла на большую высоту, а наш эффективный огонь – это до высоты 3-х км («МЗА»). Но плотность огня большая. Помимо сбитых полком самолетов мы обеспечили огневое прикрытие передовых частей от самолетов, ибо бомбежка с высоты 3 и более километров по передовым позициям неэффективна. Наши штурмовики после штурмовки немецких позиций всегда возвращались, пролетая над нашими батареями, ибо мы легко отражали преследующих их истребителей немцев.

Не обошлось у нас и без потерь. За период боев по прорыву блокады мы потеряли 12 человек (из них 9 человек убитыми) и 2 боевых автомашины. Это только с нашей батареи. наших

8 человек погибли одновременно вследствие прямого попадания мины крупного калибра в палатку оружейного расчета. Жили мы все время в палатках, которые полностью вкапывали в землю, но без верхнего перекрытия. Из них был выход прямо на орудие и в защитную щель, которая имела приличное перекрытие. Из погибшего расчета только три человека успели уйти в щель, которые и остались в живых. Палатки были для нас очень удобны, так как при частой смене позиций легче было оборудовать свое жилье. Строили землянки, но редко.

После прорыва блокады и стабилизации положения на фронте нас сняли с прикрытия передовых частей и направили накрытие мостов у Шлиссельбурга. В образовавшемся коридоре, соединяющем Ленинград с Большой землей, в фантастически короткий срок были построены железная дорога и мост через Неву, который нам и поручено было прикрывать. Не знаю, какое было ощущение прислуги поезда, шедшего по этому мосту, но нам смотреть было страшновато – мост качался при движении поезда!

Но в марте месяце ж. д. сообщение с Большой землей действовало – это в какой-то мере фантастично! Это сделали люди, обессиленные голодом, с истрепанными нервами от обстрелов и бомбежек, и не упавшие духом!

Недалеко (южнее) от ж. д. моста был вновь построен мост для автотранспорта, который восстанавливался после разрушения его артиллерией немцев. Немного ниже был наведен понтонный мост, который также входил в зону нашего прикрытия.

На позиции у мостов был у нас интересный эпизод. В первый день нашего прикрытия к мостам над ними на малой высоте пролетели два наших истребителя И-16, над крепостью Орешек развернулись и ушли в сторону 8-й ГЭС (в сторону немцев). Это было грубым нарушением правил для охраняемой зенитной артиллерией зоны. Наши самолеты не имели права заходить в зону радиусом 5 км от охраняемого объекта. Соседняя зенитно-артиллерийская батарея и строители моста сказали нам, что эти

самолеты летают ежедневно и безнаказанно. Командиру батареи, который был одно время связан с авиацией, и мне была известна тактика авиации. Это и вызвало подозрение в том, что ими управляли не наши летчики, тем более вскоре начался обстрел мостов. В тот же день нами было получено разрешение на обстрел самолетов предупредительным огнем и, если не дадут сигнала «Я свой», стрелять на поражение.

На другой день в то же время они появились. Мы дали навстречу им (с предупреждением) предупредительные очереди. Самолеты вместо подачи сигнала «Я свой» резко перешли на бреющий полет и прошли в створе наших двух орудий. Мы стрелять на поражение не могли, но стало ясно, что на наших самолетах действуют немцы. Об этом командованием ПВО р-на было сообщено другим подразделениям ЗА, и при следующем их появлении в районе 8-й ГЭС один из И-16-х был сбит. После этого эпизода мы перебрались к понтонному мосту (немного ниже по течению Невы). На следующий день мы вновь увидели И-16, но уже на пару с мессершмитом, они были встречены нами плотным огнем на подступах к мосту, километра за 1,5-2 сбросили бомбы, и больше мы их не видели.

В середине апреля м-ца мне удалось побывать в Ленинграде. Направили меня туда по служебным делам, но с возможностью побывать дома. Впечатление от этой поездки было неизгладимым. Во-первых, во фронтовых газетах, в передачах по радио, в фотоснимках много говорилось о разрушениях, причиненных городу, пожарах и т. п. Но я увидел в городе идеальный для той обстановки порядок. Все завалы от бомбежек и обстрелов были убраны, окна в сгоревших домах были заделаны фанерой или железом и раскрашены под окно и т. п. Человеку, не знавшему довоенного города, показалось бы, что вся информация о разрушениях города просто преувеличена. Но я мог сопоставлять, что было и что стало. Во-вторых, все участки земли, которые можно было вскопать и в дальнейшем что-либо посадить, были вскопаны (газоны, скверы и т. п.). Это было кое-какое подспорье для

питания в блокадное лето 1942 г. и также летом 1943 г. Как сказало блокадное время на жителях Ленинграда, я мог судить по своей тете. До блокады она весила 104 кг, в апреле 1942 г. – 62 кг. Муж ее погиб на заводе. Интересна справка о его смерти, где причина смерти указана «отрыв головы». Из нашей квартиры, где было 7 комнат и жило 21 человек, осталось в живых 8! На Выборгской набережной, где я жил, осталось 2 дома из числа жилых домов. Это маленький штрих блокады.

До мая м-ца 1943 года мы были в армейском подчинении и выполняли задачи по прикрытию передовых объектов. В мае наш полк взяли на охрану штаба фронта и его оперативной группы. Это большое доверие нашему полку за его организованность, слаженность и эффективность в боевой работе, а соответственно и его надежность. Правда, это не особенно согласовывалось с желанием личного состава, ибо мы привыкли к более оперативной и боевой работе, а штаб фронта – это 10-15 км от передовой. Командир полка дважды был у Говорова (командующий фронтом) с просьбой направить на прикрытия передовых частей. На втором заходе к Говорову он сказал командиру полка, что если он еще раз заикнется об этом, то он его отправит на передовую, а полк оставит при штабе. Так мы до конца войны и оказались привязанными к штабу фронта, следуя неотступно за его оперативной группой. Это был период относительно спокойной жизни до января 1944 г.

В январе 1944 г. началась операция по снятию блокады Ленинграда, которая успешно завершилась 27 января. Блокада города была снята, но война еще продолжалась. Январь, февраль, март месяцы для нас были более живыми в нашей работе. Все лето 1944 г. для нас было довольно спокойное. Базировались мы под Ленинградом, и это обстоятельство мы использовали по линии комсомольского бюро полка (а я был его членом со дня организации полка в октябре 1942 г. до демобилизации), чтобы познакомить однополчан с городом. В 1944 г. действовал музей истории и обороны Ленинграда, кино, театры. Вообще интерес-

но было ребятам познакомиться с городом – ленинградцев в полку было всего несколько человек. Так что мне приходилось быть постоянным проводником подобных мероприятий.

В июле месяце опять начались боевые операции, нам пришлось быть в районе г. Нарва, потом в полосе действий по освобождению Эстонии. По линии Тарту – Таллин.

В Эстонии мы «затормозились» (имея в виду наш полк) до января м-ца 1945 г., а после вернулись обратно под Ленинград.

В апреле 1945 г. вступил в КПСС. Демобилизовался в 1946 году, 14 июня.

Итак, ушел в армию в 19 лет, вернулся домой в 25, замкнув кольцо военных дорог Ленинград, Ярославль, Чердаклы, Грозный, Керчь, Сталинград, Ленинград. (XII.40 г. – VI.46 г.)

Ленинградский фронт оставил мне на память медаль «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и грамоты за подписью Говорова.

Связей с однополчанами не теряем. Кого нашли, собрали в 1975 г. у меня дома. Продолжаются встречи ежегодно, как по линии полка, так и по линии 67 армии Ленфронта. Я как представитель полка являюсь членом президиума комитета ветеранов армии. Жена (Тамара Александровна) – тоже участник войны, ветеран 925 эвакогоспиталя 2-й ударной армии. Вместе бываем на их встречах и также на встречах наших явашевцев. Январь (прорыв 18-го и снятие блокады 27-го) и май месяцы у нас уплотнены до предела, а мне остается работы почти на год. Я как «внештатный» фотокорреспондент наснимаю массу фотокадров, а после масса работы с печатью фотокарточек. Хотя работы много, но остается приятная память о наших встречах, а у меня весь комплект фотокарточек и архив негативов (храню все!).

Вот, пожалуй, и вся история несостоявшегося штурмана, бывшего курсанта ЯВАШСБ.

После демобилизации поступил работать в главную геофизическую обсерваторию. Отработал 8 лет токарем, имея высший разряд токаря-универсала, в 1954 г. перешел работать зав. отделом научно-технического оборудования, где отработал до

1983 г., а после... Что еще делать пенсионеру! Передал дела молодому поколению и остался работать в этом же отделе слесарем-механиком. Работая, окончил 10 кКл вечерней школы (1947 г.), Северо-западный заочный политехнический институт, специальность «Приборы точной механики». Работа требовала больших знаний по экономике, поэтому еще окончил отделение конкретной экономики Университета марксизма-ленинизма. Остальному учили жизнь и работа.

Пока еще работаю (45-й год) в ГГО без «побега», но неполный рабочий день. Таково решение врачей, давших инвалидность II гр. Если «пороху» хватит, думаю доработать до своих 70-ти лет (15.X.91 г.)!

Дома все хорошо, живем вдвоем с женой, сын с семьей живет отдельно, у всех отдельные квартиры. Сын пошел по стопам жены – инженер-конструктор, внуку уже 12 лет, учится в 7-м классе. Тоже Сергей Белостоков.

Перестройку воспринимаем оптимистично, считая, что хуже того, что уже видели, не будет!

Воспоминания Сергея Николаевича Сельдина

Сергей Николаевич Сельдин награжден двадцатью государственными наградами, в том числе двумя орденами Красной Звезды, орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За отвагу», двумя медалями «За боевые заслуги», медалью «За оборону Сталинграда». С. Н. Сельдин умер 11 марта 2013 г. Воспоминания написаны в январе 1986 г. по просьбе группы «Поиск» средней школы №53 г. Ярославля.

В ответ на вашу просьбу ответить на вопросы сообщаю, что родился я в п. Тихорицы. в 1922 году 26 января. Мать рассказывала, что это был голодный год и ей с отцом пришлось туго. Ведь кроме меня в семье было еще 6 братьев и 2 сестры. Трое из них не вернулись с войны, а двое умерли после тяжелых ранений. Так что я самый младший оказался самым счастливым. Воевал на Крымском, Северо-Кавказском, Сталинградском и Донском фронтах. Дважды был ранен. Второй раз тяжело, а именно разрывной пулей «дум-дум» в грудь. Из легкого извлекли три осколочка, и только чудом, вернее, кислородной подушкой меня спасли.

На Крымском фронте я воевал вместе со своими венными друзьями курсантами ЯВАШ. Вы об этих боях под Керчью знаете много. Но для вас я открою один секрет. За эти бои я получил орден Красной Звезды уже в 1945 году. Когда мы отступали к городу, командир нашей 138 стрелковой дивизии²²⁵ решил взять немецкого «языка» для выяснения их сил. Для этой цели собрали группу из трех человек. Вдруг он увидел у меня на пилотке голубую звезду, их мы пришили еще в Прохладной, когда из ЯВАШевцев формировался десант в Крым, чтобы в бою

²²⁵ Полковник Михаил Яковлевич Пименов. Пропал без вести 15 мая 1942 г.

знать своих, он сказал: «Слушай, летун, ты пойдешь старшим группы». Так мы поползли по балкам полуострова к немцам. Немцы наступали и были беспечны. Когда стемнело, мы легко выкрали немецкого часового и с кляпом во рту и связанными руками его доставили в штаб дивизии. А когда немцы подошли к городу, а мы их задерживали, не пускали к переправе, где эвакуировали раненых и гражданское население на Кавказский берег, к нашим позициям стали подходить два немецких танка. Нужно было их уничтожить, а для этого подползти под яростным огнем неприятеля с бутылками с горючей смесью и поджечь их. В число троих, которых назначил наш командир роты, попал и я. Танкам мешали большие камни, они остановились и из пушек и пулеметов били по нам. Взяв по три бутылки, мы поползли. Затаившись за крупным камнем, еле переводя дух, я оглянулся и увидел, что солдат Круглов лежит и не двигается, а другой ползет ко мне. В это время немецкий снаряд ударил прямо в камень, меня отбросило, оглушило, но второй солдат подполз ко мне, приподнял и мы поползли дальше. До танков оставалось метров 20. Мой напарник размахнулся и первой же бутылкой поджег танк. Немцы стали выскакивать из верхнего люка. Очередями из автоматов мы их уничтожали. Причем не торопились, чтобы всех поймать на мушку. Вдруг мой сосед, ойкнув, уронил голову и больше не поднял ее. Очередь из другого танка пришлась в него. Моя злость на фашистов стала беспредельной, и я пополз к танку, из которого шел огонь. Мои бутылки тащились в противогазной сумке. Нашупав одну, вытащил и метнул, но, не долетев до танка и грохнувшись о камень, она загорелась. Тогда я подполз метра на три и второй бутылкой поджег второй танк, а сам стал ждать, когда начнут вылезать танкисты. Танк замолчал, приподнялась крышка люка и, дав первому немцу ступить на трак, снял его. Так же разделался со вторым. Засвистели пули стрелков. Прикрываясь камнями, побежал к своим мертвым солдатам. Из наших окопов открыли огонь по немецкой пехоте, а я пополз к своим. Коман-

диру роты доложил о выполнении задания и о гибели своих товарищей.

Это все в 1945 году рассказал нашему военкому, но добавил, что свидетелей не имею. Он пообещал проверить, а через некоторое время вручил мне орден.

Когда я вернулся в окопы, там встретил еще четверых ЯВАШевцев: Володю Березина, Сашу Громова, Диму Треймана и Лешу Кошелева. Остальные бойцы были нам незнакомы. Мы отразили несколько атак немецкой пехоты. В 19:00 немцы воевать кончили, у них ужин, а после будут спать в своих окопах до утра. Ночью мы впятером пошли к берегу и приготовили плотик, который сколотили их 5 телеграфных столбов, и привязали его под прикрытием скалы. Переправа уже не работала. Все немцы разбомбили, они уже были в Керчи. Только в проливе слышались голоса наших солдат, просивших о спасении. Они плыли на бревнах, камерах, бочках и других сподручных средствах. Но пролив шире 4-х км. Их сносило в Черное море, а с рассветом они станут мишенью для немецких летчиков. Утром мы снова в окопах, отражаем атаки гитлеровцев, и успешно. Но вот какое-то подразделение стало обходить нашу оборону, и мы поняли, что немцы хотят нас окружить и уничтожить. Стали отступать через город. Мы держались впятером. На городской площади стояло несколько наших орудий. Мы решили пострелять в сторону врага, но не было замков у этих орудий. Вдруг Саша Громов крикнул: «Сюда!» Ящик со снарядами был рядом. Выпустив по немцам несколько снарядов, мы бросились бежать дальше. И вовремя, так как на эту площадь немцы произвели интенсивный артналет. Немцы наступали чуть не со всех сторон. Но вот каменная ограда, окружавшая стадион. По стадиону развернутой цепью наступает немецкий взвод. И мы решили перед смертью уничтожать за каждого по 2 фашиста. С удобной позиции из-за каменного забора стали расстреливать немцев. Володя Березин считал своих, которые падали от пуль его снайперской винтовки. Уже и наши автоматы доставали до немец-

кой цепи. Примерно подсчитали. Убито или ранено 16 солдат. Бросились бежать дальше. В парке присели на скамейку и решили закусить. Воды не было. Жара, жажда. Ели сухари с керченской сельдью. Стали пробиваться к проливу. Вдруг Саша заметил в кустах человека. Когда подошли, увидели комиссара, срезающего с рукава звездочку. Стали на него кричать. Он ответил, что и вам надо сдаваться, сзади море. Взмахнув автоматом, Громов прошел его очередью. Город был в руках врага. Укрывшись в скалах, дождались вечера и, привязав свое оружие к плотику, оттолкнулись от берега. Мы усердно гребли саперными лопатками, до рассвета решили переплыть пролив. Измученные, мокрые с рассветом мы увидели, как и мы переплывающих пролив, увы, берегов видно не было. Мы очень пожалели, что поплыли, сейчас станем великолепной мишенью для немецких летчиков. Наш плотик был самый большой, и мы были уверены, что будем первоочередной мишенью. А в небе уже было слышно гудение самолетов. Вдруг кто-то закричал: «Катер!» Мы обрадовались, хотя не знали чей катер белеет вдалеке. Немцы уже начали бомбить свои мишени. Смотрим, катер повернул прямо на нас. В это время недалеко от плота упала бомба, и нас осыпало осколками. Вова Березин сорвался с плотика и пошел на дно. А к нам уже к четверым подплывал катер.

Мы очень обрадовались, когда услышали русские слова, да еще с «оканьем». Два матроса причалили к плотику и кричат: «Забирайся, пехота, к нам!» Но мы не могли сдвинуться с места. Тогда один из них, спрыгнув на плотик, стал нас выкидывать прямо на дно катера. Мы попросили открутить наши автоматы и бросить к нам. А в это время пикировал на нас самолет. Катер дал задний ход и бомбы разорвались впереди. В столбе воды и бревен мелькнули наш плотик, и показалось наверху водяного столба человек. Катер швыряло из стороны в сторону, но отважные моряки подобрали еще наших, побросав их на нас, первых пассажиров. Затем круто развернувшись и увертываясь от бомб, наш катер взял курс на островок. Ткнувшись в берег, он

остановился, а морячок, окая, крикнул: «Слезай, пехота!» Мы стали просить доставить нас до берега, видневшегося в километре от островка, на котором была наша военно-морская база, а сейчас остатки бетонных укреплений. Мы как на ладони, уже к островку направляется «мессершмитт-110». Крикнув: «Пехота, перебирайтесь на материк пешком!» А сами, оттолкнувшись, помчались за очередной партией тонущих в Керченском проливе. Мессер начал бомбить наш островок. Мы, конечно, бросились в воду, и представьте себе, в сторону Кавказа море было мелким. Оказывается, когда-то это был полуостров. Так по мелководью, окунаясь при бомбежке, мы пришли на Кавказский берег. На берегу у костров подсыхали такие же, как мы. Присоединились и мы к одному костерку. И в это время над нами появились «Юнкерсы-88». Схватив оружие и одежду, мы бросились подальше от берега. Вдоль всей береговой полосы рвались тяжелые бомбы. Володин автомат отдали одному солдату, переплывшему без оружия.

Километров через 5 от берега встречает нас майор. «Ребята, вы с оружием, прошу вас влиться в батальон охраны штаба Крымского фронта». Если накормите и дадите поспать, согласны. Появился старшина и отвел нас в расположение батальона. Штаб нашего фронта мы сопровождали до Краснодара. Штаб на машинах, а мы пешком. Ноги были, как деревянные, и поэтому на формировочном пункте мы решили пойти в зенитную артиллерию, чтобы сбивать стервятников. Встретив ЯВА Шевца Сережу Белостокова, впятером поступили в 77 ОЗАБ (отдельная зенитная артиллерийская батарея), охраняющая штаб дивизии. Это были 37 мм американские зенитки, установленные в кузове трехтонки. 50 выстрелов в минуту, заряжались обоймами, как и винтовки.

Наша батарея вошла в состав Северокавказского фронта. Приехал Буденный, проходил перед выступлением в двух метрах от нашего строя. Наша батарея вместе с другими войсками задерживала фашистские войска, наступавшие на Сталинград.

Были тяжелые бои. Из нашей батареи осталось 17 человек, а наши пушки, которые стреляли по немецким танкам, были ими уничтожены. Так что на первом оборонительном рубеже 15 км от Сталинграда нас ЯВАШевцев осталось четверо. Леша Кошелев погиб вместе с другими 23 зенитчиками. Здесь в Сталинграде начались жаркие бои. Гибли многие, а мы, как заговоренные, оставались целыми. Дрались у Мамаева кургана, у тракторного завода. Наш командир и комиссар батареи были вместе с нами. Уже в конце августа в штаб армии пришла из Москвы телеграмма, 77 ОЗАБ направить под Москву на переформирование. Многие из нас были награждены медалями. Прибыв под Москву, нас пятерых ЯВАШевцев послали на курсы мл. лейтенантов Московского военного округа. А через 3 месяца в качестве командиров взводов направили снова под Сталинград. Мы попали на Донской фронт, который 19 ноября соединился с Южным фронтом и начал наступление в сторону Сталинграда. Мы сжимали кольцо окруженной группировки Паулюса. В военной кинохронике есть эпизод встречи нашего 1313 стрелкового полка с южанами 19 ноября. Там было столько минометов, пушек, Катюш и Андрюш, что на каждые 2м приходилось орудие. Поэтому и День артиллерии 19 ноября. Катюши вы знаете, а вот Андрюши вряд ли. Это огромные металлические рамы, с которых выпускаются реактивные снаряды огромной разрушительной силы. Иногда эти снаряды улетали вместе с ящиками и уже в полете эти ящики летели от снаряда к земле. Немецкие пленные все удивлялись и спрашивали нас, какими это ящиками мы бросаемся.

Я был командиром первого взвода. После ежедневных атак погибала половина моего взвода. Так что, не успев познакомиться с солдатами, каждую ночь принимал пополнение. Запомнились ханты и манси – северные народы. Очень смелые и отличные стрелки. Один мне рассказывал, как он белке попадал в глаз, чтобы шкурку не испортить. Вот однажды потребовался немецкий «язык», а я проговорился командиру батальона, что

однажды участвовал в этом деле. Он поручил взять двух бойцов и ночью проводил нас заданию фронта. После моего инструктажа хант и русский действовали четко. Когда тащили связанного немца, он все время сопротивлялся. Тогда свой автомат отдал ханту, а у него взял винтовку со штыком. Когда немец упрямился, пришлось подкалывать его штыком, и мы быстро пересекли нейтральную полосу.

Всем троим дали по медали «За боевые заслуги». Утром снова в бой. Погиб в этом бою хант. Так жаль его стало. Вскоре опять в пополнении появился хант. Его я поставил своим заместителем. Больше месяца он мне помогал, а потом немецкая мина разорвалась между нами. Его наповал, а меня ни один осколочек не задел.

До Сталинграда оставалось меньше 30 км. Кольцо наступающих войск все больше сжималось. К нам иногда прилетали наши же снаряды. 10 января 1943 года наш первый взвод, прорвав первую оборонительную линию врага, приближался уже ко второй. Приказ был наступать, не залегая. Что-то наподобие «психической» атаки. Приблизившись к дотам на 50 метров, шли, стреляя в полный рост. А немцы вели огонь из ДОТов и ДЗОТов. Мы уже стали бросать гранаты противотанковые по ДОТам. Из одного снайпер выстрелил прямо мне в грудь. Это была разрывная пуля «дум-дум». Спас меня приклад автомата, который расщепило и отбросило от меня далеко, а я перевернулся и без чувств упал. Был мороз. Когда я очнулся, то увидел свой маскхалат весь облит замерзшей кровью. Из груди и правой руки еще струилась кровь. Приподняв голову, я увидел поле, усеянное убитыми и ранеными, а поблизости от меня крутился танк. Одна гусеница была порвана, и он крутился, все приближаясь ко мне. Еще один оборот, и я окажусь под танком. Сил нет с места сдвинуться. И вдруг мотор заглох, и из танка, ругаясь, вылезли наши танкисты. Они даже внимания на меня не обратили. Хотел крикнуть, но голоса нет. А сам чувствую, что окончательно замерзаю. Тогда поднял левую руку и стал ею

шевелить. Один из них увидел и сказал другому: «Смотри, живой, давай отнесем его в санпалатку, она недалеко в балке». Взяли меня на руки и понесли в балку. К палатке уже стояла очередь носилок с ранеными. Танкисты увидели кубики в моих петлицах и пронесли меня прямо в палатку. Там хирург приказал положить меня прямо на стол. Ноги уже были отморожены, поэтому хирург разрезал мои голенища, сняли с меня сапоги и одежду. Маскхалат, шинель, меховая безрукавка, гимнастерка, байковая рубашка, хлопчатобумажная рубашка, все это было снято, а я подумал не приклад, а эта одежда меня спасла. Началась операция. Замораживать было ни к чему, т.к. мое тело ничего не чувствовало. Больно стало только тогда, когда хирург стал пинцетом доставать осколки из легких. Теряя память, все же успел насчитать до трех раз, звякнувших осколков о таз. Дальше все ускользнуло, и я впал в беспамятство. Очнулся я в самолете. Мои носилки были подвешены, как и у моих соседей, к потолку самолета. Внизу у окошек сидели легкораненые. Из их разговора я понял, что летим в Сызрань из Калача. А до аэродрома везли на быках 3 км и на машине 40 км. В Сызрани перегрузили в санитарный поезд и повезли в Казань.

В эвакуогоспитале я пролежал 5 месяцев. 2 месяца лежал как чурка. Часто задыхался. Мой сосед кричал сестру, она бегом бежала за кислородной подушкой, вставляла трубку мне в рот, и я снова оживал. Правая рука висела, как веревка. Кость цела, перебиты нервы, и лучевой, и срединный. Самый счастливый день в моей жизни был, когда я встал на ноги и вдоль стенки стал пробираться в туалет. Потом встретил в коридоре брата, который уже 4 месяца лежал этажом ниже. Когда мы с ним общались в коридоре, собрался весь госпиталь, все не верили, что мы братья. Пришел комиссар госпиталя, подтвердил наше братство. Нас повалили в одной палате рядом. А когда утром опустились в столовую, брат ходил на костылях (нога совсем не работала), повариха со слезами на глазах начала приносить нам угощения. Главный врач пообещал выписать из госпиталя в

один день. Пусть, говорит, мать встречает сразу двоих. Мать с двумя дочерьми была эвакуирована в Алтайский край. Но по дороге их эшелон заболел брюшным тифом. Дочери выжили, а мать умерла за месяц до нашего приезда на Алтай. Весь госпиталь нас провожал на вокзал. Поставили мы крест на могилу матери. Отец умер в финскую войну. Однажды легли спать. Вдруг стучат, открыли дверь, а на пороге два офицера из военкомата. Ищут дезертиров. Проверили наши документы, а сестры спали на русской печке, остриженные наголо. Тогда офицер и обращается к одной из них: «Гражданин, а Вас, что, не касается, Ваши документы?» Мы грохнули от смеха. Потом он понял, что гражданку принял за гражданина.

Через некоторое время райвоенкомат послал меня в краевой центр на комиссию. Инвалидность сняли и отправили на фронт. Завершалась «Курская дуга». На передовой я уже был бывалым командиром стрелкового взвода. Недолго водил в атаки свой взвод. В одной из них шальная пуля пробила мякоть левой ноги. Снова в госпиталь.

А когда дали инвалидность, стал работать военруком в школах. Получил еще медаль. Да вы, ребята, не очень серьезно глядите на медали. Тот, кто был на передовой, знает, что каждый день на передовой стоит медали. Самая главная награда для нас – то, что мы остались живыми, а самые лучшие ребята погибли, навек остались молодыми в нашей памяти, в памяти родных.

Конечно, досталось мне в войну. И не я виноват, что большинство наших товарищей и друзей отдали жизнь за Родину, а всё же, как говорят.

Работая военруком, заочно окончил педагогическое училище, а затем физмат Ленинградского учительского института им. Покровского. Стал работать математиком в школе. Приехал в Тихорицы, поселился в родительском доме и стал работать в Тихорицкой начальной школе. Где работаю и по сей день.

Работая, все время чувствую, что я в каком-то долгу перед погибшими братьями, друзьями, земляками, а поэтому стал заниматься военно-патриотическим воспитанием. При помощи своих Красных следопытов в школе создан музей боевой славы, самый лучший среди сельских школ области. Правда, наша школа стала базовой. К нам приезжали учиться учителя всех 42 школ района. Меня наградили медалью «За трудовое отличие», а через несколько лет нас с женой, которая тоже работала до пенсии в школе, значками «Отличник народного просвещения». Через несколько лет дали по ордену «Трудового Красного знамени». Она руководила методическим объединением.

Школе присвоили имя Героя Советского Союза Петра Кожанова. В 1971-ом году мне присвоили звание заслуженного учителя школы РСФСР. Правда, с докладами на педагогические темы выступал не только на районных, областных, но и на Всероссийских и Всесоюзных педагогических чтениях. За 40 лет работы получил 36 почетных грамот. Верховного Совета РСФСР, Академии педнаук, Советского комитета ветеранов войны, областного института усовершенствования учителей, облоно, обкома комсомола, «Пионерской правды», ЦЭТС, облтэс, райкома, горкома и т. д. Четыре грамоты от сельсовета. Уже 30 лет я являюсь председателем постоянной комиссии по культуре.

О работе нашей школы пишут в районной и областной газете. Есть документальный фильм «Сельдинин С. Н.». Ленинградское радио выпустило программу о нашей школе. Есть материал о нас и в Киришском городском музее. Есть книги о ветеранах Отечественной войны, в которых написано о Тихорицких следопытах.

Встречаюсь и переписываюсь с ЯВАШевцами²²⁶:

1. Сяткин Павел Иванович, г. Волгоград.

²²⁶ В оригинале приводятся полные почтовые адреса.

2. Иванов Павел Александрович, г. Ленинград, Бестужевская, 45-10.
3. Гомыляев Александр Семенович, г. Ленинград.
4. Климов Вениамин Семенович, г. Краснодар.
5. Захаров Борис Павлович, г. Ленинград.
6. Мирошников Петр Григорьевич, г. Ленинград.
7. Васильев Валентин Михайлович, г. Выборг Ленинградской обл.
8. Филиппов Павел Максимович, г. Петродворец Ленинградской обл.
9. Дубков Алексей Александрович, г. Струги Красные Псковской обл.
10. Белостоков Сергей Викторович, г. Ленинград.
11. Федоров Алексей Варламович, г. Боровичи Новгородской обл.
12. Ярцев Игорь Иванович, г. Ленинград.
13. Новичихин Александр Иванович, г. Ленинград.
14. Наумов Борис Александрович, г. Ленинград.
15. Ушацкий Евгений Иосифович, г. Сосновый бор Ленинградской обл.
16. Хабибулин Евгений Валентинович, г. Ленинград.

Я встречаюсь с ними в День Победы уже пять лет. Они больше.

Сашу Громова не застал, он умер в Ленинграде. С Сережей Белостоковым воевал вместе под Сталинградом в 77 ОЗАБ. Расстались в Москве в 1942 году.

Сейчас часто вспоминаю прожитую жизнь. Голубой полосой в ней была ЯВАШСБ. А вы своим лучиком освещаете эту голубую полосу. Спасибо вам за это.

Всем мы прошли войну. Много было друзей, но таких как ЯВАШевцы ни у кого не было. Вот почему наши встречи в День Победы так дороги. Уже трое ушли от нас навсегда.

Всех нас в 40-летие Победы наградили орденом Отечественной войны. Меня перевели с 3-ей группы на 2-ую инвалида Отечественной войны.

Вот, пожалуй, и все, а то ведь надо пожалеть и бумагу. И так 6 листов. Конечно всю войну описать, нужна целая книга, а книги пишут писатели.

Вот, Наташа, ответы на ваши вопросы. Если потребуется какая-нибудь подробность, не стесняйтесь, спрашивайте. Отвечу. Хотелось бы с вами встретиться в Ленинграде, но удастся ли?

Крепко жму ваши руки.

Бывший курсант ЯВАШСБ С. Н. Сельдинин

Воспоминания Вениамина Семеновича Климова

Вениамин Семенович Климов родился 26 января 1923 г. в деревне Мелковичи Новгородской области. В Ленинграде учился в сварочном техникуме, записался добровольцев в ЯВАШ. 14 мая 1942 г. был ранен под Керчью, 28 июня снова ранен на Сталинградском фронте. В сентябре 1943 г. закончил школу младших лейтенантов. Был еще раз ранен в октябре 1943 г. Демобилизовался в 1968 г. подполковником, поселился в Краснодаре и работал школьным военруком более 25 лет. Уже будучи в запасе, получил звание полковника. Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени, медалью «За боевые заслуги» и другими медалями. Рассказ о бое на Турецком валу 7 мая 1942 г. являются частью письма Р. В. Балашову, написанного в 1989 или в 1990 г. Оригинал хранится в Государственном архиве Ярославской области в фонде Р. В. Балашова. ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Письма участников Великой Отечественной войны Р.В. Балашову со сведениями по истории Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШ) (27 июля 1989 - 6 нояб. 1995). Л. 77-78.

Этот бой был очень коротким. Измотанным почти суточным переходом без пищи и сна нам приказали занять оборону на Турецком валу, одном из его ответвлений. Окопы выкопали не в полную глубину. Близко оказалась вода. Замаскировались хорошо, под местность. Вечером спросили добровольцев в разведку. Мы с Алексеем Поповым тоже дали согласие. Всю ночь ходили по степи. Противника не встретили, а ночь опять не спали. Утром меня растолкал Алексей. Будил прикладом прямо с бруствера. Поднялся, смотрю кругом воронки. Спрашиваю, откуда появились воронки. Алексей отвечает, что все утро бомбили, а ты не поднимал голову. Считал, что тебя убило. Оказывается, я не слышал бомбежки. Спал «как убитый». Пошли третьи сутки без пищи. Патронов было достаточно. Дали по несколько «Ф-1».

На наши позиции наступало три цепи фашистов. Шли равными цепями. Первая цепь – автоматчики. Это был первый для меня и последний бой, когда нами была выбрана так удачно позиция. Фашистов били на выбор. Их хваленые шмайсеры не могли достать до наших окопов, а мы легко и метко их поражали из винтовок. Немцы залегли. Слева от меня бил, выбирая цели, Алексей Попов. Правее хлестали винтовки курсантов во главе с Борисом Нутрихиным. Курсант Саулич вел огонь из ручного пулемета.

Наши позиции многократно прочесывались с бреющего полета самолетами. Замолк пулемет Саулича. Говорили, что пуля ему попала в грудь, он сплюнул кровью и сказал: «Ребята, меня ранило».

Нанесен бомбовый удар по траншее, где располагалась группа Нутрихина. Бомбы легли с малой высоты довольно точно. Огонь с нашей стороны ослаб.

Впереди нас и чуть левее остановился немецкий танк. Стал вести огонь по окопам прямой наводкой. Раздается команда: «Подносчик патронов, за патронами!» Поднимается Алексей Попов, скрылся за гребнем вала. Через 3-5 минут подбегает к моему окопу и дает несколько обойм патронов. Это, говорит, тебе по благу. Другим дам россыпью.

Отбежал Алексей метров 30, и вдруг около него взрыв... Вместе с землей полетел и кусок белой рубашки. Я обомлел. Смотрю, Алексей поднимается и в ближайший окоп. Сумку с патронами тащит волоком. В окопе застал Алексея сидящим. Плечевой сустав срезан начисто. Весь бок залит кровью. Всё, говорит, Клим, остался без руки. Ничего, говорю, врачи что-нибудь сделают. «Куда к черту сделают, если ключица на колене лежит». Вижу, что здесь индивидуальный пакет не поможет, нужна салфетка. Бросился я искать санитаря. За валом нашел. Взял его винтовку, чтобы ему легче бежалось с санитарной сумкой. Алексея увидели, когда он выполз из окопа. Рука привязана поясным ремнем к телу. Подбежали к нему, а но говорит: «Отойдите в сторону, иначе так и одним снарядам всех накро-

ет». Я в свой окоп, а санитар не отбежал и 50 метров, как был настигнут снарядом и разорван пополам.

От большого количества выстрелов моя винтовка накалилась до такой степени, что затвор я открывал корпусом гранаты Ф-1, ударяя по винтовке.

Но вот последовала команда «отходить». Я даже удивился: «Зачем отходить, немцы положены и несут от нашего огня потери, танк большого урона не приносит, зачем отступать!» Но начальству виднее.

Выскочили на гребень вала и видим, как слева движется стена танков. Сколько? Не до счета, много! За нами вдогонку устремился и «наш» танк. Бьет по бегущим из пулемета. Схватился за ногу писарь роты, сел на землю. Через несколько минут я просто налетел на отступающего солдата, который, поддерживая, вел рядом раненого. Смотрю, раненый-то – Лешка Попов! Мой друг. Подхватил его с другой стороны, поволокли. Солдат говорит: «Подержи его один. Вдвоем его не утащишь, позову еще кого-нибудь»... Ушел и с концом. Остались мы с Алексеем вдвоем. Взял его на свои плечи, понес. Да разве унесешь далеко! Это только в кино. Он совсем перестал ноги переставлять. Вижу, что от танка, от смерти нам не уйти. И решил я свернуть с ровного поля в овраг.

Здесь я напоил из ручья Алексея, сам напился. Мимо протащили одноколку, запряженную обмотками в оглобли клячу. По самый верх наполнена окровавленными телами. Алексея не дали положить в телегу. Оставим, говорят, всех. Люди крутили спицы колес... Что делать? Остаться с другом – предашь Родину. Уйти с отступающими – предашь друга. Слышу наверху оврага топот лошадиный. Я туда. Несется пара лошадей, запряженная в телегу. Остановил. Говорю солдату: «Спускайся в овраг, возьмем товарища». Ни в какую. Меня расстреляют, если я не доставлю кабель в катушках. Пришлось пригрозить. Послушался солдат. Алексей был без сознания. Ехали по ровному полю. Направил встретившуюся тачанку к раненному Саше

Громову. Где-то под вечер въехали в полосу густого тумана и завязли по ступицу в озимь. Солдат попросил поймать брошенного коня, и тогда тремя лошадьми вытащим телегу. Коня-то я поймал, а Лешку, возницу и телегу с кабелем потерял. На мои крики никто не отзывался...

Встретил я своего друга, Алексея, в Ленинграде у него на квартире в 1949 г., придя к его родителям, чтобы рассказать, как погиб Лешка.

Вот наш первый бой. Большого добавить нечего. Если каждый курсант напишет о себе, то, пожалуй, можно скомпоновать что-либо. Мы были разрознены. Курсанты были вперемешку с азербайджанцами. Всех не увидишь, не узнаешь.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные материалы

Переписка Грозненской ВАШСБ о приеме ярославских курсантов // Центральный архив Министерства обороны. Оп. 283573с. Д. 3.

Письма участников Великой Отечественной войны Р.В. Балашову со сведениями по истории Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШ) (27 июля 1989 - 6 нояб 1995) // Государственный архив Ярославской области. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45.

Письма экскурсовода музея «Обороны Аджимушкайских каменоломен» Л. П. Шереметьевой с биографическими сведениями о выпускниках Ярославской военно-авиационной школы стрелков-бомбардиров (ЯВАШ) – участниках обороны Крыма в 1941-1942 гг. (19 апр 1989 – 20 сент 1995) // Государственный архив Ярославской области. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 44.

Приказ Краснодарской военной авиационной школы стрелков-бомбардиров №140 от 6 мая 1941 г. // Центральный архив Министерства обороны. Оп. 479154. Д. 2. Л. 133.

Приказы Грозненской ВАШСБ о приеме ярославских курсантов // Центральный архив Министерства обороны. Оп. 341223. Д. 1.

Официальные документы

Русский архив. Великая Отечественная. Т. 13(2-1). Приказы народного комиссара обороны СССР, 1937 – 21 июня 1941 г. Москва : Терра, 1994. 368 с.

Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2-2). Москва : Терра, 1997. 448 с.

Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13(2-3). Приказы Народного комиссара обороны СССР. 1943-1945 гг. Москва : Терра, 1997. 456 с.

Воспоминания, автобиографии

Автобиография А. С. Гомыляева, 8 мая 1986 г. // Личный архив автора.

Анкета С. Н. Сельдина для участников Великой Отечественной войны, Керченский историко-археологический музей // Личный архив автора.

Воспоминания Алексея Варламовича Федорова // Личный архив автора.

Воспоминания ветерана Великой Отечественной войны Абрамова Кузьмы Степановича о службе в 606 штурмовом авиационном полку // Мемориальный музей военного и трудового подвига 1941-1945 гг. ОФ 1473-10. Л. 1-12.

Воспоминания Немцова Н. Д. // Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. Москва : Яуза, Эксмо, 2006. С. 289-330.

Воспоминания Ивана Николаевича Знаменского // Личный архив автора.

Красовский С. А. Жизнь в авиации. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Воениздат, 1968. 374 с.

Краткие биографические сведения. Егоров Федор Дмитриевич // Личный архив автора.

Лазарев О. В. «Летающий танк». 100 боевых вылетов на ИЛ-2. Москва : Яуза, Эксмо, 2013. 512 с.

Лысенко В. А. Мои мысли при жизни и на финише моих лет // Личный архив автора.

Письма С. В. Белостокова Р. В. Балашову, 27 мая – 15 июня 1990 г. и 22 ноября – 18 декабря 1990 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 27, 30-об.

Письмо В. С. Климова Р. В. Балашову, 11 декабря 1989 г. // ГАЯО. Ф. №Р-63. Оп 1. Д. 45. Л. 75-об.

Письмо С. Н. Сельдинина группе «Поиск», январь 1986 г. // Личный архив автора.

Сельдинин С. Н. Уж минуло 60 лет, но память все хранит... // Киришский факел. 2001. 24 июля. С. 5.

Письма

Письмо В. М. Васильева С. Н. Сельдинину, 2008 г. // Личный архив автора.

Письмо М. Ф. Никандрова С. Н. Сельдинину, 27 октября 1988 г. // Личный архив автора.

Письмо Е. К. Орловой С. В. Белостокову, 8 марта 1944 г. // Личный архив автора.

Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину и Г. Н. Сельдиной, 23 апреля 2004 г. // Личный архив автора.

Письмо П. И. Сяткина С. В. Белостокову 3 февраля 1979 г. // Личный архив автора.

Письмо Е. И. Ушацкого группе «Поиск», 1985 г. // Личный архив автора.

Письмо Е. И. Ушацкого С. Калинину, 3 декабря 1987 г. // Личный архив автора.

Письмо А. В. Федорова С. Н. Сельдинину, 29 января 2008 г. // Личный архив автора.

Публикации в периодической печати

Абрамов В. В. Пропавшие без вести? // Вокруг света. 1972. №2. С. 6.

Абрамов В. В. Неизвестные становятся известными // Вокруг света. 1975. №4. С. 17.

Богма А. Полковник запаса // Правда. 1960. 23 января. С. 2.

Воробьев Е. Повелитель двух стихий // Волоколамский край. 2012. 5 мая.

Вспомним всех // Земля ветлужская. 2014. 2014. 16 декабря. С. 4.

Герои Аджимушкая // Смена. 1975. 1 апреля.

Гриф А. Подвиг Сталинграда в наших сердцах // Радио. 1982. №11. С. 15.

Кобылинский В. Летчики подземелья // Городские новости. 2010. 5 мая. С. 4.

Ковалева Т. Позывной «ЕГО» // Областная газета. 2008. 30 января. С. 6.

Коккинаки В. Должны и будем летать // Комсомольская правда. 1936. 9 декабря. С. 1.

Коммунар. 1961. 14 июля.

Куксов Ю. Кукурузник против «фоккера». Летчик-«ночник» Сергей Куклев перехитрил немецких асов и подружился с «ночными ведьмами» // Российская лесная газета. 2005. 11 марта.

Никитин Н. Упорные бои // Сталинский сокол. 1941. 15 октября. С. 2.

Первомайский парад и демонстрация в Ярославле // Северный рабочий. 1941. 4 мая. С. 3.

После окончания училища Михаил Войцех сразу отправился на фронт // Прикубанские огни. 2000. 19 апреля. <https://prikubanskieogni.ru/post/8350/>. (Дата обращения: 30.06.2022).

Сельдинин С. В небе над Сталинградом // Киришский факел. 1987. 15 августа. С. 4.

Сельдинин Сергей Николаевич // Киришский факел. 2013. 16 марта. С. 2.

Скуратов Ю. Однополчане провожают... // Правда. 1960. 27 января. С. 4.

Сталинские соколы вступают в партию // Сталинский сокол. 1941. 23 ноября. С. 3.

Таракановский В. Счастливый человек в буденовке // Знамя Победы. 2001. 7 апреля.

Юпатова Т. Два окна дороге освещают // Киришский факел. 2005. 22 февраля. С. 3.

Литература

А впереди была Победа... : сборник: по материалам обл. конкурса / ред. кол.: Ахметдинова С. Ю., Бабуркин С. А., Канин Н. А. [и др.] ; ЯрИнвестПроект, Централизованная библиотечная система г. Ярославля. Ярославль, 2010. 263 с.

Абрамов В. В. Героическая оборона Аджимушкайских каменоломен. Москва : Знание, 1983. 64 с.

Абрамов В. В. Керченская катастрофа 1942. Москва : Яуза, Эксмо, 2006. 352 с.

Абрамов В. В. Аджимушкой 1942. 2-е изд. Симферополь : Изд-во ООО «Антиква», 2020. 432 с.

Аквильянов Ю. А. «В первых же боях полк... показал, что способен на многое». Кремлёвские курсанты в битве под Москвой (октябрь-декабрь 1941 г.) // Военно-исторический журнал. 2018. №6. С. 42-46.

Бурлакова Т. И. Невоспетые герои воздушных боев. Судьбы курсантов 65-й ОШМАС (место дислокации – село Чердаклы Куйбышевской области). Ульяновск, 2020. 344 с.

Великая Отечественная: Комдивы. Военный биографический словарь / В. П. Горемыкин. Москва : Кучково поле, 2014. Т. 2. 990 с.

Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь. В 2 т. Москва : Воениздат, 1987-1988.

Запорожец Николай Иванович // Книга памяти. К 60-летию Великой Победы. Муравленко, 2005. С. 6.

Нехонов Г. И. Аджимушкой // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. Москва, 1970. Т. 1. С. 227.

Нехонов Г. И. Аджимушкой // Советская военная энциклопедия. Москва, 1976. Т. 1. С. 112-113.

Панков Д. В. Подвиг подольских курсантов / Д. В. Панков, Д. Д. Панков. 3-е изд. доп. Москва : Моск. рабочий, 1986. 207 с.

Панков Д. Д. Подольские курсанты в битве за Москву. Москва : Издательский дом «Московия», 2008. 192 с.

Слесарчук А. А. Архив уполномочен... Курсанты ЛПКУ. Лужский рубеж. Санкт-Петербург : Ника, 2019. 289 с.

Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. в цифрах. Москва, 1962 // <http://militera.lib.ru/h/sovaviation/index.html>. (Дата обращения: 21.07.2022).

Федоров А. Г. Авиация в битве под Москвой. 2-е. изд. Москва : Наука, 1975. 343 с.

Фёдорова А. В. 2-е Чкаловское военное авиационное училище в годы Великой Отечественной войны // Современная научная мысль. 2022. №1. С. 57-62.

Иван Афанасьевич Минин

Федор Дмитриевич Егоров

Иван Николаевич Знаменский

Зиновий Захарович Халевицкий

Георгий Фердинандович Стриевский в форме офицера Народного Войска Польского

Василий Алексеевич Крупнов

Начальник ЯВАШ полковник
Федор Дмитриевич Шустер

Начальник ЯВАШ, коман-
дир 606 авиаполка полков-
ник Николай Сергеевич Ви-
ноградов.
На снимке – в звании под-
полковника

Командир 1-й учебной эскадрильи ЯВАШ, командир эскадрильи 606 авиаполка
капитан
Павел Петрович Зеленцов.
На снимке – в звании старшего лейтенанта

Командир отряда в ЯВАШ, командир эскадрильи 606 авиаполка
старший лейтенант
Максим Иванович Смирнов.
На снимке – в звании лейтенанта

Помощник командира отряда в ЯВАШ, заместитель командира эскадрильи 606 авиаполка лейтенант Александр Илларионович Крайний. На снимке – в звании младшего лейтенанта

Комиссар 2-й учебной авиаэскадрильи в ЯВАШ капитан Павел Георгиевич Клюев

Преподаватель тактики ВВС
и общей тактики в ЯВАШ,
начальник штаба
606 авиаполка майор Григо-
рий Алексеевич Мазиков.
На снимке – в звании капи-
тана

Интендант 2 ранга в ЯВАШ
Яков Матвеевич Митляров.
На снимке – в звании под-
полковника

Пилот-инструктор в ЯВАШ,
летчик 606 авиаполка лей-
тенант Владимир Сергеевич
Сосин

Пилот-инструктор ЯВАШ
младший лейтенант Васи-
лий Стефанович Родин. На
снимке – в звании лейтенанта

Курсант Кирилл Михайлович Карамышев, штурман 606 авиаполка. На снимке – в звании сержанта

Награды начальника инженерной службы ЯВАШ инженер-майора Мечислава (Виктора) Павловича Монкевича

Авиамеханик ЯВАШ сержант Иван Кузьмич Молчанов. На снимке – в звании гвардии старшего сержанта

Авиамеханик ЯВАШ сержант Григорий Тимофеевич Лёвин. На снимке – полковник, Герой Советского Союза

АНКЕТА

для выяснения судьбы офицера, семья с которым утратила связь в период Отечественной войны 1941-1945 гг. и下落
таже ГИ В В О П / 15300 от 27 января 1950г.

Сведения об офицере:

1. Фамилия, имя и отчество : Деревяга Михаил Степанович
2. Год рождения : 1919 года рождения.
3. Место рождения; область, район : Великая обл. Дмитровский р-н
деревня, город : с. Серкиятка.
4. В каком звании состоял в ре- : В запасе не состоял.
пасе, номер и дата приказа о
присвоении звания в зап., на-
ция ВУС и состав.
5. Каким военкоматом призван в : Киевским Гербкомполком.
нашу часть, когда и на како- : с 1-го 1940г. Загиплен Курвантом
доказательство направлено : Краснодарский Военный округ
но отделение Стрелков-Бомбардиров.
6. Гражданская специальность и : Студент № Курса Киевского
армии : Лесотехнического института.
7. Был до Отечественной войны : 9.6.1941 года Советов в Кадрах
состоял в кадрах, то в каком : Курвантом, в Ярославль (областной)
звании, в какой части и в : 1-ой стр. полк, 1-ой стрелковой
какой части приобщен к службе : дивизии "В"
8. Если призван в армию рядовым, : Призван из института в Летное
то угадать, какое училище или : Краснодарские училище в 1940 году.
курс окончил, будущий армия : в июне 1941 года продолжил учебу
Курвантом в в Ярославле полковой
дивизии "В"
9. В каких родах войск и на каких : В войсках ВВС в должности стрелка-
должностях проходил службу : бомбардиров (своих матери)
10. Имел ли действительные : Не установлено.
11. Когда прекратилась письменная : Последний письмо получено до
связь : начала войны 1941 года в даты на
полковой штаб в Ярославль
от 9.6.1941 года.
12. Перечислить последователь- : Сместе справка штаба полковой
ное все воинские адреса не : даты № 11 в Краснодар от 24.1.1941 года.
писем и документов / ПИС или : за № 98.
полное наименование части : со сведения из в Ярославль (областной)
полк, отделение № 1 полковой дивизии
дивизии "В" в даты на полковой
штаб от 9.6.1941 года.
13. Когда, кем проведено рассле- : По словам матери в 1946 году
дование и какие получены отве- : дала в запрос через Дмитровский
раивоемкомат, ответа не последовало
в Раивоемкомате данных о судьбе
Деревяга Михаила не имеется.

Анкета для розыска курсанта Михаила Степановича Деревяги, воевавшего в 372 стрелковом полку и пропавшего без вести на Крымском фронте в мае 1942 г.

ПОЧЕПСКИЙ
Районный Военный
КОМИССАРИАТ
Брянской области

403
20
НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА ПО УЧЕТУ ПОГИБШЕГО И ПРОПАВ-
ШЕГО БЕЗ ВЕСТИ РАДОВОГО И СЕРЖАНТСКОГО СОСТАВА
СОВЕТСКОЙ АРМИИ.

Гор. МОСКВА.

№ 4/243
Горки
На № ОГ- 7543 от 24 апреля 1947 года.

«Представляю анкету для уточнения судьбы ТРОЩАНОВСКОГО
Бориса Михайловича, 1922 года рождения, уроженца гор. Ессенту-
ки, Терекской области.

В связи с поступившей жалобой матери погибшего в/служа-
щего - ТРОЩАНОВСКОГО ТРОЩАНОВСКОЙ Клавдии Константиновны о
том, что её сын не пропал без вести в декабре 1941 года, а по-
гиб в мае 1942 года. При уточнении через сослуживцев погибшего
ТРОЩАНОВСКОГО БОЦДАРЕНКО В.Е. установлено, что он действитель-
но погиб в мае 1942 года в звании "сержант".

Кроме того уточнено месторождение погибшего: сказанное в изв-
ведении не соответствует действительности, погибший родился
не в городе ПОЧЕП, Брянской области, а в городе Ессентуки,
Терекской области.

Поэтому прошу внести изменения в учетные данные погиб-
шего: дату гибели, воинское звание и месторождение.

О чём прошу подтвердить для внесения исправления в
ранее полученное извещение.

ПРИЛОЖЕНИЕ: анкета, заявление и подтверждение, все
на 4 листах, только адресу.

22 ФЕВ 1954

ПОЧЕПСКИЙ РАЙВОЕНКОМ
ПОДПОЛКОВНИК

НАЧАЛЬНИК 4-Й ЧАСТИ
КАПИТАН

Вх. № 269
22. II. 1954 г.

Мессинский / ПОЛУНИН/

Письмо Почепского РВК Брянской области о признании
погибшим курсанта Бориса Михайловича Трощановского

2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Personalkarte I: Personelle Angaben Kriegsgefangenen-Stammlager: Lamsdorf O/S.																		Abteilung der Schutzhaftstelle Nr. 5505 Stellung 318 (VIII F)					
Name: Pugatschow Pawel																		Nationalität: Russe					
Vorname: Pawel																		Dienstgrad: Leutnant					
Geburtsort und -zeit: 12.12.1920 St. Petersburg																		Dienstort: 330 Inf. Reg. 15. Div.					
Religion: Orth.																		Dienstort: Schlösser					
Dienstort des Soldaten: Pjotr																		Dienstort (Ort und Datum): 15.12.43 Kozlov					
Familienname der Mutter: Jefremowa																		Ob geliebt, <u>heiratet</u> , verheiratet eingetraget:					
Bild																		Höhere Dienstbeschreibung					
																		Körperliche Eigenschaften: Keine					
Haarfarbe: blond																		Name und Adresse der zu beabsichtigten Person in der Heimat bei Kriegsende: Vater: Pugatschow Pjotr St. Mendomo Str. 1 Krasnaja 156 Bez. Archangelskaja					
Gestorben am: - 2. Aug. 1943																		Unterschrift: Павел - Пугачев					
Unterschrift: Пугач. 3 8431																		Unterschrift: Архангельск обл. Козлов					
Unterschrift: Уч. Пугачевский 956																		Unterschrift: 1943					

Учетная карточка военнопленного Павла Петровича Пугачева, оформленная в штаблге 318 (VIII F) Ламсдорф

COMAND. III TERIT.

LAGĂRUL 8 Bolgrad

Lag 8 Bolgrad Rap 11728
Intr. 674596/942 Reg 8 F

Anexa Nr. 1

STAT NOMINAL PENTRU PRIZONIERI

Nr. curent	a) NUMELE DE FAMILIE b) PRONUMELE c) STAREA SĂNĂȚII (SĂNĂȚOS, RANIT, INFIR- MITĂȚILE CE LE-AR AVEA)	a) Gradul b) Profesia	a) Corpul de trupe b) Comp. Esc. sau Bat.	a) Local unde a fost capturat (comuna, județul) b) Data c) Lagărul ante- rior	a) Locul (comuna, județul) și data nașterii b) Numele părinților c) Ultimul domiciliu (co- muna, str., jud.)
a)	Lamachin	sold.	inf. Bat. 1	Sevastopol	Perohava - Voronej 1915
b) 5716	Vasile	Plug.	Branda Camp. I.	7.6.1942	Nichita - Iofica
c)	sănătos			Nicolae	Perohava - Voronej
a)	Svetoșgorov	sold.	inf. R. 372 ap.	Cherchi	Kislovat - Arjenicko 1933
b) 5717	Alexei	Plug.	Bat. 3 Camp. 3	24 mai 1942	Ofim - Pasarscanu
c)	sănătos			Nicolae	Kislovat - Arjenicko
a)	Corolior (Coriolor)	sold.	inf. R. 75 ap.	Cherchi	Sucirovski - Stalingra 1940
b) 5718	Feodor	Plug.	Bat. I.	19 mai 1942	Andrei - Kerchi
c)	sănătos			Nicolae	Tomnari - Stalingra
a)	Godulianov	sold.	Bat. 265	Simferopol	Zupatoriă - Crimeea 1948
b) 5719	Grigore	Plug.	Săpat.	38 Aprilie 1942	Alexei - Zlenar
c)	sănătos			Nicolae	Zupatoriă - Crimeea
a)	Plavco	sold.	inf. R. 90	15 km Sevastopol	Acneest. Crimeea 1905
b) 5720	Constantin	Plug.	Bat. I. Camp. 7	19 Nov. 1942	Șingure - Evdochiia
c)	sănătos			Nicolae	Acneest. Crimeea

Reg. nr. 116/14/1946 pag. 51.

C. 41217. - M. O. Imprimeria Centrală

Учетная карточка румынского лагеря военнопленных №8
Болград с фамилией Алексея Ефимовича Святогорова,
воевавшего в 372 стрелковом полку и взятого в плен
в Керчи 24 мая 1942 г.

2- 70+ 1942г. 606 л. авиационный полк
Летчики состава 606 л. авиационного полка
Василий Тимофеевич Отраднов

Летчики 606 «ярославского» легкомобардировочного
авиаполка в период Московской битвы

Летчик 606 штурмового авиаполка лейтенант А. Д. Чувиков на
самолете Ил-2 лейтенанта Василия Тимофеевича Отраднова,
умершего от ран 22 августа 1942 г.

Встреча ветеранов ЯВАШ в школе №53 г. Ярославля в мае 1985 г. Слева направо: Тамара Александровна Белостокова, военный историк Всеволод Валентинович Абрамов, Петр Григорьевич Мирошников, Алексей Варламович Федоров

Ветераны-явашевцы Николай Алексеевич Ефимов, Валентин Михайлович Васильев, Сергей Николаевич Сельдинин, Павел Максимович Филиппов, Сергей Викторович Белостоков.
10 мая 2002 г.

Здание казармы ЯВАШ (бывший кадетский корпус)
на улице Московской в Ярославле

Учебное здание ЯВАШ (после войны – школа №53)
на улице Емельяна Ярославского в Ярославле

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ 1. ЯРОСЛАВСКАЯ АВИАШКОЛА: ЛЮДИ И СУДЬБЫ	5
Скупые строки: ЯВАШ в исторической литературе и источниках	7
«Сталинский сокол! Вот это фортуна»: ярославские курсанты осваивают воинскую профессию	14
Командный и начальствующий состав школы на фронтах войны	29
Курсанты ЯВАШ в боях 1942 г. на Юго-Западном и Крымском фронтах.....	42
Ярославские выпускники 2-й Чкаловской ВАШСБ.....	58
Трагедия войны: военнопленные и пропавшие без вести	64
«Старимся, но не сдаемся»: ветераны-явашевцы в СССР и постсоветской России	73
ЧАСТЬ 2. ВОСПОМИНАНИЯ.....	81
Воспоминания Алексея Варламовича Федорова	83
Воспоминания Ивана Николаевича Знаменского.....	175
Воспоминания Сергея Викторовича Белостокова	214
Воспоминания Сергея Николаевича Сельдина.....	253
Воспоминания Вениамина Семеновича Климова	265
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	269

Научно-популярное издание

Александр Михайлович Ермаков

**ЯРОСЛАВСКАЯ ВОЕННАЯ АВИАЦИОННАЯ ШКОЛА
СТРЕЛКОВ-БОМБАРДИРОВ**

Монография

Редактор К. С. Лапшина

Подписано в печать: 02.12.2022. Формат 60×90/16.
Объем 18,25 п. л., 11,65 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. Заказ № 233.

Редакционно-издательский отдел
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108/1

Отпечатано в типографии
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44
Тел.: (4852)32–98–69